

П И О Н Е Р

ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год

12

П И О Н Е Р

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Д Е Т С К И Й Ж У Р Н А Л
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А В Л К С М

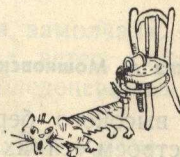
№ 12
ДЕКАБРЬ
1956

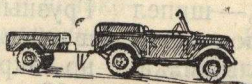
В этом номере:

Гауптвахта.— Рассказ А. Мошковского. Рисунки Б. Винокурова	2
Мой друг.— Стихи Семёна Данилова. Перевод с якутского В. Тушновой	10
Всадник без головы.— Пьеса-шутка М. Львовского. Рисунки Е. Ведерникова	11
Нюфелет.— Стихи В. Берестова	14
Наш автомобиль.— Очерк А. Некрасова	15
Мурманские зуйки.— Рассказ Б. Шергина. Рисунки П. Павлинова	22
Задумано — сделано.	26
«Орлёнок».— Рассказ Н. Чебаевского. Рисунки Ф. Лемкуля	27
С Новым годом! — Ю. Новикова. Рисунки В. Константинова	32
Бемби.— Ю. Нагибин. По одноимённой повести Ф. Зальтена. Окончание. Рисунки В. Ватагина	38
Рисунки английских детей	49
На дальней окраине Киева.— Очерк Е. Гариной	49
Путешествие Голубой Стрелы.— Повесть Джанни Родари. Перевёл с итальянского Ю. Ермаченко. Окончание. Рисунки А. Брея	54
Спорт.— Шестьдесят товарищей.— Очерк Л. Фридман. Фото С. Карасёва	61
О чём рассказал Санжукамца.— М. Юдович, международный мастер по шахматам. Рисунки А. Ливанова	64
Почему и отчего	66
Будьте любезны.— А. Дорохов	68
Кляксы	70
Баллады английских шахтёров	72
В мире книг	74
Наши зимние гости.— П. И. Горохов	76
В часы досуга	78
Содержание журнала «Пионер» за 1956 год	78

На обложке:
рисунки О. Зотова
«Дед Мороз на школьном катке».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Гауптвахта

Рассказ А. Мошковского.

Рисунки Б. Винокурова.

У высокого берега Западной Двины перед строем «синих», размахивая треугольным флагом, медленно расхаживал Всеволод. С лыжами в руках слушали мальчики чёткий, отрывистый голос своего отрядного вожатого. Они готовились к штурму крепости, которую на противоположном берегу из снега возвели «зелёные» — шестиклассники другой школы города. На стене этой крепости и нужно было водрузить флаг.

Мороз стоял свирепый. Даже валенки не могли уберечь ноги от холода. Ребята пританцовывали на снегу, подталкивали друг друга плечами, хлопали варежкой о варежку.

И вот, когда Всеволод уверенным юношеским баском отдавал последние распоряжения, в строю послышался вкрадчивый шёпот. Сперва он был тихий и осторожный, но с каждой секундой становился громче и назойливей.

— Чего лезешь не в своё дело? — шипел один голос. — Тебя не назначали, стой и не шевурши.

— А меня и назначать не нужно, — шипел другой голос. — Слышал, что Всеволод говорил? В разведку пойдут лучшие лыжники. А ты и стоять-то не умеешь на лыжах.

— Это я-то не умею?

— А то кто, я, что ли?

— А ну повтори, что сказал...

— И повторю.

— Повтори, повтори...

— А что, думаешь, не повторю?

В строю «синих» притихли. Все стали прислушиваться.

Всеволод замолк. Но спорщики уже ничего не замечали.

— Дура ты, вот кто! — сказал один из них, переходя с шёпота на полный голос.

— Это я дура?! — изумился другой, переходя на крик. — Ах ты, трепло несчастное!

Строй «синих» сдвинулся, спорщики побросали лыжи и яростно сцепились.

— Сорокин и Свиридов! — прогремел чуть картавый голос Всеволода. — Прекратить безобразие!

Но «безобразие» не прекратилось. Наоборот, драка разгоралась всё пуще. Они пыхтели, как медвежата, стараясь свалить друг друга на снег, пинались ногами и бодались.

Наконец они разлетелись в стороны, и Митька Сорокин, более ловкий, увернувшись от удара, как кошка, прыгнул за ствол клёна. Грузный Юра Свиридов, с красным перекошенным лицом, бросился вслед. Они бешено закружились вокруг дерева.

Юра внезапно застыл на месте. Но Митька держал ухо востро и тут же останавливался как вкопанный.

— А ну давай, давай! — блестя зубами, азартно вскрикивал Митька. — Быстрее поворачивайся, тюлень!

Это был низкорослый, крепкий, как дубок, мальчишка в коротком бобриковом пальтеце с продранными локтями. Пунцовое от мороза курносое лицо его светилось вдохновением драки. Он был слабее, но превосходил противника в проворстве, и поединок продолжался с переменным успехом.

Окончилась драка внезапно: Митька, свернувшись в клубок, бросился Свиридову в ноги, и тот тяжело рухнул в сугроб. Подхватив Свиридова под коленки, Сорокин воткнул его головой в снег и торжествующе сдёрнул с ноги валенок.

— Сорокин! — Всеволод с силой вонзил в снег древко флага и неподвижно замер на месте.

— Чего? — неохотно отозвался Митька.

— Немедленно верни Свиридову валенок и иди сюда!

Ребята стали подымать Юру. Вывалянный в снегу, в одном правом валенке, он был разъярён и всё ещё лез в драку, но ребята крепко держали его за руки.

— Держи! — Митька небрежно швырнул валенок, поднял свои лыжи и ленивой развальщей подошёл к командиру.

— Ты что это?

— В разведку хочу — вот что.

— А какой был приказ?

— Да он и маскироваться-то не умеет. В собственных ногах запутается. Дылда несчастная!

— Я тебя спрашиваю: какой был приказ?

— Ну, был — идти ему...

— А кто дал тебе право оспаривать военный приказ? Кто, я спрашиваю?

— Да я думал...

— Отставить! — Всеволод нервно потёр перчаткой щёку и громко, чтобы слышали все ребята, отчеканил: — За нарушение военной дисциплины налагаю на тебя взыскание: трое суток гауптвахты: немедленно пойдёшь в школу и будешь помогать девочкам делать ёлочные украшения... Ясно?

Мальчишки, окружившие Митьку, переглядывались. Многие из них испытали на себе беспощадную строгость Всеволода, но до гауптвахты дело ещё не доходило. Даже Юрий перестал вырываться из рук ребят и успокоился: эта мера наказания вполне устраивала его.

Митька молчал и ковырял носком валенка снег. Выбыть сейчас из игры — это был удар, которого он не ожидал.

— Слушай, Сева, — мягко сказал заместитель командира Коля Ерохин, губастый парень с круглым, добрым лицом. — Он, конечно, трёх суток заслуживает, вполне заслуживает, но, понимаешь ли, учитывая обстановку, мне кажется, можно ограничиться более мягким взысканием. Я бы лично не удалял его из подразделения в то время, когда начинается штурм. Нельзя забывать, что штурм будет очень трудный, потребует всех наших сил, и каждая боевая единица...

Ребят словно прорвало: вот слова, которых они ждали, но не решались высказать вслух.

— Верно! Верно! — зазвучали голоса.

— Он все подходит к крепости знает!

— Оставить Митьку! Оставить!

Всеволод непреклонно смотрел на ребят и молчал, пока не улёгся шум. Выждав паузу, он металлическим голосом сказал:

— Мы никому не позволим деморализовать наши боевые ряды. Знаете ли вы, с чем это граничит в военное время? Знаете, я вас спрашиваю? — Всеволод холодно оглядел ребят.

Ребята опустили глаза, замолчали. С Двины пронзительно задувал ветер, резал щёки и руки, постукивал обледеневшими ветками клёнов.

— С предательством... Вот с чем! — жёстко закончил Всеволод.

— Врёшь! — сорвавшимся голосом закричал Митька и, сжимая кулаки, огляделся, ища поддержки у ребят.

Но ребята молчали: кто равнодушно смотрел в небо, кто возился с креплениями на лыжах, кто усиленно дул в варежку. Тогда, облистав кончиком языка пересохшие губы и поглубже нахлобучив ушанку, Митька медленно стал вынимать палки из лыжных ремней.

— И, значит, никакого облегчения человеку? — робко спросил чей-то простуженный, с хрипотцой голос.

— Приказ обжалованию не подлежит, — отрезал Всеволод. — Сорокин, можешь идти.

— Ну что ж, — равнодушно сказал Митька; он сунул носки валенок в ремни, туго затянул на пятках заржавевшие пряжки и с достоинством добавил: — Ещё вспомните Дмитрия Сорокина...

— Таких солдат нам не нужно.

— ...но будет уже поздно.

— Кругом... шагом марш!

Митька подпрыгнул, громко хлопнув лыжами о снег, задвигал валенками, проверяя прочность креплений. Потом выпрямился и грудью упёрся в палки.

— Ну и чёрт с вами! — Митька оглушительно свистнул, вонзил в снег палки, оттолкнулся и исчез за краем обрыва.

Ребята, толкая друг друга, бросились к обрыву. Заросший кустарником и деревьями, он тремя огромными террасами уходил глубоко вниз.

Ни один ещё лыжник, даже взрослый, не решался съехать с такой головокружительной высоты. Ни один.

Низко пригнувшись, держа на весу палки, Митька неудержимо мчался вниз — нет, не мчался, падал, — стремительно объезжая кусты ивы и старые промёрзшие ивы, и было непостижимо, как успевает он на такой бешеной скорости управлять лыжами, перекладывая их то влево, то вправо. Вот его маленькая фигурка в бобриковом пальтеце нырнула в узкий пролёт между деревьями, выскочила на пологий сугроб и внезапно провалилась за грань нижней террасы...

Не дыша, с жутким холодком в сердце, с каким ожидают несчастья, смотрели ребята вниз.

Секунда — и Митька вынырнул из-под земли и, упруго подпрыгивая на горбах и колдобинах, понёсся к реке. Сила разгона донесла его до середины Двины.

— Вот это да! — с восторгом выдохнул кто-то.

Все ребята шумно заговорили, обсуждая спуск.

— Какого человека прогнали, а! — назойливо раздавался всё тот же простуженный, с хрипотцой голосок, сея сомнения в справедливости командирского приказа.

Но лицо Всеволода — сухое, неподвижное, с сомкнутыми в тонкую черту губами — ничего не выражало. Отойдя от обрыва, он велел ребятам строиться, словно ничего не произошло.

— Правда, здорово съехал, а? — приставал к Всеволоду всё тот же голос, но командир только нетерпеливо махнул рукой, и ребята нехотя стали собираться в строй.

Крошечная, не больше подсолнечного семечка фигурка двигалась по Двине в сторону неприятельской крепости.

— Отставить разговоры в строю! — крикнул Всеволод. — Рядовой Свиридов, выполняйте приказ!

Подхватив подмышки лыжи, Юра по узкой тропинке стал осторожно спускаться с обрыва, с того самого обрыва, с которого так лихо съехал проштрафившийся Митька. Юра слезал боком, опирался на палку и выставлял вперёд ногу, ошупывая снег.

А тем временем Митька размашистым шагом шёл по лыжне, сильными толчками посылая вперёд своё крепкое, мускулистое тело. Задние концы его лыж громко постукивали по твёрдой колее, и встречный ветер студил разгорячённое лицо. Голубоватый наст, весь в синих пятнах следов и вмятин, разноцветно искрился под декабрьским солнцем, над холмами и далями струился прозрачный морозный парок.

Но Митька не замечал красоты зимнего утра. Он шёл вперёд и вперёд, словно хотел убежать от ещё звеневшего в ушах тяжёлого слова — «предательство».

«И без них проживу, — думал он, — затеяли дурацкую игру с этой крепостью. Тоже мне разведчик! Оглобля несчастная!»

Всё дальше и дальше гнал он без всякой цели по Двине.

Он оглянулся назад. Возле пристани, вмёрзшей в лёд, он увидел знакомую долговязую фигуру Свиридова. «Идёт на выполнение задания!» — понял Митька, и что-то легонько кольнуло его в сердце.

Юра шёл к устью небольшой речушки Петлянки, где «зелёные» возвели свою крепость. Несмотря на большой рост и неуклюжесть, Юра шёл легко и уверенно — этого не мог не видеть опытный глаз Митьки. «Старается, — подумал он, испытывая жгучую зависть, и с недобрим чувством отметил, что Свиридов идёт по целине открыто, в полный рост, не скрываясь. — Дурачина, в два счёта застукают».

Чтобы лучше видеть, как Юру будут брать в плен, Митька решил зайти «зелёным» в тыл. Правда, для этого надо будет дать хороший крюк, ну так что ж... Такого удовольствия он не мог упустить.

С километр пробежав по берегу, он «ёлочкой» взобрался на береговой откос. Долго ехал возле тротуаров по кривым улочкам и проулкам. Потом, не снимая лыж, перелез через невысокую изгородь и пошёл в обратном направлении.

Теперь Митька был начеку: здесь начиналась территория «неприятеля», и он каждую секунду мог наткнуться на «зелёных». Возьмут в плен как лазутчика — и крышка! Не

будешь же им объяснять, что «синие» за драку изгнали тебя из своей армии.

Начался глухой забор. Митька пошёл под его прикрытием. Заглянул в широкий пролом — вниз уходили заснеженные огороды с волнистыми гребнями, рядок и рыжими стволами подсолнечника, торчащими в небо, как зенитные пулемёты. В самом низу, у старых кражистых верб, копошились тёмные фигурки — «зелёные». Митька повёл ноздрями. Крепости он всё ещё не видел.

Быстро сняв лыжи, он лёг на них и, взяв в одну руку палки, другой стал отталкиваться.

Снег залезал в варежки, забивался в рукав пальтеца, но Митька упорно полз вперёд, скрываясь за кустиками и бугорками.

Возле заиндеветых липок он вспугнул стайку снегирей и немного отдохнул — неподвижно лежал в снегу, прислушиваясь к голосам, которые звучали всё ближе.

Ещё несколько толчков руками — и из-за старых верб показался угол крепости. Теперь уже можно было разобрать отдельные слова. Ребята набирали в ведра воду у водопроводной колонки и по вырубленным в снегу ступенькам носили к крепости.

Ноздри у Митьки расширились, воротник рубахи стал тесен — душно! Он втиснулся между двух сугробов и замер: шевельнись неосторожно — заметят! Сердце заработало частыми, гулкими ударами. Нет, он не уйдёт отсюда, пока не разглядит крепости... Не уйдёт!

И вдруг он заметил в стволе гигантской серой вербы, невысоко над землёй, большое длинное дупло. А что, если забраться в него? Митька тщательно зарыл в сугроб лыжи с палками и, вжимаясь в снег, попластунски пополз к вербе. И когда тропа с водоносами на минуту опустела, Митька метнулся к дереву. Схватился за корявый сук, подтянулся на руках и, закинув ногу, вскарабкался и сел. Затем пригнулся, сунул в отверстие ноги и с силой вдавил тело в дупло.

Под ногами что-то захрустело, и он по самые плечи погрузился в ствол. Голова ещё торчала наружу, и ребята, возвращавшиеся с водой, могли заметить его. Митька бурно заработал ногами — трухлявая сердцевина вербы поддалась, и он ещё опустился. Древесная труха посыпалась в глаза, набилась в уши. За воротник упала разбуженная холодная козявка и поползла по спине, перебирая тонкими цепкими ножками. Митька брезгливо поморщился, всё тело передёрнуло судорога, и он от резкого движения ещё ниже погрузился в ствол. «Чтоб только глубже не

ухнуться», — с тревогой подумал он и вдруг замер: вблизи слышались хруст снега и мерное поскрипывание ведёрных дужек.

— Теперь снизу нас не возьмёшь! — отчётливо сказал кто-то.

— Непрístupная! — подтвердил другой.

Голоса удалились.

Митька ухмыльнулся: идут и не знают, что он сидит в двух шагах от них и всё слышит!

Жаль только, дупло выходило в сторону, противоположную крепости, и ничего интересного Митька не видел. Он сразу же стал искать выход. Костяшками пальцев он простучал стенки дупла. По звуку определил, что в одном месте стенка тонкая. С трудом втиснул в карман руку и вытащил складной нож.

В дупле было очень тесно, локтям негде было развернуться, но всё же Митька ухитрился кое-как продолжить в древесине узкую щёлку для глаз. «Как смотровая щель в танке», — подумал он и глянул в неё.

За береговым уступом, там, где Петлянка впадала в Двину, высилась грозная, похожая на средневековый замок крепость. Массивные зубчатые стены, круглые угловые башни с узкими прорезями бойниц — всё это было сделано добротно, прочно. Ребята, гремя ведрами, всё ещё поливали наружные стены и дальние подступы к крепости. Мороз был такой сильный, что вода, не докатываясь до низу, густела, замерзая и блестя на солнце, как стекло.

«Вот это работа! — с невольным уважением подумал Митька. — Интересно, как же её «синие» штурмовать будут? Кричать «предательство» — одно, а вот взбираться на эту стену с флагом — это совсем другое дело!»

Митька даже обрадовался, что не будет участвовать в штурме: попробуй заберись-ка вверх без специальных топориков для вырубки ступенек! Ну и будут же потом «зелёные» насмехаться, до самого лета не забудут!

В щёлку Митька увидел командира «зелёных» Михаила Рыбакова, худощавого, рослого парня в вязаной спортивной шапочке; голова у него была маленькая, величиной с кулак. Михаил подозвал к себе толстого мальчишку в белых бурках. Митька знал его в лицо: с делегацией парламентариев неделю назад он приходил в школу договариваться об условиях игры. Показав на митькину вербу, Рыбаков что-то повелительно сказал.

«Неужели заметил?» Всё похолодело внутри у Митьки, когда он услышал, как мальчишка в бурках, хрустя корой и тяжело сопя, стал взбираться на дерево. Может, прыгнуть

вниз и убежать, пока не поздно? Но как быть с лыжами? Отыскать и надеть их не успеешь. А без лыж поймают в два счёта: ведь их человек пятьдесят! Да и жаль, если пропадут: отца нет, а мамка не скоро вторые справит: не пять копеек стоят!

Митька крепче вжался вглубь дупла, втянул в плечи голову, перестал дышать.

В ствол возле самого уха ударила нога. Митька зажмурился, сжал зубы. Нога ударила выше, и Митька чуть успокоился: не обнаружили! И сразу сообразил, в чём дело: громадней этой вербы вокруг нет дерева, и взобраться на неё легче всего: сучья растут друг возле друга. Лучшего наблюдательного пункта не найдёшь. Вот этого мальчишку и послали наблюдать за местностью...

И жутко и весело стало Митьке: разве это не здорово — на одном и том же дереве сидят два враждебных разведчика-наблюдателя!

Митька опять прильнул к щели.

Стены уже были облиты, и солнце сверкало на ледяных гранях крепости. Митька перевёл взгляд на реку. Странно: куда подевался Юрка? В плен он не попал. Митька увидел бы, как его со связанными руками ведут в крепость. То шёл, не прячась, а то исчез, как в прорубь канул. Наверно, удрал. Ну, конечно, чего ещё от него дождёшься! Ясно, удрал.

Мороз крепчал. Пальцы ног и рук наливались холодом, нос и щёки становились чужими, словно из них ушла вся кровь. Хотелось попрыгать, побить ногой об ногу, но попробуй попрыгай в такой тесноте! Единственное, что ещё можно было, — это шевелить пальцами ног и рук. Но пальцы деревенели и не слушались.

Митька стал горячо дышать в стенку дупла, и тёплый воздух, возвращаясь, немного согревал щёки. Но скоро Митька выдохся, и мороз с новой силой набросился на него, всё глубже запуская свои когти под пальцы. Снег, попавший в валенки, растаял, и вода застывала, сводя холодом пальцы.

Но Митька терпел. Стоял и терпел.

Замлевшие ноги подкашивались, голова наливалась тяжестью, но он встряхивался и попрежнему остервенело двигал пальцами. И попрежнему смотрел в щель.

Вспомнилась школа, тёплый класс, где девочки ножницами вырезают из хрустящей глянцевиной бумаги флажки и гирлянды к ёлке и где он должен был отбывать приятную гауптвахту. Потом мысли перенеслись домой, в небольшую комнатку в полуподвале, где он живёт с матерью, дворничихой.

Что она делает сейчас? Наверное, чистит ножом картошку и бросает белые картофелины в большую кастрюлю. Чистит она очень быстро и очень аккуратно: из-под ножа выползают тонкие-тонкие ленты кожуры. И снег с протуара мать тоже сметает очень быстро. Жаль только, совсем старая стала — половина волос седых, и сама худая, как девочка... Трудно без отца. Зря он нагрубил ей вчера. Даже заплакала, а он ещё кричал на неё: трёшку на кино пожалела. Эх, ну и дурак он ещё! Наверно, правильно говорят, что характер у него невыносимый. Сейчас бы возле мамки посидеть да горячей картошки пожевать.

И вдруг Митьке вспомнились слова: «За нарушение дисциплины трое суток гауптвахты...» Эх, Всеволод, не знаешь ты, что это дупло хуже всякой гауптвахты!.. Настоящий карцер!

Время шло. Мороз крепчал, а Митька, заледенев от стужи, навывтяжку, как приговорённый, стоял в дупле.

— Эй, Алик, ну как там? — донёсся из крепости простуженный голос Рыбакова.

— Пока не видно! — отозвалось над митькиной головой, и пушистый ворох снега пролетел возле смотровой щели.

— Гляди, с дерева не свались!

— Не свалюсь!

Прошло ещё полчаса, томительные, медленные, тягучие. Митькины веки отяжелели, тело наливалось мягкой истомой, перед глазами всё поплыло, словно смотрел он через

бегучую прозрачную воду. Неведомо откуда перед ним вдруг выплыло лицо Юры, вытянутое, разъярённое, с побелевшими от гнева глазами. Митька вздрогнул и замотал головой. «Кажется, засыпаю, — подумал он. — И не найдут потом в этом дупле. Гроб, а не дупло!»

Но Митьке не суждено было замёрзнуть: над его головой раздался истошный вопль:

— Идут, идут!

Митька жадно припал к щели. В лагере

«зелёных» началась суматоха. Поспешно бросая вёдра, ребята с криками стали сбегаться к крепости. Мальчишка в лохматой медвежьей шубке, заливавший нижние подступы, скользил по льду и никак не мог взобраться на горку. Жалобно взывая о помощи, он растерянно бегал вниз и размахивал пустым ведром. Беднягу никто не замечал.

— Миша! — надрываясь, кричал с дерева Алик. — А какой будет мне приказ?

Ему никто не ответил. Крепость лихорадочно готовилась к отражению штурма. Из неё доносились слова команды, хриплые крики, перебранка. Сопя и ругаясь, наблюдатель, так и не дождавшись разрешения высшего командования, полез вниз.

— А ну скорей сматывай удочки, пока жив! — прошептал Митька и, когда, слезая с вербы, мальчишка в бурках очутился возле дупла, ткнул его заколоченной рукой в ногу. Но наблюдатель, занятый спуском, ничего не заметил. Митька выглянул из дупла; то, что он увидел, захватило его душу.

Растянувшись длинной цепью по Двине, «синие» быстро приближались к крепости. Вот они пересекли лыжню у берега, перевалили через глыбы колотого льда, через сугробы, наметённые недавней метелью.

«Эх, ну и красота!» — Митька бурно задвигал плечами, заработал пальцами, словно сам сжимал палки и на лыжах лихо мчался по реке, чтобы взять штурмом эту неприступную крепость. Уже можно было различить отдельных ребят. Вон Коля Ерохин — коренастый, как старый казак, в чёрной бурке и кубанке, сбитой на затылок. Вон маленький Димка, без шапки, быстро перебирает лыжами, — где-то, наверно, посеял, растяпа! Но Всеволода среди наступающих нет, нет и ещё многих. Наверно, задумали какой-то манёвр.

Между тем лыжники подлетели к обрывистому берегу и, толкаясь, наступая друг другу на лыжи, стали взбираться вверх. Но крепость безмолвствовала; из «зелёных» не было видно ни души.

Митька насторожился.

Лыжи загремели о лёд — это «синие» были уже на подступах к крепости. Наиболее упрямые делали отчаянные усилия, стараясь палками высечь ступеньки. Но тщетно: крепость для лыж была неприступна.

— Спешиться! — донеслась команда Ерохина.

Ребята собрали лыжи и, опираясь на палки, стали взбираться по крутому склону.

И тут случилось неожиданное: из специальных крепостных ворот, как боевые слоны, стуча и подпрыгивая, вниз покатались гро-

мные снежные ядра. Лёгкий удар — и «синие» срывались и кубарем скатывались вниз.

Дружный хохот раздался в крепости.

— Ур-р-р-а! За мной! На приступ!.. — надсадно кричал Ерохин, размахивая палкой, словно копьём, и снова бросился на штурм.

Ребята мужественно карабкались вверх, падали, отбрасываемые смертоносными снежными бомбами, но снова и снова, как муравьи, ползли на штурм вражеской крепости. Вон кто-то на лыжах подвёз ящик с золой, ребята стали хватать горстями золу и разбрасывать её по предательской глади льда. Суворов и Скобелев, водившие когда-то солдат на штурм снежных вершин, сказали бы сейчас ребятам: молодцы!

Больше Митька не чувствовал холода.

— Так, так! — кричал он, силясь вылезти из дупла. — По одному! Заходи с флангов! Эй, ты, шляпа, не мешайся на дороге! С тыла заходи, с тыла! Ну-ну, ещё разок! Ещё! Не падай духом, братва! Вперёд! У-р-р-а!

Шум у крепостных стен стоял невообразимый. А Митька всё больше и больше разгорался. Он бешено колотил в стенки своего укрытия, прелая сердцевина вербы стала оседать глубже, и мальчишка ещё на полметра въехал внутрь ствола.

Это была катастрофа...

Смотровая щель очутилась над головой. Он был со всех сторон зажат затхлой темницей, и приглушённые крики штурма едва просачивались сюда. Митька заплакал злыми слезами. Он упёрся ногами в бугорки каких-то выступов и, до крови царапая щёки, с трудом перевернулся лицом в обратную сторону. Потом вцепился пальцами в край дупла и рывком подтянулся вверх.

Со стороны огородов прокатилось новое яростное «ура». Чётко выделяясь на фоне снега, человек пятнадцать «синих» катились сверху. Впереди, размахивая треугольным флагом, в оранжевом лыжном костюме мчался Всеволод. За ним большим маховым шагом нёсся Юра, полы его длинного пальто отлетали в сторону, как крылья. «Неужели Юрка разведаль и повёл их с тыла?»

Человек двадцать «зелёных» бросились к ним наперерез из крепости. В воздухе замелькали снежки. Снизу снова пошли на штурм крепости. И новое «ура» разнеслось над огородами.

Защищались осаждённые отчаянно. На Всеволода на село пятеро «зелёных» — облепили, смяли, повалили. Пыхтя, выдыхая клубы пара, они выкручивали ему руки, пытались

вырвать сосновое древко. Всеволод отбивался, отцеплял руки нападающих, мёртвой хваткой держался за древко. Тогда «зелёные» за древко поволокли его по снегу к крепости. На них налетел Юра. Он рычал, лягался, бил головой и, наконец, всё-таки вырвал флаг и бросился к крепостной стене. Наперерез ему выскочили трое. «Зелёных» уже не было в крепости: они все высыпали наружу. Завязалась рукопашная. Атака захлёбывалась.

Отбиваясь от «зелёных», охрипшим голосом Юра кричал что-то своим, но «синие», сцепившись с противником, словно забыли про флаг.

Эх, что ж это, что ж это такое?!

Напрягая мускулы рук, Митька вытянул из дупла своё тело и, прицелившись, с толстого сука, как рысь, прыгнул в снег.

Метнувшись к Юре, он растащил вцепившихся в него «зелёных», выхватил древко и огромными скачками бросился к опустевшей крепости. Свежая застоявшаяся сила, как скрученная пружина, распрямилась в нём. Оторвав Митьку от земли, она легко подняла его в воздух и бросила на передний бастион.

Не прошло и минуты, как он уже стоял в полный рост на широком зубчатом гребне и, потрясая в воздухе руками, во всю силу своих лёгких кричал что-то оглушительно-бесвязное, ликующее. Глаза его лихорадочно блестели, по щекам катились слёзы, шапка слетела в снег, а он стоял на гребне бастио-

на и, задыхаясь от восторга, кричал. Потом с размаху вонзил древко в плотную корку льда. Налетел ветер, и треугольный флаг с белой цифрой «десять» — номер школы — захлопал на древке.

Вокруг всё ещё продолжался бой: раздавались крики, хруст снега, свист и смех, хотя всё это уже было бесполезно: флаг трепетал на стене, крепость пала...

— Так вот ты где! — холодно сказал Всеволод минут через десять, в упор рассматривая Митьку.

Лицо командира, ещё пылавшее от боя, было уже бесстрастно и замкнуто. Он долго не говорил ни слова.

Митька топал окоченевшими ногами, дул в варежки, моргал белыми ресницами — наконец-то можно подвигаться! Он весь посинел, но в уголках его губ попрежнему таилась усмешка. И во всей его аккуратно сбитой, ловкой фигурке чувствовались неуступчивость и вызов.

Со всех сторон набежали «синие», окружили их криком, гамом, смехом, кашлем, свистом. Ребята дёргали Митьку за руки, совали сахар с прилипшими хлебными крошками, недоеденные бутерброды, а кто-то пытался сунуть и папиросу, но, оглянувшись на вожакого, поспешно спрятал.

Такой встречи Митька не ожидал. На его красных, нахлёстанных ветром щеках проступал лёгкий румянец смущения, а глаза беспокойно бегали по сторонам.

— А ещё брать не хотели, — звенел простуженный, с хрипотцой голос Женьки Хвостикова, дружка Митьки. — Такими людьми бросаются.

— А ну тише! — сказал Всеволод. Он осмотрел ребят, и его взгляд остановился на Митьке. — Уши потри, вояка... — Но тут же его голос осёкся. — Прощу построиться.

Заложив за спину руки, Всеволод медленно прошёлся вдоль притихшего строя. Потом притоптал каблуком снег и вскинул голову. Установилась такая тишина, что, кажется, слышно было, как в висках у ребят стучит кровь. Какое ещё новое жестокое наказание придумает Всеволод?

— Повторяю приказ по армии, — прозвенел в морозном воздухе его чёткий металлический голос. — За нарушение воинской дисциплины на рядового Сорокина Дмитрия наложить взыскание — трое суток гауптвахты. Приказ обжалованию не подлежит. Всё.

Ребята вздохнули. На переднем бастионе опустевшей крепости хлопнул на ветру синий треугольный флаг...

А Митька весело подмигнул ребятам и побежал раскапывать свои лыжи.

МОЙ ДРУГ

Семён Данилов

Мой друг — хороший человек!
Мой друг — отважный человек!
Ему седьмой сравнялся год,
Он в школу осенью пойдёт.

Во всём он может пособить:
Умеет рыбу засолить,
Сестрёнок нянчит, с малых лет
Отцу таскает он обед.

Отец придти бы сам хотел,
Да у него по горло дел,
За три версты он у камней
Со снастью возится своей.

Однажды нёс обед мой друг
Да невзначай взглянул назад:
Стоит медведь шагах так в двух:
Мамаша с парой медвежат!

Медведь, известно ведь, зубаст
И жаден, — словом, хищный зверь.
Коль струсишь — спуску он не даст,
Он это чувствует, поверь.

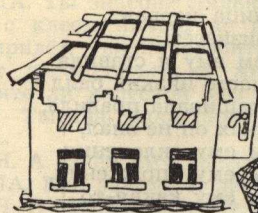
Легко к медведю может в пасть
Олень испуганный попасть,
Трусливый заяц да любой,
Кто не умел владеть собой.

Но не таков он, мой дружок!
Он не пустился наутёк,
Не закричал, не задрожал,
Нет, он в руках себя держал.
Не зря он слышал от отца:
Медведь не тронет храбреца!

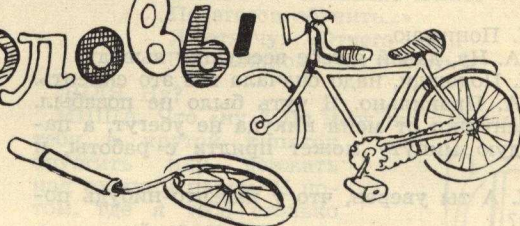
Совет отца и впрямь помог:
Ушла медведица в лесок.

Мой друг — хороший человек,
Весёлый, храбрый человек!
Ему седьмой сравнялся год,
Он в школу осенью пойдёт.

Перевод с якутского
В. Тушновой.

Всадник без головы!

М. Львовский

Рисунки Е. Ведерникова.

ВЕДУЩИЙ.

Это правильно, что Мише
Не дают заданий важных:
Он воздвиг бы вам без крыши
Дом полтораэтажный,
Был бы ваш велосипед
Непременно без колёс,
Вам бы даже есть обед
Недоваренным пришлось.
Обрывался б на середине
Кинофильм о Насреддине.
И про тайны дальних стран
До сих пор никто б не слышал,
Если б Кук и Магеллан
Понадеялись на Мишу.
По неведомой причине,
Неизвестно почему,
Все дела на половине
Бросить хочется ему
И с решимостью отважной
Взяться вдруг за новый труд...
Хорошо, что Мише важных
Дел пока что не дают.

Ну, а уж если вам так хочется познакомиться
с Мишей поближе, тогда послушайте нашу исто-
рию, которая называется «ВСАДНИК БЕЗ ГО-
ЛОВЫ».

**МИША и ЛЯЛЯ у окна. Они стоят спиной к зри-
телю. Музыка погони.**

МИША (ликуя). Лялька, ты видишь этого всад-
ника?

ЛЯЛЯ (опасливо). Вижу.

МИША (ещё более ликуя). Ты замечаешь, что
у него чего-то недостаёт?

ЛЯЛЯ (с ужасом). Замечаю.

МИША (крайняя степень ликования). Не мо-
жешь ли ты мне сказать, чего именно?

ЛЯЛЯ (холодея). Головы...

Музыка оборвалась.

МИША (небрежно). Правильно. Всадник без го-
ловы! Так вот мы вернём ему голову!

**МИША и ЛЯЛЯ повернулись к зрителю. Теперь
на подоконнике видна статуэтка всадника с от-
битой головой.**

МИША. Я нашел её! Вот она.

ЛЯЛЯ. А! Верно. Это его голова!

МИША. Оказывается, она закатилась под кро-
вату.

ЛЯЛЯ. Но как?

МИША. Очень просто. Этим всадником я за-
бивал гвозди, когда чинил швабру, которую по-
ломал, пытаюсь поднять пианино, которое...

ЛЯЛЯ. Помню, помню... Но как же ты теперь
приладишь голову обратно?

МИША. Очень просто, приклею! (Подходит к
графину и спокойно бросает его на пол.)

ЛЯЛЯ (испуганно). Что ты наделал!

МИША (спокойно). Разбил графин.

ЛЯЛЯ. Зачем?

МИША. Для того, чтобы склеить. Понимаешь,
заодно! Кстати, разбей, пожалуйста, вон ту вазу.

ЛЯЛЯ. Ни за что!

МИША. А я говорю: разбей!

ЛЯЛЯ. Ни за что!

МИША. Тогда я сам разобью.

ЛЯЛЯ. Нет, нет! Уж лучше тогда я. Ты, как
медведь, посуду бьёшь, а я тихонечко, осторож-
ненько. (Разбивает вазу.) Вот так... А чем ты всё
это склеивать будешь? Гуммиарабиком? Но ведь
всадник металлический, графин стеклянный, а
ваза фарфоровая.

МИША. При чём тут гуммиарабик? А это ви-
дала?

ЛЯЛЯ. Что это?

МИША. Универсальный клей! Две банки соб-
ственного изготовления! (Деловито.) Я эту чашку,
пожалуй, тоже разобью, она фарфоровая, надо
клеить на фарфоре испробовать. (Разбивает чаш-
ку.)

ЛЯЛЯ. Ну кто же так бьёт посуду? Посуду на-
до бить аккуратно, осторожненько... (Разбивает
стакан.)

МИША. Стакан, между прочим, ты совершен-
но зря. Стекло у нас уже есть.

ЛЯЛЯ (с тревогой). Послушай, Миша, а мы дей-
ствительно всё это склеим?

МИША. В два счёта.

ЛЯЛЯ. А как ты научился изготовлять клей?

МИША. Я теперь всё умею: чинить, паять, из-
готовлять крысиные яды, колёсную мазь, выво-
дить пятна на хлопчатобумажных и шерстяных
тканях, даже солить огурцы. Вот в этой книге,
которая называется «Спутник начинающего

практика», 1912 год издания, всё имеется. Это теперь библиографическая редкость, я её в чулане нашёл. (Внезапно.) Хочешь, я тебе веснушки выведу? В два счёта.

ЛЯЛЯ. Погоди. Что такое библиографическая редкость?

МИША. Это... ну, как бы тебе сказать... Ну, в общем, это такое издание, которое можно увидеть только на неделе детской книги. Понимаешь?

ЛЯЛЯ. Понимаю.

МИША. Ну, давай я тебе веснушки выведу!

ЛЯЛЯ. Подожди, надо сначала всё это склеить.

МИША. Правильно. Я чуть было не забыл. Твои веснушки от меня никуда не убеют, а папа каждую минуту может придти с работы, и тогда...

ЛЯЛЯ. А ты уверен, что у нас что-нибудь получится?

МИША. Ещё бы! В два счёта! В предисловии к этому «Спутнику начинающего практика» написано, что редакция получила десятки благодарностей. Мы тоже будем их иметь! И не десятки, а сотни! Нет, тысячи благодарностей! (Начинает склеивать стикер.)

Я теперь стекло и жёсть
Склеить накрепко сумею!
У меня две банки есть
Замечательного клею!

Отовсюду, отовсюду,
Отовсюду с этих пор
Будут битую посуду
Приносить ко мне во двор.

Принесут ко мне мячи:

«Умоляем, подлечи»,

«Алюминиевый таз

Залатайте, просим вас!»,

«Эти детские галоши

Надо срочно починить!»

Я отвечу: «Отчего же...

Это можно... Так и быть!..»

Весь класс теперь, наверное,
Домой ко мне придёт.

Учительница первая

Речь произнесёт:

«Зачем ему я ставила
Так часто низкий балл
И спрашивала правила,
Которых он не знал,
Зачем ему склонения,
Зачем ему спряжения,
Зачем ему какая-то
Таблица умножения?..

Он должен непременно
Весь день латать, чинить
И лишь на перемены
В школу приходить!»

Мишины усилия успехом не увенчались.

ЛЯЛЯ. Ну?

МИША. Что «ну»?

ЛЯЛЯ. Не склеивается...

МИША. Вижу, что не склеивается.

ЛЯЛЯ. Удивительно...

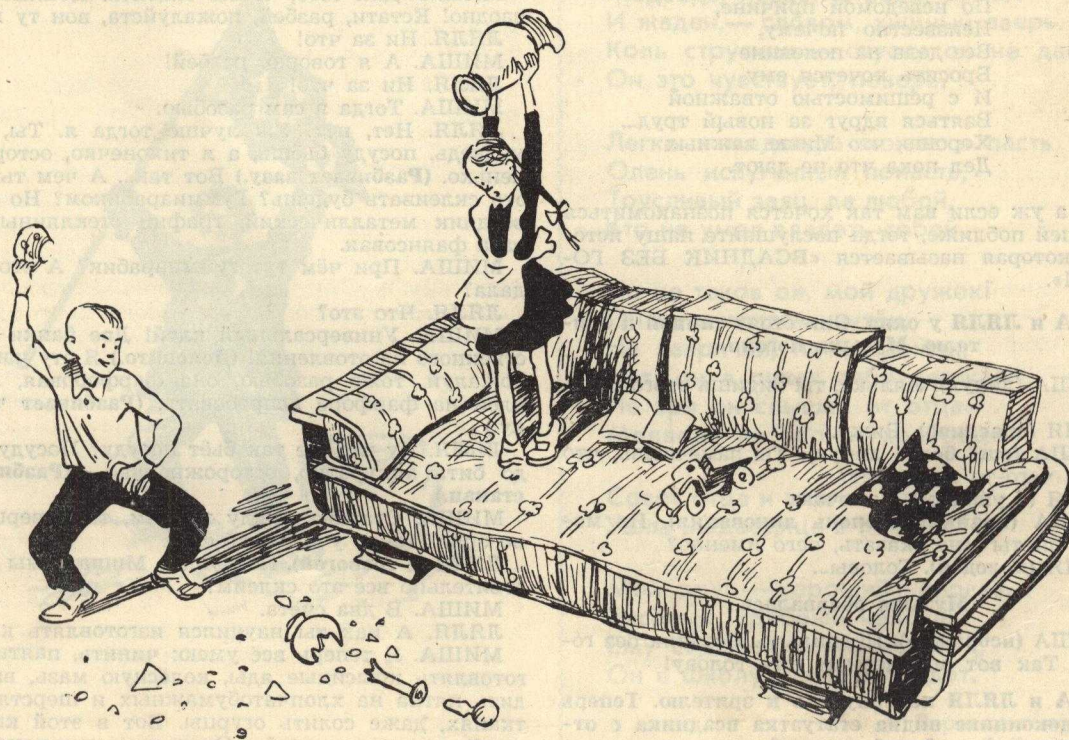
МИША. Что же тут удивительного? Вот если бы склеивалось, тогда бы это было удивительно.

Тихое кошачье мяуканье.

Кто это мяукает?

ЛЯЛЯ. Барсик. Что ему под столом понадобилось?

МИША. Кс-кс-кс! Ерунда это, а не клей! Я так и знал! Лучше бы мы тебе веснушки вывели, и дело с концом. Тогда бы и посуду бить не понадобилось. Или вот что: давай изготовим колёсную

мазь! Вот это настоящее дело! Сотни благодарностей!

Кошачье мяуканье громче.

ЛЯЛЯ. Барсик, Барсик! Кс-кс-кс! Чего он раз-
мьякался?

МИША. Ты знаешь, Лялька, а я даже рад, что
у нас с клеем ничего не получилось! Правда!
Папа придёт, увидит разбитую посуду и только
захочет рассердиться, а мы ему: пожалуйста,
не хотите ли колёсной мази? Первый сорт! Из-
вольте! Тысяча благодарностей! Вот он обра-
дуется...

ЛЯЛЯ. А зачем ему колёсная мазь?

МИША. Как зачем? Колёса смазывать.

ЛЯЛЯ. А где он возьмёт колёса?

МИША. Достанет где-нибудь. Подумаешь, не-
видал! Что, в Москве колёс нет? А потом, не
обязательно свои колёса смазывать, можно и чу-
жие. В общем, это уже его дело, где достать ко-
лёса, пусть достаёт, где хочет.

Душераздирающее кошачье мяуканье.

ЛЯЛЯ (вопит). Миша, оказывается, Барсик
хвостом к ножке стула приклеился!

МИША. Ура!

ЛЯЛЯ. И я... я тоже не могу встать со стула...

МИША. Ура! Я так и знал! Значит, клей полу-
чился! Удивительно! Миллион благодарностей!
Минуточку, где мой «Спутник практика»? Вот он!
Я сейчас вас отлеплю в два счёта! Сохраняйте
спокойствие!

ЛЯЛЯ. Я сохраняю...

МИША (листая книгу). Так... так... «клей уни-
версальный» на букву «К», «крахмал картофель-
ный», «канифоль»...

**Кошачий визг, шелест переворачиваемых стра-
ниц.**

Сохраняйте спокойствие... «Кисель клюквенный»,
«кирпичное производство»...

**Кошачий визг, шелест переворачиваемых стра-
ниц.**

Без паники! «Корица», «каменный уголь»...

**Кошачий визг, шелест переворачиваемых стра-
ниц.**

Сейчас, сейчас! Вот: «клей универсальный». Все
ясно! Для того, чтобы вы отлепились, вас надо
опустить в крутой кипяток или подержать над
горячим паром!

Барсик беснуется.

Клеить — это не работа,
Склеит каждый, был бы клей!
Мне отклеивать охота —
Это дело потрудней!
Изучил я способ сложный,
И с сегодняшнего дня
Для работы всевозможной,
Неотложной, осторожной
Будут все искать меня.

«Ах, скорей спасите сына,
К банке мёда он прилип,
Тут бессильна медицина,
Только вы помочь могли б!»,
«Ах, скорее помогите,—
Будут школьники просить,—
Марку острова Таити
От конверта отклеить!»,
«Ах, научная работа
Просто валится из рук.
Вылетайте самолётом.
Академия наук».

Про отклейку репортажи,
Передачи и кино,
И учительница даже
Умоляет горюно:

«Ах, пришлите Мишу в школу
По возможности скорей,
Чтобы лекцию прочёл он
Для своих учителей.

Только он отклейке может
Педагогов обучить...»

Я отвечаю: «Отчего же...
Это можно... Так и быть!»

ЛЯЛЯ. Ну?

МИША. Что «ну»? Не могу же я в самом деле
тебя в крутой кипяток
опустить или держать
над горячим паром. И по-
том, где я тебе столько
пара найду? Нет, с от-
клейкой ничего не вый-
дет. Ерундовый способ!
Я так и знал.

ЛЯЛЯ. А как же я? Как
же Барсик? Ой!

Жалобное мяуканье.

МИША. А чем вам плохо? Не можете пять ми-
нут спокойно посидеть? Папа что говорил? Чтобы
мы не носились, как угорелые. Вот и сиди. Роди-
телей надо слушаться.

Жалобное мяуканье.

(Пауза. Миша продолжает в раздумье). Собствен-
но, для того, чтобы освободить Барсика, есть два
способа: либо отпилить ножку стула, либо отру-
бить Барсику хвост.

Очень жалобное мяуканье.

ЛЯЛЯ. Ой!

МИША. В «Спутнике практика» сказано, как
рубить хвосты собакам, а про кошек ничего нет...
Безобразие! Если уж рубить хвосты, так всем!
Какие тут могут быть исключения!

ЛЯЛЯ. Ой!

МИША. Да не ойкай ты! Думать не даёшь! А
может, отрубить Барсику хвост собачьим спосо-
бом? Ты будешь моим ассистентом. Сначала мы
Барсика побреем...

ЛЯЛЯ. А что такое ассистент?

МИША. Ну, как тебе объяснить... Вот когда я
у доски задачу решаю, мне Петька Ершов всегда...
ассистирует. Понимаешь?

ЛЯЛЯ. Понимаю! (Неожиданно резко.) Эх ты,
начинающий практик! Ой! Я, кажется, отлепи-
лась... Только на платке пятно осталось.

Мяуканье.

Сейчас, Барсинька, я тебя отлеплю...

МИША. Лялька, ты не отчаивайся, мы твоё
пятно выведем. Я такой способ применю, что ты

потом своего платья не узнаешь. Достанем сер-
ной кислоты...

ЛЯЛЯ. Представляю! Нет, уж лучше я его
обыкновенным бензином потру. Сейчас, Барсик,
сейчас...

Кошачье мурлыканье.

МИША. Лялька! Ты ничего не представляешь!
Бензин — это детская забава. Вообще зря мы с
тобой пустяками занимались. Склейка, отклей-
ка... Надо было с самого начала выводить пятна.
Вот это — занятие! Представляешь, папа придёт с
работы, увидит разбитую посуду и только захочет
рассердиться, а мы ему под нос пятновыво-
дитель...

ЛЯЛЯ. Барсинька, Барсинька, сейчас я тебе
ножничками шерстку выстригу — и всё. Так...
так... Готово.

Радостное мяуканье.

МИША. Ой... ой... ой...

ЛЯЛЯ. Что случилось?

МИША. Я, кажется, это... прилип к стулу!

ЛЯЛЯ. Ура! Значит, клей действует! Сотни бла-
годарностей!

МИША. Перестань говорить глупости!

ЛЯЛЯ. Может быть, опустить тебя в крутой
кипяток или подержать над горячим паром?

МИША. Лялька!

ЛЯЛЯ. Тысячи благодарностей!

МИША. Ой, ой...

Треск.

ЛЯЛЯ. Не ойкай! Думать мешаешь. Собственно,
для того, чтобы тебя отлепить, существует
два способа...

МИША (угрожающе). Лялька, не глупи...

ЛЯЛЯ. Спокойно! Сейчас мы всё устроим. Где
твой «Спутник»? Ага... вот он! (Листает страницы.)
«Кузнечное дело», «керосин», «касторка».

МИША. Ой!

Довольное кошачье мурлыканье. Шелест перево-
рачиваемых страниц.

ЛЯЛЯ. Без паники!.. «Кровельное железо».
«Кринолины».

МИША. Ой!

Довольное кошачье мурлыканье. Шелест перево-
рачиваемых страниц.

ЛЯЛЯ. Спокойно! «Керамика», «киноварь»,
«отлеты»... Вот: «клей универсальный». Миша!
Оказывается, мы неправильно склеивали всад-
ника, этот стакан и вазу. Склеенные части надо
было туго связать и в таком виде оставить на
сутки... Почему ты мне об этом ничего не сказал?

МИША (жалобно). А откуда я должен был это
знать?

ЛЯЛЯ. Как откуда? Здесь же написано!

МИША (так же). Где?

ЛЯЛЯ. Вот.

МИША. Я досюда не дочитал. Я только досюда.

ЛЯЛЯ. До половины? Эх ты, всадник без го-
ловы!

ВЕДУЩИЙ. Этот случай мы расскажем
Всем знакомым и друзьям;
Из Москвы, Орла и даже
Из Уфы ответят нам.
Из Москвы придёт ответ,
Что таких, как Миша, нет
И не может быть, но всё же
Есть, которые похожи.
Принесут письмо из Нальчика:
«Есть у нас такие мальчики».
«Сообщаем вам из Львова:
Что-то спутали вы тут...
Миши нету никакого,
Мишу Вовою зовут!»
Так ли, эдак, но повсюду
Будет слава велика,
И таких повсюду будут
Узнавать издалика.
Станет стыдно Мишам, Вовам
От известности такой.
Каждый всадник безголовый
Сразу станет с головой.

Валентин Берестов

Каким учёным Федя стал!
Кто б мог сравниться с Федею!
Он лето целое листал
Тома энциклопедии.
Людей известных, например,
Он знает всех... до буквы эр.

— А ну-ка, Федя, дай ответ:

А кто такой был Нофелет?

— Кто! Но-фе-лет! Ах, Нофелет!

Скажу я вам на это,
Что стыдно людям ваших лет
Не знать про Нофелета.
Жил в древнем Риме Нофелет,
Не то мудрец, не то поэт...

Откуда только знает он
Такого мудреца!
Мы просто слово «те-ле-фон»
Прочли ему с конца...

А. Некрасов

Первые шаги

Этому трудно поверить, но бумагу, на которой был напечатан самый первый номер журнала «Пионер», привезли в типографию на лошадях. На лошадях, «гужом», возили тогда хлеб с полей и уголь с шахт. Сотни тысяч лошадей везли по улицам городов товары и продукты, и редко-редко в веренице конных подвод, громыхавших по булыжным мостовым, можно было увидеть грузовик или легковую автомашину. А если куда-нибудь подальше от города отважился забраться автомобиль, за ним с лаем неслись собаки, а люди выбегали на дорогу — посмотреть на диковинную машину.

Своих автомобилей мы в то время не делали. От прошлого нам достались старые, разбитые иностранные машины. Они чихали и кричали на ходу, то и дело останавливались в пути, и случалось, что лошадь на буксире привозила такую машину в гараж. И всё-таки уже тогда было ясно, что придёт час, когда лошадь посторонится и навсегда уступит дорогу автомобилю. Но об этом в те годы можно было только мечтать.

Автомобиль — машина сложная. Правда, русские мастера делали машины и посложнее. И, наверно, если бы взялись эти мастера, вручную, на простых станках да на верстаках сделали бы автомобиль не хуже тех, что в то время выпускали заграничные заводы. Но толку мало было бы от такого автомобиля. Во-первых, обошёлся бы он дороже золота, а во-вторых, ну, один, ну, два таких автомобиля можно сделать вручную, ну, сотню за год...

А что сотня автомобилей для такой страны, как наша? Нам нужны были тысячи, сотни тысяч дешёвых автомобилей. Для такого дела нужны заводы. Заводам нужны станки, нужна энергия, нужен металл... А у нас в то время паровозы стояли в тупиках без топлива, свет не горел в городах, крыши нечем было крыть, хлеб нечем было косить: не хватало стали на косы...

Только на седьмой год советской власти начал работать первый советский автозавод, и 7 ноября 1924 года из ворот этого завода вышли на улицы Москвы первые десять советских автомобилей, десять грузовиков «АМО-Ф-15».

По тем временам не так уж плохи были эти грузовички. Но если бы сегодня один из этих новорожденных автомобилей — высокий, угловатый, на тонких шинах, с маленьким, слабым двигателем, — «АМО-Ф-15» вдруг появился на улицах, любому из вас он показался бы смешной, неуклюжей машиной.

На старом АМО

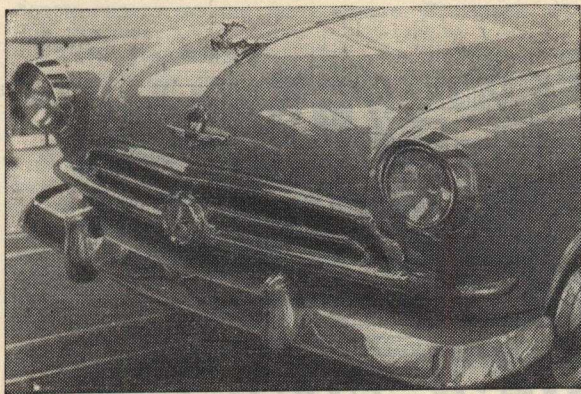
Еще больше поразились бы вы, если бы чудом вдруг перенеслись на тридцать три года назад и заглянули в цехи завода АМО, туда, где делали эти грузовики.

...Низкие, мрачные корпуса... Валы трансмиссий под потолком, длинные, хлопающие ремни приводов. Между станками груды металла, горы стружки, у закопченных окон деревянные верстаки, почерневшие от машинного масла.

У станков, ловко орудуя маховичками управления, искусные мастера точат болты, кольца, пальцы... Они то и дело измеряют детали циркулями и нутромерами. Склонившись над тисками у верстаков, слесари напильниками и шаберами пригоняют друг к другу части будущего автомобиля. Они часто поглядывают на чертежи, прикладывают к деталям шаблоны и, вынув заготовку из тисков, ощупывают её умелыми пальцами и разглядывают, намётанным глазом определяя точность работы.

И вот наконец готова деталь. Обтерев ветошью, мастер несёт её туда, где собирают машину.

А там, сгрудившись вокруг остова будущего автомобиля, одетые в замасленные спецовки, работают сборщики.

Это облицовка легковой машины «Волга». Скоро множество таких автомобилей выйдет на улицы городов.

Один, присев на корточки, разводным ключом закручивает гайку на тормозной тяге, другой, лёжа на спине, отвёрткой завинчивает какой-то винт, третий, навалившись грудью на дрель, сверлит отверстие в раме...

Медленно шла работа на автомобильном заводе АМО. Да, по правде сказать, и завод-то это был не настоящий. Были там прежде авторемонтные мастерские. Их перестроили немного, добавили станков — привезли с других, стоявших тогда заводов, — расширили литейную, кузницу, назвали заводом, а, по сути дела, так и остался этот завод большой мастерской.

И работал он, как мастерская: по три — четыре машины в день собирали в цехах Московского автомобильного завода АМО. Очень дорого обходились эти слабые, несовершенные грузовички — дороже, чем теперь обходится роскошный «ЗИМ» или минский двадцатипятитонный грузовик-самосвал.

Но хоть и дорого работал этот завод, хоть и мало он делал, приходилось мириться с этим. Другого автомобильного завода у нас в то время не было, а дело не ждало.

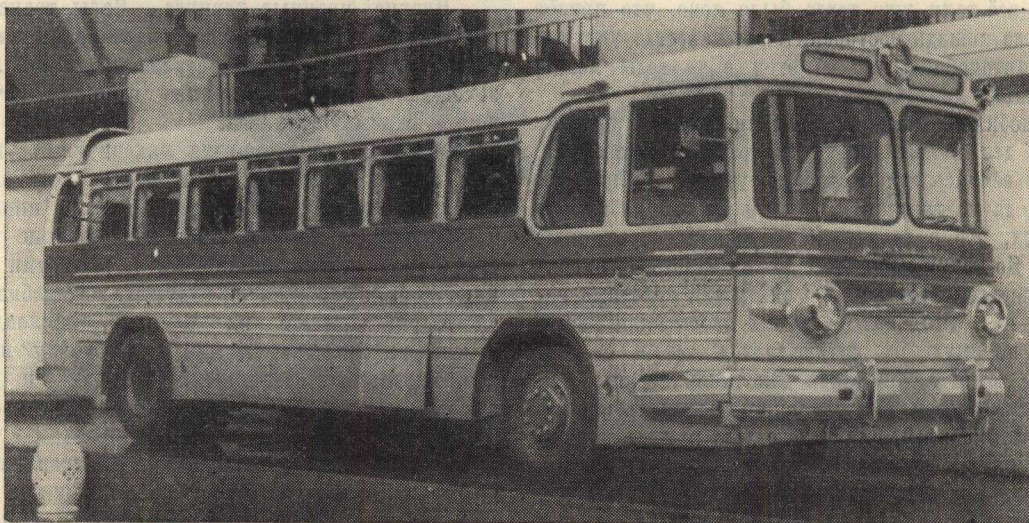
По всей стране уже полным ходом разворачивались великие работы. Росли электростанции, заводы, закладывались новые шахты, строились дороги в непроходимых прежде местах... На стройке автомобиль нужен был, как воздух, вот и пришлось начать не с завода, а с большой мастерской. Плохо-бедно, а всё-таки бегали грузовички «АМО-Ф-15», возили грузы, делали своё дело... Плохо-бедно, а по три — четыре грузовичка каждый день выходили из ворот завода и становились в строй. В те годы это было неплохо. В наследство от царской России молодая советская страна получила всего три тысячи грузовиков. А три автомобиля в день — это всё-таки тысяча в год.

Нет, совсем неплохо работал первый советский автозавод! И всё-таки все понимали: жить ему не долго, этому заводу.

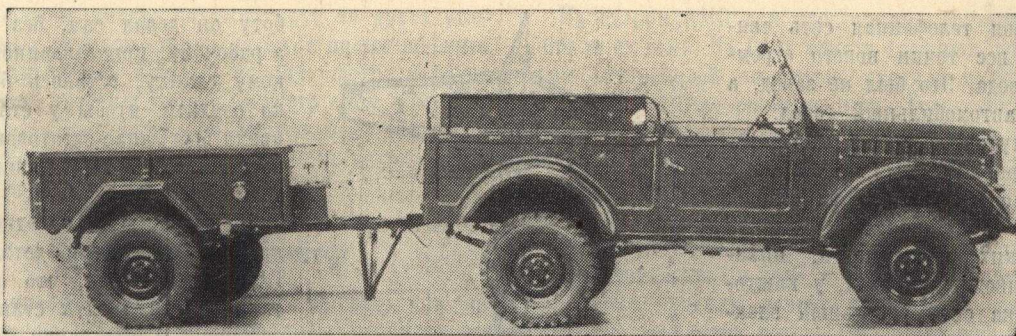
Какие машины строить?

Автомобиль не телега. Он должен быть прочным, лёгким, надёжным в работе, экономичным, удобным в управлении, быстроходным и, главное, дешёвым.

Такую машину вручную не сделаешь. Тут нужны станки. И не те станки, собранные с бору по сосенке, на которых точили разные детали на заводе АМО, а такие, которые пусть одну какую-то деталь, но зато делают быстро и точно, так, чтобы при сборке не приходилось «доводить» и «пригонять» её вручную. И таких быстроходных, точных станков нужно не десяток, не сотню, не тысячу даже.

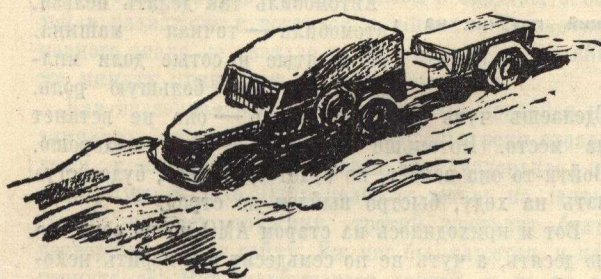

А это один из новых автобусов. На нём удобно совершать дальние путешествия.

Заслуженный вездеход «ГАЗ-69» не только сам идёт по любой дороге, но ещё и тележку с грузом везёт за собой.

В автомобиле тысячи деталей. Значит, чтобы построить настоящий автозавод, нужно сперва спроектировать, рассчитать, построить и наладить несколько тысяч специальных станков. Это работа не на месяц и не на год...

Даже по глубокому снегу «ГАЗ-69» проходит со своим прицепом.

Но прежде, чем строить станки, прежде, чем думать, как их расставить, прежде, чем закладывать корпуса автозавода, нужно решить, какие машины будет выпускать новый завод.

За границей, в Америке и в Европе, уже и тогда строили многотонные грузовики-тяжеловозы, роскошные, быстроходные легковые машины, специальные автомобили для тяжёлых дорог, автобусы для городов и для дальних поездок, маленькие автомобильчики для личного пользования и множество разных специальных машин.

У нас в то время все дороги были тяжёлые. Даже в столицах почти не было асфальтированных мостовых. О комфортабельных легковых машинах нам ещё рано было думать. Нам нужен был небольшой, надёжный грузовик, который мог бы работать в любых условиях, дешёвая легковая машина для срочных разъездов и мощный (по тем

временам) трёхтонный грузовик для работы в городах и на стройках.

Такие машины и решили строить.

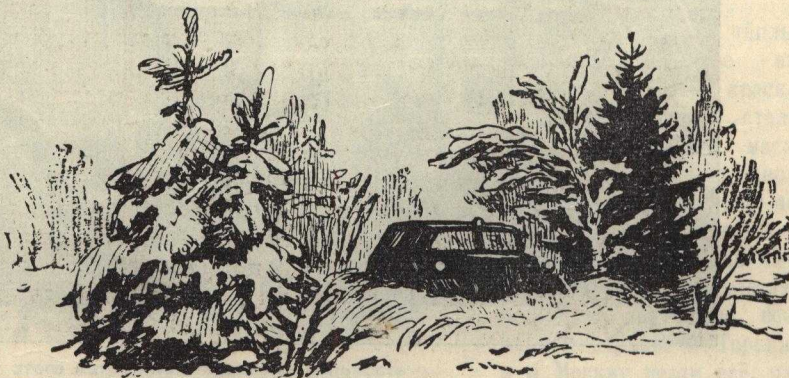
И пока в цехах старого АМО по старинке, не торопясь собирали дорогие грузовички, на чертёжных досках всё яснее и яснее обозначались контуры двух новых автомобильных заводов, которые должны были выпускать много хороших, дешёвых автомобилей.

Завод-город

Не простое это дело — построить новый автозавод. Учёные, инженеры, экономисты, металлурги, технологи, химики, электрики, механики принимали участие в этой необычной работе. Потом на помощь им пришли землекопы, каменщики, арматурщики, бетонщики, сварщики, монтажники, и к концу 1931 года в городе Горьком вырос новый, по последнему слову техники построенный завод-гигант.

Таких заводов ещё не знала наша страна. Всё тут было необычно, не так, как на старых заводах.

Рядами стояли просторные, светлые корпуса цехов, между ними протянулись широкие улицы и переулки... Своя электростанция давала ток, своя пристань принимала грузы с воды, свои паровозы разбирали и собирали составы на своей товарной стан-

Машина идёт без дороги через заснеженный лес.

ции, своя телефонная сеть связывала все точки нового огромного завода. Это был не завод, а целый автомобильный город.

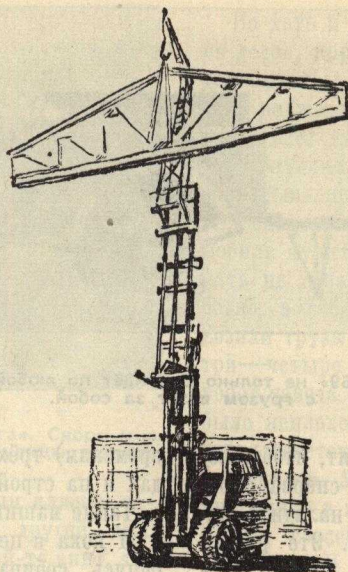
И внутри корпусов этого нового города, в цехах ГАЗа тоже всё было не так, как на старых заводах.

Никаких трансмиссий, никаких приводных ремней, у каждого станка свой отдельный электромотор. Стоит рабочему нажать кнопку — и станок послушно начнёт работать. Нажмёшь другую — остановится станок.

И не только трансмиссий, ручного слесарного инструмента — ножовок, напильников, шаберов, зубил, дрелей, тисков — инструментов, которыми столетия исправно работали металлисты, не осталось в цехах нового завода.

Это и понятно. Ведь на старом АМО, где за год нужно было сделать тысячу каких-нибудь валиков да столько же других валиков чуть покороче да чуть потоньше, там нелепо было ставить на это дело несколько разных станков. Один опытный токарь на одном универсальном станке точил и те и эти детали.

Другое дело на ГАЗе, где этих валиков нужны были сотни тысяч. Тут некогда каждый раз перенастраивать станок. Тут проще для каждого валика, для каждого колёсика поставить отдельный, раз навсегда налаженный станок-автомат, чтобы всю ра-

Автокран — механический грузчик на колёсах.

боту он делал сам, без ошибок, а рабочему, приставленному к такому станку, осталось бы только следить, чтобы у станка всё время был запас заготовок, да вовремя менять затупившийся режущий инструмент.

На старом АМО на одном станке делали десятки деталей. На ГАЗе бывало так, что одну деталь делали десять станков.

Зачем? А вот зачем.

«Семь раз отмерь, один раз отрежь», — говорит старая пословица.

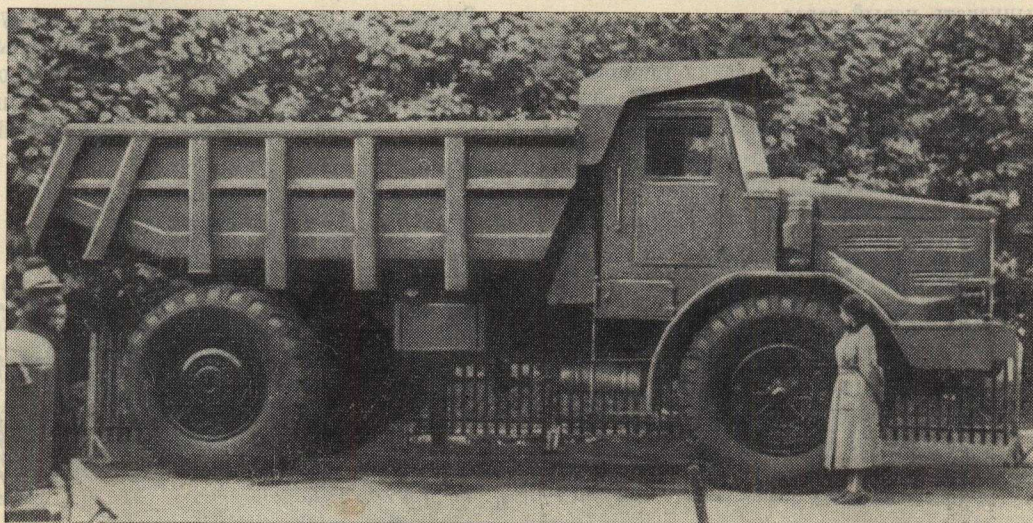
Так и работали прежде, когда строили телеги и кареты и даже паровозы — и по семь и по десять раз мерили, прежде чем выпустить деталь в работу.

Автомобиль так делать нельзя. Автомобиль — точная машина. Тут десятые и сотые доли миллиметра играют большую роль.

Сделаешь чуть потолще деталь — она не встанет на место. Потоньше сделаешь — тоже нехорошо. Войти-то она войдёт, но будет болтаться, будет стучать на ходу, быстро выйдет из строя.

Вот и приходилось на старом АМО не по семь, не по десять, а чуть не по семьдесят раз мерить некоторые детали, чтобы довести их до нужного размера.

На ГАЗе так, конечно, не работали. Где нужны сотни тысяч деталей, там некогда мерить по семи раз. Проще семь станков поставить, а если нужно, — и десять и двадцать, чтобы один начерно обрабатывал заготовку, другой шлифовал...

Самый большой из советских автомобилей — минский дизельный двадцатипятитонный самосвал. Не первый год работают эти великаны на стройках страны.

Вот поэтому вместо похожих друг на друга универсальных станков стояли на ГАЗе целые шеренги станков-автоматов. Каждый из них быстро и точно делал свою простую работу — всего одну какую-то операцию, а все вместе они быстро, без примерок и без ошибок гнали сплошным потоком детали нужных размеров.

Главный конвейер

И собирали машины на ГАЗе не так, как на АМО. Там, на старом АМО, на ручных тележках, на носилках, а то и просто в руках сносили к месту сборки части из разных концов завода.

На ГАЗе, как ручейки к реке, по бесконечным стальным лентам собранные узлы стекались со всех сторон к главному конвейеру. Рама — автомобильный скелет, — вступив на один конец конвейера, обрастала по дороге частями и агрегатами и к другому концу конвейера приходила готовым автомобилем с бензином в баке, с маслом в картере, с водой в радиаторе, с воздухом в шинах... Только номерного знака не хватало такой машине, чтобы сию же минуту приступить к работе.

Как сказочная река, бежал главный конвейер по длинному, светлому цеху. А по берегам реки стояли люди, и каждый из них делал своё маленькое, но очень нужное дело. Один положит деталь на ленту, другой наденет пружину, третий поставит болт, четвёртый кладёт гайку. Уж мог бы, кажется, и наvertнуть её! Нет, навёртывает другой, и то не до конца. Только третий специальным инструментом — гайковёртом — затягивает до отказа.

Сперва кажется, что лишне так дробить работу. А приглядишься — и видишь: по-другому здесь нельзя. Секунду лишнюю провозится рабочий со своей гайкой и сразу сойдётся с чёткого ритма, который управляет движением главного конвейера. Сойдётся сам — сойдёт сосед, и, глядишь, минуты не прошло — встал главный конвейер.

Сложное, трудное дело — наладить работу огромного завода так, чтобы не по часам, не по минутам, а по секундам считать время. Но зато, когда наладили, когда без перебоев побежала лента главного конвейера, Горьковский автозавод каждый час, каждую минуту стал создавать огромные ценности.

На старом АМО три простеньких грузовичка собирали за день. На ГАЗе триста сложных, совершенных автомобилей ежедневно сходило с конвейера.

Правда, к тому времени, когда Горьковский автозавод стал работать на полную мощность, сравнивать его работу с работой старого АМО можно было, только оглянувшись в прошлое. Старого АМО уже не стало. На месте его тесных цехов выросли новые, просторные корпуса. Там, как и на ГАЗе, работали станки-автоматы, и там с ленты конвейера один за другим сходили новые трёхтонные грузовики «ЗИС-5», те самые, которые и до сих пор трудятся кое-где, доживая свой автомобильный век.

Вдвоём оба завода — Горьковский и Московский — выпускали в то время одних грузовиков больше ста тысяч в год да тысяч тридцать легковых машин — сначала «газики», а потом, с 1936 года, «эмки» и «ЗИСы-101».

Новый работник

Сто тридцать тысяч автомобилей — это великая сила. Но ещё не взялась за работу эта новая сила, а уже обратилась к стране со своими неслыханными прежде требованиями.

Нужно было обустроить автомобиль. И вот вырос над Волгой, в Ярославле, новый огромный шинный завод.

Понадобились аккумуляторы для новых машин — построили аккумуляторный завод. Потребовалось специальное стекло — появились новые стекольные заводы.

Не хватало горючего для новых автомобилей — выросли новые крекинг-заводы в Баку и в Грозном. Новые буровые впились в землю на Сахалине и на берегах Ишима.

Запасные части, тёплые гаражи, ремонтные мастерские, новые краски, упругая, прочная сталь, лампочки для фар, масла для смазки и много, много другого, требовал этот новый работник. И страна ни в чём не отказывала ему. Один за другим вырастали новые заводы, и со всех концов страны в Горький и в Москву везли всё, что нужно для автомобиля.

У этого автомобиля своя специальность — привести к пожару лестницу и быстро поставить её там, где это нужно.

У автомобиля «М-72» ходовая часть, как у «ГАЗ-69», а кузов — как у «Победы». Из этих машин получился удобный легковой вездеход.

Но ему не только материалы были нужны, этому ненасытному новорожденному. Он не мог жить без хороших дорог. И вот одна за другой протянулись по стране новые шоссейные дороги...

Многое требовали сотни тысяч новых автомобилей, но зато они и сами работали на совесть.

Ведь это они, трёхтонки «ЗИС-5» и полуторки «ГАЗ», вывезли на своих плечах миллиарды тонн грузов первых пятилеток. А когда пришла война, пробиваясь сквозь снег, буксуя по осенней распутице, утопая в весенних разливах, эти же грузовики везли на передний край снаряды и мины, патроны и винтовки, махорку для солдат и бензин для самолётов. Юркие «эмочки» носились по фронтовым дорогам, доставляя в штабы срочные донесения. А приходилось — те же «эмочки», одевшись в броню, бросались в бой и пулёмётным огнём разметали дорогу пехоте.

Семья автомобилей растёт

Они хорошо и много поработали на своём веку... Они бы могли и ещё поработать. Но их время ушло. Автомобильный век — короткий век. Техника в наши дни семимильными шагами шагает вперёд, и то, что вчера казалось совершенством, сегодня приходится отправлять в утиль.

Оказалось, что заслуженный ветеран стройки и войны, автомобиль тридцатых — сороковых годов, слишком прожорлив. Оказалось, что можно на тех же заводах строить другие машины, которые сожгут на пятнадцать—двадцать граммов меньше бензина на километр.

Если бы сотня или тысяча машин работала во всём нашем хозяйстве, можно бы помириться с таким перерасходом. Но ведь их работают сотни тысяч. А сотни тысяч автомобилей — это десятки миллионов километров пробега ежедневно, это целые озёра напрасно сожжённого бензина.

Об этом стоит задуматься, стоит ради этого заново переделывать всю машину и на смену старому, отслужившему свой век автомобилю поставить на конвейер новую, более экономичную, а заодно уж и более прочную и более дешёвую машину.

И вот ещё шла война, ещё фашистские самолёты бомбили Горький и Москву, а в конструкторских

бюро, в лабораториях и в институтах уже рождались новые автомобили, те самые, которые сейчас трудятся в городах и в колхозах, на новых стройках и на целинных землях.

И перед этими новыми, не родившимися ещё машинами стояли новые задачи.

Они должны быть экономичнее — это было главное, но не единственное требование, которое предъявила наша огромная страна к новым автомобилям.

Полуторки «ГАЗ», высокие и лёгкие, хороши были на просёлках. На новых шоссейных дорогах нужны были новые, мощные грузовики.

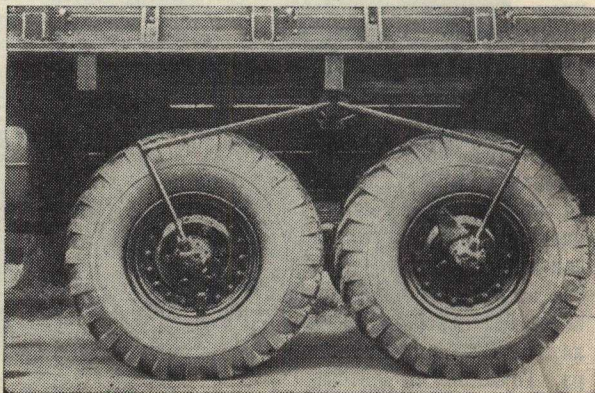
Трёхтонки «ЗИС-5» неплохо справлялись со своим делом на исправных дорогах. По бездорожью им приходилось туго. А на новых стройках, которые намечались в стране, не было ещё хороших дорог, — значит, нужны машины повышенной проходимости, машины-вездеходы.

Легковая «эмочка» когда-то считалась неплохой машиной. Но она безнадежно отстала от иностранных легковых машин. Отстал и «ЗИС-101» от своих иностранных собратьев. На смену этим машинам пора было строить современную разгонную машину для города и для шоссе и первоклассный легковой автомобиль.

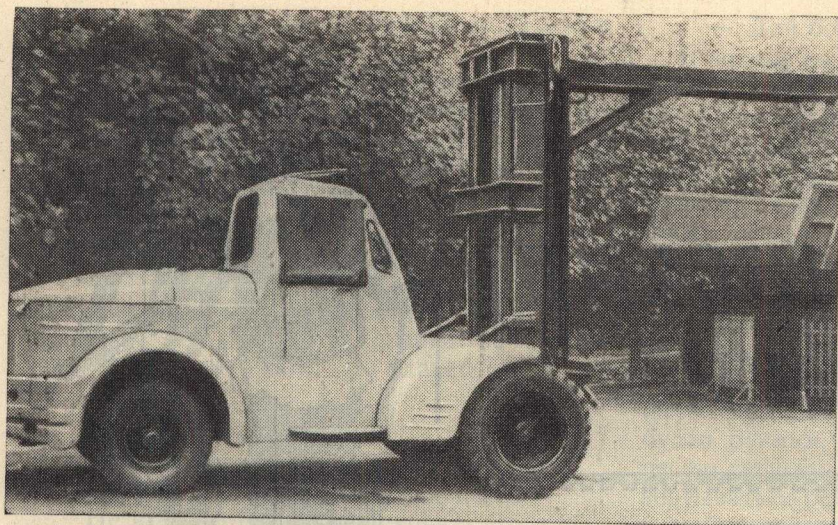
Для колхозов, для просёлков нужен был легковой автомобиль-вездеход.

Прежде только учреждениям под силу было содержать машины, теперь нужно было подумать и об индивидуальном владельце — нужно было начать выпуск лёгких малолитражных машин для личного пользования.

Прежде простой трёхтонный грузовик справлялся со всеми делами на стройках, теперь понадо-

А это новость — устройство для подкачки шин. С таким устройством можно подкачать воздух в баллоны даже на ходу.

На такой машине на прогулку не поедешь и груз на неё не положишь; зато там, где нужно поднять и перенести тяжёлый груз, она незаменима.

бился грузовик-самосвал, да не трёхтонный и не пятитонный даже, а на десять и на двадцать пять тонн.

Понадобились новые автобусы, понадобилось множество специальных машин: пожарных, автокранов, автопогрузчиков, лесовозов...

Столько разных автомобилей понадобилось нашему большому хозяйству, что на помощь заслуженным заводам, Московскому и Горьковскому, в разных концах страны один за другим стали подниматься новые автомобильные заводы.

Ярославский завод взял на себя тяжёлые дизельные самосвалы-десятитонки — те, что с серебряным медведем на капоте несутся с тяжёлым грузом по дорогам новостроек.

Минск выпустил пятитонные самосвалы с зубром на капоте, а потом принялся и за двадцати-

пятитонные великаны, каждое колесо которых чуть не в рост человека.

В Москве вырос завод малолитражных автомобилей, и по дорогам побежали разноцветные «Москвичи».

Урал стал выпускать трёхтонки. В Грузии, в Ульяновске появились новые автозаводы... Но попрежнему самыми мощными, самыми передовыми автозаводами остались Горьковский автозавод и Московский завод имени Лихачёва.

Это они выпускают сотни тысяч грузовиков, вездеходов, автобусов. Это в их цехах рождаются разноцветные «Победы» и «ЗИМы» с оленем на радиаторах, комфортабель-

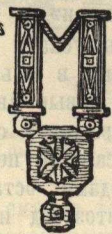
ные «ЗИС-110» и легковые вездеходы «М-72».

Это с их конвейеров мягко сходят на дорогу прочно заслужившие добрую славу грузовики «ГАЗ-51» и «ЗИС-150».

А пока шумят цехи автозаводов, тут же, в автогородах, в тишине светлых залов, заглядывая в завтрашний день, конструкторы трудятся над созданием новых, невиданных ещё машин, которые через год, через три, через пять лет выйдут на улицы и на дороги.

Какими они будут, эти новые автомобили, сейчас ещё рано говорить. Одно ясно, они будут ещё экономичнее, ещё удобнее, ещё быстрее. И тот автомобиль, который тебе придётся вести по дорогам Родины, будет так же мало похож на наши сегодняшние машины, как эти машины не похожи на старенький грузовичок «АМО-Ф-15».

МУРМАНСКИЕ ЗУЙКИ

Б. Шергин

Рисунки П. Павлинова.

Белое студёное море — колыбель русской морской славы.

Отсюда, с Белого моря, в давние, допетровские ещё времена шли русские люди за китами и за рыбой, за мамонтовым клыком и за пушным зверем к берегам далёкого Груманта, к островам Новой Земли, к устьям великих сибирских рек.

Много удали и отваги нужно было, чтобы на утлых деревянных судах пробиться сквозь льды и туманы, найти в безбрежном море нужное место и с богатым грузом привести свой корабль назад к родному берегу. Не одним мужеством не одолеешь суровый северный океан. Тут нужна голова на плечах, опытный глаз, умелые руки и знания.

В те далёкие времена не было школ мореходства, не было учебников. Из поколения в поколение, от отца к сыну, от старших, испытанных в труде мореходов, к мальчикам, не вышедшим ещё моря, передавалось морское искусство.

Шаткая палуба корабля да промысловая изба были классами этой школы, смоленые канаты, мокрые шкоты, тяжёлые вёсла да промысловая снасть — теми учебными пособиями, которые желторотым юнцам помогали стать настоящими моряками.

В суровой строгости, в беспрекословном повиновении, в тяжёлом повседневном труде воспитывались будущие мореходы. Иначе и нельзя было: строгое северное море не терпит ни лени, ни своеволия. Там командир — «передовщик» — был «первым и главным после бога на корабле», как говорили в старину.

Архангельские поморы — это коренной русский народ, живущий по берегам Белого моря. Всё житьё-бытьё этих людей связано с грозным морем-океаном. Море здесь повелец и кормилец. Но море даст, что возьмёшь. Чтобы взять от моря его богатства, поморы в самых дальних берегах учредили промыслы, рыбные и звериные. Мореходству и мор-

Нелегко давалось такое учение, но зато и выходили из этой школы сильные люди, волевые моряки, настоящие победители моря. И такой порядок с давних пор чуть не до наших дней продержался на севере.

А теперь не так, конечно, учат будущих моряков. Другой размах у советского флота, другие корабли, другие дела... Сейчас специалистов морского дела готовят в мореходных училищах, в техникумах, в институтах. Сейчас одного опыта мало: нужны точные, обширные знания, нужна большая культура, чтобы хозяином встать на мостик корабля.

Но, должно быть, не плох был и старый северный порядок, если и до сих пор плавают под советским флагом прославленные капитаны, прошедшие суровую школу архангелогородских зуйков, если и по сей день у многих жива добрая память о былых далёких годах морского ученичества.

Писатель Борис Викторович Шергин — знаток русской морской старины — сам прошёл эту школу. Много и хорошо написал Шергин о смелых северных моряках, об их славных походах, о строителях кораблей, о том, как жили в прежние годы на берегах Северной Двины, о том, как хаживали в море.

А в этом небольшом рассказе вспомнил Шергин и о мурманских зуйках.

Прочтите этот рассказ, ребята, и задумайтесь о том, как далеко шагнули мы за годы Советской власти, как непохожа ваша юность и ваше учение на юность и учение ваших дедов.

Скому промыслу поморы обучались с детства. Обучались не в школе, а на деле, на практике.

Мальчиков, которые трудились и в море, на корабле, и у промысла, на берегу, называли зуйками.

Зуёк — северная птичка из породы чаек. У рыбных промыслов всегда кружатся зуйки.

Жители Белого моря уходили на Мурман весной.

Перед походом бывали проводинные столы. Зуйки чашичали и стольничали, с поклонами подносили гостям пироги и пиво.

Время от времени зук стучал в дно миски и говорил:

— Батюшка, припади!

Это он попутный ветер величает батюшкой.

Перед последней переменой мать, в первый раз провожающая сына в море, прощается с ним: гладит мальчика по голове шёлковым платочком, и плачет, и поет:

Сизенький мой соколик,
беленький мой голубчик!
Беззаботные годочки прокатились,
беспечальные денёчки миновались.

Не в доцвете траву шёлкову
с поля убираю,
не в доросте моего дитятка
в тяжёлу работушку,
в мурманску страду провожаю.

Твоя молоденька головушка
заподумывает.

Твоё маленькое сердечко
запобаливает.

На пристань идут, всем нищим подают:

— Нате-ка, на поветеры!

И все встречные и поперечные желают отъезжающим:

— Дай бог, уносяя поветеры!

И вот мы на судно зашли, якоря выкатили, паруса открыли. И побежало судёнышко мимо Архангельского города.

А с берега нам платочками машут. И вот родимый город закроется островами. Во все стороны развеличится пресветлый Гандвик — Белое море.

Тут какая слеза катилась, та назад воротилась. В море волны рядами, будто вороные кони с белыми гривами. Ветры падают на море, как руки на струны.

Поморы запоют песню. За кормой покажется тюленья голова. Он плывёт, ластами, будто руками, перебирает, глядит умильно, песню слушает. Под нос корабля зачнут подвёртываться белухи. Белуха ростом с корову, а любит поиграть: на зашейке пробку оттыкает, фонтан пускает, будто и кит.

А над кораблём чайки летят, провожают. Это поморы любят: хлеб им бросают.

Зуйки без дела не сидят: старые канаты щиплют для конопатки, медные котлы начищают.

Бывало, лавирует навстречу английское судно. Юнги оттуда бросают зуйкам бишки — солёные бисквиты. Зуйки отдаривают слобными колобами. Бывало, и дразнились. Юнги кричат:

— Рашен шкуна — хлам! Инглиш — шик!

Наши отвечают:

— Ноу! Инглиш — хлам!
Рашен шкуна — шик!

Летом в море благодать.
Ночи сияющие. Небо и море,
как перламутровые, как две половинки раковины-жемчужницы.

Осенью в туманы в море бывает грозно и тошно. Туман навалится, по конец весла не видно человека.

Во избежание столкновения на поморских судах били в набатный колокол, в чугунные доски.

Не по красу, не по веселье ходили зуйки на Мурман. Строго было дома, строго и на Мурмане.

Зуйки твёрдо знали, что «старших и в орде почитают», Здороваясь со старшими, зуёк не наденет шапку, пока не прикажут. Зайдя в каюту, зуёк не смеет сесть, пока не повелят. Пока не спросят, не смеет говорить. Если кормщик или капитан посадит зуйка по правую сторону от себя или велит зуйку идти по правую руку, зуёк знал, что этим оказана ему великая честь.

Хозяева и кормщики бывали бедовые. Хозяин кричит из каюты зуйку:

— Лёвка, ставь самовар!

А через секунду:

— Погоди, не надо.

А ещё через минуту:

— Лёвка, скипел самовар?

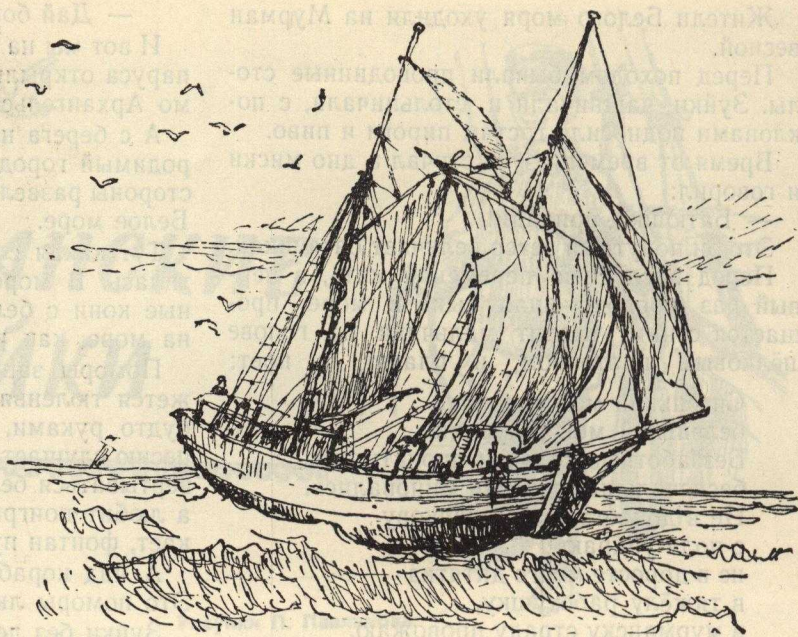
— Да ведь не велели.

— Чувствовать должен, балда пустая!

Капитан Владимир Иванович Воронин рассказывал:

— Я был зуйком-поваром на дядином судне. В дороге пёк хлеба. Вот раз на ночь замесил тесто и квашню взгромоздил на полку над головами спящих. Ночьюхватила непогодушка, тесто и начало катать людям на головы.

Опять было! стояли мы в Норвегии. Капитан сплыл на берег. А у меня хлеба получились, как

глиняные. Я и выкидал их в воду, думаю: утонут. А хлебы плывут, и чайки их клюют, и хозяин мой с берега на шлюпке едет, на эту картину любителю... Погладил меня хозяин-то мутовкой по головке. Я тогда и песенку сложил:

Уйду от вас в Норвеги,
поплачу у елэй,
не нежили родители,
не нега от людей.

На берегу, на Мурмане, зуйкам тоже не отдых. Взрослые днюют и ночуют в океане. На берег сойдут только поесть да отдохнуть. Зуйки еду готовят, воду носят из горной речки, дрова припасают.

В урочные часы дня закричат на берегу чайки. Это они возвещают приход судов с рыбой. Зуйки бегают по берегу, ищут своих, кричат.

— Господа промышленники наши, пожалуйте обедать!

Самая лихая работа была «тюки отвивать». Тюк — часть «яруса», океанской рыболовной снасти. В тюке четыреста метров длины. Тридцать связанных тюков составляли ярус, который и опускался в море. После лова ярус опять «развивали» на тюки. Сколько дела зуйкам! Тысячи рыболовных крючков надо распутать. Крючья острые, снасти мокрые, руки морским рассолом ест, ярусу конца нет. Сооти, сколь долгов ярус, если в нём тридцать тюков, а в тюке четыреста метров!

К праздникам зуйки варили пиво. Варили с песнями:

Кисни, квас,—
с полу грязь,
хозяину вырви глаз!

В праздник бедовый хозяин уснёт пьяный на печке, а зуйки отпевают его:

Как за эту выслугу,
что гулять нас не пустил,
тебя трясло бы, потрясывало,
выше печи подбрасывало.
Тебе сквозь печь провалится,
во щаж заварится,
пирогом заколотися!

Пока старики дела никакого не придумали, зуйки в бабки играют, в городки, в мяч. Хорошо певали забавную песню «Небылицу»:

Небылица в лицах, небывальщина,
небывальщина, неслыхальщина.
По поднебесью сер медведь летит,
он ушками, лапками помахивает,
он чёрным хвостом принаправливает.

Малы деточки, поросяточки,
по сучкам сидят, по верхам глядят,
по верхам глядят, улететь хотят.

Таракан гулял сорок лет за печью.
Вдруг да выгулял он на белый свет.
Увидал таракан в лохани воду.
— А не то ли, братцы, море синее?

Увидал таракан: из чашки ложками
хлебают.
— А не то ли, братцы, корабли бегут,
корабли бегут, на них гребцы гребут?

Делом чести для зуйка было привезти домой как можно больше гагачьего пуха. На мурманских пахтах — утесах — гнездились несчётные тысячи гаг, гагар и чаек. Весной гага сядет на каменный карниз, нащиплет у себя пуху и в этот пух снесёт яйцо. Этот пух можно взять. Гага в другой раз выстелит гнездо пухом. Обирали зуйки и второй пух. Но если человек схватит без совести третий пух, птица навсегда улетит от этого места.

Дома зимой гагачий пух выпрядут на самопрялках и навяжут рубах, чулок, рукавиц.

Пух обирать — промысел опасный. Скалы стеной стоят над водами. Зуёк ползёт по карнизу, как муха по стене. У него за спиной мешок для пуха. И тут у гаг, у чаек крику, стону, воплю!

А дни катятся, недели торопятся... Пройдёт мурманское лето. Одно за другим поморские суда уходят домой. Пусто станет на Мурмане. На чёрных скалах, будто скатерти, — белые снега.

Осенью зуёк и жалованье получал за всё лето: пятьдесят рублей деньгами, десять пудов солёной рыбы, пять пудов рыбы вяленой, тёплую одежду и сапоги.

Домой зуйки идут с весёлым духом. Балуют без удержу. Что придумывают: на верхушке мачты есть шар, клотик. Зуйки придумают состязание: кто повернётся на клотике, тому премия. Ловкий парнишка доберётся до верхушки мачты, ляжет животом на клотик, раскинув для равновесия руки-ноги, и вскружится там... А судно ведь на полном ходу, его качают волны. А премия бывала кренделёк или конфетка.

Это я вам, друзья, рассказал про свою юность, что сам видел, слышал и переживал. Давно это было.

ЗАДУМАНО - СДЕЛАНО

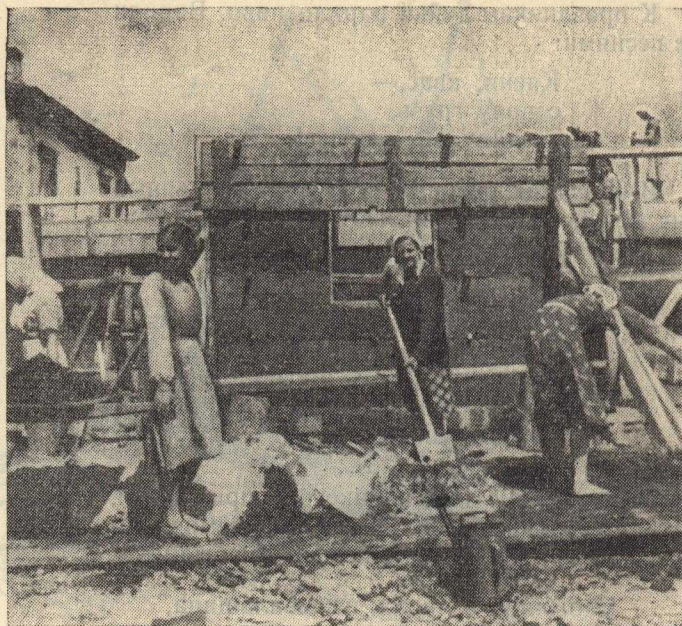
Если вам случится побывать в Башкирии, непременно заезжайте в город Белебей, а в Белебее загляните во двор средней школы № 1. Там вы увидите длинное серое здание слесарно-столярной мастерской и учебного гаража. Никакими особыми архитектурными красотоми не блещет это скромное здание, зато оно построено по плану самих ребят, руками самих ребят.

Построить мастерскую ребята задумали ещё весной. До сих пор в школе № 1 не было своих мастерских, и это было очень неудобно. Выбрали «Штаб строительства», начальником его стал комсомолец Валерий Рафиков. Вместе с «главным инженером» Володи Кудряшовым они начертили план здания. Решено было построить мастерскую из шлакобетона.

Шлакобетон — смесь цемента, песка и шлака. Цемент шкоре дали шефы-строители. А песок, шлак и камни для фундамента ребята возили из оврага на маленьком огородном тракторе. Видите, он изображён на фотографии? У этой машины был крайне строптивый нрав, время от времени она фыркала и останавливалась. Тогда «начальник транспортного отдела» Гена Табаков и его помощники подталкивали машину руками.

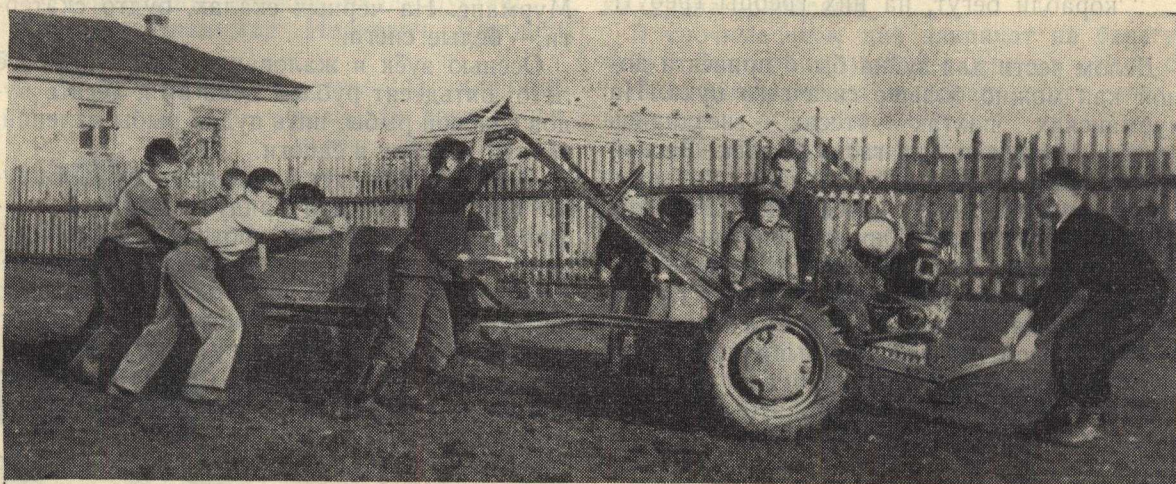
Всё лето во дворе школы кипела работа. Ребята рыли котлован для фундамента, готовили смесь, возводили стены. И день ото дня стены мастерской становились всё выше и выше.

Теперь мастерская достроена, и школьники вот-вот начнут заниматься в ней. На стене в ящичке хра-

С каждым днём стены мастерской растут всё выше и выше.

нится почётный список строителей, в него занесены фамилии лучших бетонщиков и каменщиков, лучших бригадиров. Среди них вы прочтаете имена Вали Шариповой, Поли Курамшиной, Нины Дурасовой и Нины Вахдаевой — отважных девочек, не побоявшихся работать на самом верху стены и первыми выполнивших своё задание; бригадира Юры Стрельцова со своей бригадой каменщиков; Гены Васильева, Коли Нечаева и Флюра Мингазетдинова, внесших первое рационализаторское предложение; Бори Аткина, который привлёк к стройке ребят из других школ; третьеклассника Наиля Ганеева, который притащил большой камень для фундамента, и имена ещё многих-многих комсомольцев и пионеров, построивших эту мастерскую своими руками.

А ну, подтолкнём этот упрямый трактор!.. Опять застрял.

«Орлёнок»

Рассказ Н. Чебаевского

Рисунки Ф. Лемкуля.

В магазин сельпо привезли велосипеды. Нарядные, посверкивающие никелем и эмалью, стояли они рядом у прилавка. Особенно красив был «Орлёнок» — велосипед для мальчиков. Он так сверкал, что казалось, не солнечные лучи отражаются в нём, а, наоборот, от звонка, руля и ободов излучается слепящий свет.

Возле «Орлёнка» толпились колхозные ребята. И велосипедов и мотоциклов они видели немало. Всякие машины примелькались, а вот такую, специально предназначенную для них, мальчишек, они видели впервые.

Ванюшка Рябов, смуглолицый, не по возрасту долговязый пятиклассник, сидел на корточках перед «Орлёнком», наверное, уже больше часа. Постукивал пальцами по шинам, крутил педаль, легонько нажимал на звонок. Всё было что надо: шипы в ёлочку, камеры накачаны до звону, педали крутились бесконечно долго, звонок брякал от малейшего прикосновения.

Вот купить бы такую машину!.. Однако о покупке пока приходилось только мечтать. Отец Ванюшки, инвалид Отечественной войны, больше болел, чем работал, а у матери трудодней хоть и немало, да расходов в семье и того больше: четверо ребятшек, и все в школу ходят.

— Попросим мамку с папкой посиленей — и купят! — жарко шепчет младший ванюшкин братишка, Лёнька.

Лёнька молбже Ванюшки всего на год, но ростом ниже чуть не вдвое. Маленький, толстый и в отличие от брата светловолосый, веснушчатый — всё лицо будто конопляным семенем усыпано. Лёнька то выскакивал на улицу, то снова влетал в магазин и снова шептал брату:

— Чего глядеть без конца! Купим, да и всё! Мамка добрая, уговорится.

— «Уговорится!» — сдвигал брови Ванюшка. — Тебе пальто надо покупать, сапоги всем, пимы... Соображать надо!

Ванюшка последний раз погладил кожаное сиденье «Орлёнка», вздохнул и вышел из магазина.

Через час братья были уже далеко в степи. Ступая босыми ногами по мягкой, пыльной дороге, шли они к стану тракторной бригады. У Ванюшки через плечо висела се-

рая парусиновая сумка. Когда вдали показывались голубые вагончики, мальчик приосанивался и передвигал сумку на живот: пусть видят, что не пустой идёт!

Ванюшка Рябов уже третий месяц состоял в почётной должности книгоноши. Три бригады в колхозе. Одна — в семи километрах от села, другая — в десяти, а третья — и вовсе далеко: до неё двенадцать километров. За один день их никак не обойдёшь. Поэтому Ванюшка навещал сначала одну бригаду, потом другую, третью. Отдохнёт — и снова в поход. Выходило очень хорошо: читатели как раз успевали прочесть принесённые книги. И когда Ванюшка появлялся, обычно в обеденный перерыв, у стана, трактористы и прицепщики, комбайнеры и штурвальные, возчики зерна и шофёры — все окружали его.

Ванюшка с нарочитой медлительностью растёгивал сумку, доставал первую книгу. Переспрашивал значительно:

— Вы, дядя Гриша, «Тихий Дон» заказывали?

— Я, я... — улыбался темнолицый пожилой тракторист.

— А вы, тётя Шура, «Ивана Ивановича» просили? Вот принёс...

— Спасибо, Ванюша, спасибо! — благодарила повариха.

— «Балтийского неба» только всё нет и нет! — нетерпеливо вмешивался Лёнька. — Даже в районной библиотеке нет. Звонили по телефону.

Ванюшка в таких случаях оглядывался на братишку с неудовольствием. Никакой солидности у человека! Частит, как сорока. Уж молчал бы лучше!.. Только помолчит он, как же! Это ведь Лёнька, а не кто-нибудь! Такой настырный, спасу нет! Книгоношей, например, его вовсе не назначали, а тоже по бригадам таскается да ещё требует, чтоб ему сумку давали нести. И приходится уступать. Попробуй не дать, разревётся — не уймёшь да ещё отцу нажалуется. Ему же, Ванюшке, как старшему, и влетит.

Вот и сегодня, завидев стан, Лёнька потребовал сумку:

— Теперь я понесу!

— Нес бы раньше!

— Хитрый больно! В степи я тащи, а как станем к вагончикам подходить, так на себя надеваешь. Выходит, я не книгоноша?

— Конечно, нет! Тебя никто не назначал, сам таскаешься!

— А Василь Павлыч что вчера сказал?

Верно, председатель колхоза хвалил их и даже обещал начислить за доставку книг трудодни. Против трудодней Ванюшка не возражал. Пусть получает и Лёнька.

Лёнька уже тянул у брата сумку, когда на дороге вдруг послышалось лёгкое похрюкивание.

Может быть, кто-нибудь другой и не обратил бы внимания на эти звуки. Но Ванюшка сразу понял, что они значили, и не на шутку испугался.

По дороге, нюхая отпечатки босых ног, семенил маленький толстый поросёнок. Так и есть: за ними увязался лёнькин любимчик Пятачок!

Месяца два назад с крохотным Пятачком, когда ему была всего неделя от роду, произошло несчастье. Он сунулся под корову, та ударила его копытом. Ничего другого не оставалось, как заколоть и зажарить сосунка. Но Лёнька, в то время читавший книжку о зверинце Дурова, выпросил у матери поросёнка в своё распоряжение. Он решил вылечить его и научить разным цирковым номерам. Нога у Пятачка — так был назван Лёнькой поросёнок — быстро срослась. Он только немного прихрамывал. Но обучить его «номерам» у Лёньки не хватило терпения, если не считать того, что Пятачок, как собака, таскал поноску. Забросит Лёнька палку — поросёнок сбегает за ней и ждёт кусочка хлеба.

Впрочем, и этот единственный номер, исполняемый Пятачком, вызывал у ребят восторг.

Пятачок же так привязался к Лёньке, что не отставал от него ни на шаг. Куда Лёнька, туда и поросёнок. Лёнька за ягодами, а Пятачок следом. Ходит, розовыми ушами потряхивает, корешки разные выкапывает. Лёнька на речку купаться — и поросёнок тут как тут. Лежит на берегу в мокром песке, похрюкивает от удовольствия, на хозяина поглядывает. За другими ребятами собачонки неотступно бегали, а за Лёнькой — поросёнок.

Собачья привязанность Пятачка смешила всех, в том числе и Ванюшку. Но одно дело, когда поросёнок увязывался за Лёнькой на речку, и совсем другое, — если он притащится в тракторную бригаду! Какое уважение может быть к таким книгоношам?!

— Гони, гони его! — что есть мочи закричал Ванюшка.

А Пятачок, услышав знакомый голос, стремительно подкатился к ребятам, с радостным хрюканьем и повизгиванием закружился возле Лёньки, задирая вверх тупое рыльце.

Ванюшка схватил первую попавшуюся под руку будылину, хлестнул одновременно и по поросёнку и по лёнькиным босым ногам.

Но не так-то просто было избавиться от поросёнка. Вместо того, чтоб бежать обратно в село, он скрылся в густой пшенице. А когда ребята пошли дальше, сзади них тотчас послышалось знакомое похрюкивание.

Лёнька и Ванюшка снова погнали поросёнка обратно. Кто знает, чем кончилась бы их погоня за панически визжащим Пятачком, если бы вдруг не раздался резкий гудок машины. Братья бросились в сторону, а мимо них, подпрыгнув на ухабе и полнеба заслонив пыльным облаком, промчался грузовик.

Когда серые клубы пыли немного отнесло ветром, ребята увидели на дороге тёмную распластавшуюся фигуру.

— Убился! — воскликнул Лёнька.

Ванюшка только охнул и кинулся на помощь человеку, свалившемуся с машины. Но тут же остановился в смущении. На дороге лежал вовсе не человек, а женское пальто.

— Сельповская машина товар в магазин везла и обронила, — сказал Лёнька. — А мы то перепугались!

Ванюшка посмотрел вслед промчавшемуся грузовику. Слова Лёньки походили на правду: над бортами кузова виднелись ящики и тюки.

Он поднял пальто. Спереди, прикреплённая к петле ниткой с пломбой, висела белая картонка с печатной надписью: «Бийская швейная фабрика. Цена» — и дальше красным карандашом: «948 рублей». Совсем новое пальто, прямо с фабрики. И такое дорогое! Как же уронили его с машины, почему не упаковали?!

Ванюшка недоумевающе смотрел на пальто. Лёнька же озорно сверкнул глазами:

— То-то хватятся! Давай, Ванька, нарочно припрячем вон в тех кустах, заставим поискать! Сроду не найдут, если сами не скажем! А мы ни за что не скажем, пока...

Лёнька прищурился, сморщил нос, сообщая, чего бы такое запросить в сельпо. Велосипед? Больно дорого, скажут, заломил. Коробку цветных карандашей «Спартак» попросить? А то у него одни огрызки остались, никак в пальцах не удержишь, — хочешь нарисовать человека, а получается сама собой обезьяна.

— Тоже мне, придумал! — строго сказал Ванюшка — Ясно, в кустах искать никто не станет, когда на дороге потеряли. Не прятать, а отдать надо.

Он отошёл на обочину дороги и стал стряхивать пыль с пальто.

— Тогда пусть за находку коробку цветных карандашей дадут! — решительно потребовал Лёнька. Потом, заметив, как Ванюшка покосился на него, добавил: — Пусть две дадут! Тебе и мне, раз нашли вместе...

Ванюшка любил рисовать не меньше Лёньки. От коробки «Спартака» он тоже не отказался бы, но выпрашивать что-нибудь было не в его характере. Он недовольно буркнул:

— Вот ещё! — и осторожно положил пальто на траву. Дадут там или не дадут за находку карандаши, а отнести его в сельпо надо.

— Здоровеньки бывали, ребятки! — слышался вдруг вкрадчивый хриповатый голос.

Голос этот раздался за спиной Ванюшки так неожиданно, что мальчик вздрогнул.

— Чего напугались? — сказал подошедший. — Я не милиционер, меня нечего бояться. Я, может статься, поболее за находку дам, чем две коробки карандашей...

Это был колхозный шорник Харлампий Харлампиевич Биркин, которого на селе звали просто Харламыш. Подслеповатый, с реденькой бородой цвета кудели, с крючковатым носом, с лицом, иссечённым глубокими морщинами и синими прожилками, Харламыш всегда производил на ребят неприятное впечатление. Что-то хищное было в его суховатой, сгорбленной фигуре, в голове, посаженной на тонкую шею и всегда наклонённой вперёд.

Старик опустил на колени, коричневатые, не разгибающиеся пальцы его торопливо обшарили пальто. Помяли драп, пробежали по подкладке, погладили чёрный блестящий воротник, даже пересчитали пуговицы. Пуговицы эти, большие, пластмассовые, с гладкой выемкой в виде солнышка с пучком расходящихся лучей, больше всего нравились Ванюшке.

— Не троньте, ломаете! — сказал он.

— Материалец подходящий, воротник котиковый, подклад атласный... — не обращая внимания на мальчиков, бормотал себе под нос старик. — Пальтецо стоящее...

И тут же, видимо, сообразив, что при мальчиках хвалить вещь не следует, быстро сказал:

— Сотню стоит... уступаете?

— Как это уступаете? — покраснел Ванюшка. — Пальто же магазинное...

— Было, да сплыло. Что с возу упало, то пропало. Ваша находка — ваш, стало быть, фарт. Получайте сотню наличными!

Корявая рука старика полезла за пазуху.

— Сотню! Оно девятьсот сорок восемь стоит, пальто-то! — выпалил Лёнька. — Хитрый больно, дедушка! Будто мы неграмотные...

— Грамотные, да не больно! — язвительно бросил старик. — То магазинная цена, а я о вашей толкую. Вам-то не шибко дорого это пальтецо досталось.

— Не будем мы продавать! — сказал Ванюшка, ещё больше краснея и ухватившись за пальто обеими руками.

Харламыч, очевидно, понял его испуганное движение как проявление жадности.

— Мало, что ли? Ну ещё сотнягу накину. Две сотни — и по рукам!

— Да нет же... нет...

Харламыч враждебно взглянул на Ванюшку. Бескровные узкие губы его презрительно оттопырились.

Ванюшка испугался. Он ещё крепче ухватился за пальто и почти крикнул:

— Нет, не отдам!

— Не отдашь за две? Чёрт с тобой, даю три сотни!

Лёнька дёрнул брата за подол рубашки. Ванюшка попятился, отступил от Харламы-

ча на шаг. Потом оглянулся на Лёньку. Лёнькины губы что-то шептали, в глазах стояла просьба.

— Велосипед... велосипед можно купить!.. — скорее догадался, чем услышал Ванюшка.

Велосипед?.. Да, отдать только Харламычу пальто, и можно будет купить заветного «Орлёнка». Но как же так?.. Ведь продать чужое — всё равно что украсть? Правда, они не украли, а нашли...

Ванюшка нерешительно затоптался.

— Чего переминаешься с ноги на ногу, как петух? Давай сюда пальто, получай деньги, и всё шито-крыто! — чувствуя, что упорство мальчика пошатнулось, уже мягче потребовал Харламыч. Но тут же, беспокойно оглянувшись по сторонам, угрожающе добавил: — Только ни словечка никому! А то худо будет!

Так, значит, Харламыч боится! Значит, хоть и находка, а продавать и покупать её нельзя. Конечно, нельзя, пальто магазинное, его потеряли случайно. Потому Харламыч и наказывает держать всё в тайне. Недаром, видно, по селу ходили нехорошие слухи, что он спекулянт.

И когда цепкие пальцы Харламыча уже потянули пальто к себе, Ванюшка что есть силы рванул его обратно.

— Не отдам, не отдам! Хотя тысячу давай, хоть две, всё равно не отдам! Оно не наше, пальто! Я в магазин его отдам!..

Чёрные большие глаза мальчика сверкали так яростно, покрасневшее лицо было таким решительным, что Харламыч отступил от Ванюшки.

Он понял, что коль сделка не состоится, надо позаботиться о другом.

— Ишь ты, как возлютовал! Добро, добро! Хвалю за честность! — сказал он, улыбаясь.

Ванюшка опешил.

— Потому, если нашёл задаром, а продал за деньги, — всё одно что украл, — продолжал Харламыч уже поучительно. — А я что? Господи, да неужто мне чужая вещь надобна? Я только спытать вас хотел...

— Испытать? — Ванюшка снова густо покраснел.

— Всенепременно. Только чтоб узнать вашу честность. Ну, бывайте здравеньки! — Харламыч приподнял с лысой головы старую кепку-блин и засеменил прочь по узкой тропке через пшеницу.

Не успели мальчики придти в себя, как на дороге заскрипели колёса и показались из-за пшеничной стены дрожки председателя колхоза.

— Василий Павлович! — закричал Ванюшка, когда дрожки поровнялись с ним. — Мы пальто нашли!

— На дороге! С машины упало, а мы подняли! — не утерпев, добавил Лёнька.

— Пальто? — Председатель придержал серого тонконового жеребца.

— Мы в бригаду книги несём, — продолжал между тем Ванюшка. — Нам в село возвращаться не время... Возьмите, отвезите в сельпо. Они уронили, мы видели...

— Возвратить по принадлежности? Это можно! А выкуп тогда в чью пользу: в мою или вашу? — Председатель погладил рыжие густые, как щётка, усы. — Ну-ну, шучу! Значит, без выкупа?.. — Он взял пальто, посмотрел цену. — Ого! Крепёнько бы кому-то за такую потерю влетело! Молодцы, ребятки, что подобрали. Вы в бригаду, с книгами опять? Я туда же. Ну, садитесь, подброшу попутно, хоть и шагать недалеко осталось.

Ванюшка с Лёнькой охотно залезли на дрожки, примостились рядышком. Сумка, висевшая через плечо Лёньки, опустилась на лямках и легла председателю на колени. Он приподнял её, взвешивая.

— Ого, тяжеловата! Каждый день такой груз таскать — это чувствительно, — сказал он как бы про себя. Потом обратился к сидевшему рядом с ним комбайнеру Петрову: — Как, Андрей, думаешь, не помочь нам ребятам транспортом? Ведь полезное дело делают.

— Ещё какое полезное! — охотно отозвался обычно неразговорчивый комбайнер.

Во время разговора с Харламычем и председателем ребята совсем забыли о Пятачке, который вместе с ними кинулся от автомашины в сторону. Пока ребята никуда не собирались, поросёнок мирно пощипывал на обочине травку. Потом он улёгся в тени под пшеницей. Но стоило только дрожкам тронуться, как сзади раздался беспокойный визг. Лёнька уезжал, и даже знакомого следа босой ноги на дороге не оставалось... Как тут было Пятачку не удариться в панику!

Услыхав отчаянный поросячий визг, Василий Павлович осадил лошадь. Удивлённо

глянул под колёса: откуда среди степи взяться поросёнку?

Но поросёнок, самый настоящий, с белой, немного курчавой щетинкой и розовыми ушами, крутился возле колёс.

— Что это за нахал? — спросил председатель. — Сроду не встречал ещё таких поросят.

— Это Пятачок... это... — начал Лёнька. Ванюшка так двинул его локтем в бок, что Лёнька чуть не свалился с сиденья. И, разумеется, сразу примолк. Но было уже поздно.

— Пятачок? — переспросил председатель. — Эта беспокойная скотина так зовётся? Интересно! А драться книгоношам, между прочим, не к лицу...

Поневоле пришлось рассказать о «цирковом» воспитании поросёнка. Кончилось всё тем, что под смех председателя и комбайнера настойчивый Пятачок был взят к Лёньке на колени.

Прошло несколько дней. Ванюшка ни разу не был в сельпо, чтобы не подумали, что он явился за наградой. Но Лёнька не утерпел, наведался туда. Продавец, как и председатель колхоза, похвалил его за честность и дал кулёчек леденцов. Лёнька леденцы взял, хотя эта награда разочаровала его: даже по коробке карандашей не подарили!

Вечером, оделяя домашних конфетками, мальчик вздумал было высказать свою обиду, но отец оборвал его:

— И это зря дали! Награда хороша за честный труд... А если чужое не присвоили, за что тут награждать?

Ванюшка с Лёнькой краснели и молча соглашались: верно, нечего было рассчитывать на награду.

А вечером того же дня их позвали в контору колхоза. Не догадываясь, зачем они понадобились, немного смущённые, мальчики вошли к председателю.

— Награды, ребята, не ждали? — сказал председатель. — А она вон, ждёт вас...

У стены стоял новенький, сверкающий никелем и эмалью «Орлёнок»!

Это было так неожиданно, что ребята совершенно растерялись. Видя, что мальчики словно ошалели от счастья, председатель произнёс серьёзно:

— Правление колхоза награждает вас за хорошую работу. А велосипед мы выбрали, чтобы вам было на чём книги развозить и покататься на досуге... — И, улыбнувшись, добавил: — Только Пятачку всё равно придётся пешком за вами бегать!..

Ю. Новикова

Рисунки В. Константинова.

Он приближается на всех парах, он почти на носу, самый весёлый, самый волшебный праздник! Хрустит, как яблоко, снег, ёлки, высовываясь из вагонных дверей, подъезжают к вокзалам, и вот уже Новый год стучится в заиндевшие школьные окна и спрашивает: — Ну, как вы меня встретите?

Конечно, всем вам, ребята, хочется встретить его как можно лучше. И мы будем рады, если наши рисунки, цветные картинки и некоторые советы помогут вам в этом весёлом деле и дадут толчок вашей фантазии и изобретательности.

У НАС БУДЕТ КАРНАВАЛ

Мы побывали в нескольких московских школах. Там уже готовились к празднику, и сама эта подготовка тоже была вроде праздника и доставила массу удовольствия.

Китайский танцор.

Особенное оживление мы заметили в тех школах, где ребята затеяли новогодний карнавал... В пионерских комнатах — весёлый праздничный беспорядок, на столах — яркими пятнами горят ещё не дошитые серапе и сомбреро для мексиканского костюма, индийские сари, блестят стеклянные бусы, браслеты из фольги. Ещё ярче блестят глаза... Есть особая прелесть в том, чтобы нарядиться под Новый год в необычный, не свой костюм.

Каким будет карнавал? Конечно, конечно, попросту переодеться кто во что горазд, поплясать и попеть. Но ребятам хочется чего-то совсем особенного, такого, что надолго запомнилось бы. Вот они и решают провести карнавал под одним

На этих страницах вы увидите, как разнообразны украшения, костюмы, игрушки, маски, которые могут сделать пионеры, решившие на день карнавала «превратиться» в китайцев. А если вы захотите выбрать какой-нибудь другой костюм, то в библиотеке, в клубе, в Доме пионеров всегда можно найти материал и о других странах.

каким-нибудь девизом, и не случайно в нескольких школах ребята посвящают карнавал дружбе народов всех стран.

МЫ ШЬЁМ КОСТЮМЫ

— Почему нам это пришло в голову? Ну, во-первых, потому, что в новом году в Москве будет Всемирный фестиваль молодёжи, — пояснили нам в одной школе. — И потом народные костюмы такие красивые и такие разные...

Так оно и есть.

Тот болгарский костюм, который изображён у нас на цветной вкладке, — всего лишь один из видов народной одежды болгар. На севере Болгарии одеваются не так, как на юге;

Такие драконы — постоянные участники праздничных шествий в Китае.

Но, право же, за парчой и

Ребята из разных стран шлют своим советским друзьям кукол, одетых в народные костюмы. На этой цветной картинке изображены восемнадцать таких кукол: 1 и 2 — в болгарских костюмах; 3 — в словацком; 4 и 5 — в польском; 6 — в румынском; 7 и 8 — в сербском; 9 и 10 в венгерском; 11 — в шведском; 12 — в голландском; 13 — в китайском; 14 — в индийском; 15 — в костюме североамериканского индейца; 16 — в боливийском костюме; 17 — в немецком; 18 — в исламском костюме. Выбирайте любой!

Оживленно

Хор

Хэй, йо, хэй, хэй, йо, хэй, хэй, йо, хэй, хэй! День про-ла-дай ве-ет,
Зву-к пи-лы та-н ве-сел,

я-роп, о-сеня, твой у-бор. Ру-бим, пи-лим де-ре-вья, хэй, близ вы-со-ких гор.
дзинь, дзинь, дзинь-звонит то-пор. Бу-дем вто-рить шаг-ней, хэй, близ вы-со-ких гор.

Ру-бим, пи-лим де-ре-вья, хэй, близ вы-со-ких гор. Хэй, хэй,
Бу-дем вто-рить шаг-ней, хэй, близ вы-со-ких гор.

стро-ит-ся род-ной Ки-тай, са-мый лучший в мире край.

хэй, йо, хэй, стро-ит-ся род-ной Ки-тай, са-мый лучший в ми-ре.

и до-ма, и мос-ты, и за-во-ды нам нуж-ны, ру-бим де-ре-вья.

и до-ма, и мос-ты, хэй, и за-во-ды нам нуж-ны, ру-бим де-ре-вья.

для род-ной стра-ны. Хэй, йо, хэй,
для род-ной стра-ны. Мы по-ём, как пти-цы, с пес-ней влад-звонит то-пор,

нам при-воль-но тру-дить-ся, хэй, близ вы-со-ких гор.

йо, хэй, йо, хэй, йо, хэй, хэй, близ вы-со-ких гор.

гор. Нам при-воль-но тру-дить-ся, хэй, близ вы-со-ких гор.

Хэй, йо, хэй, хэй, йо, хэй, хэй, йо, хэй, хэй, хэй!

Силуэтными рисунками, один из которых вы видите внизу, ребята из школы № 529 (Москва) украсили зал, когда готовили сбор о Китае.

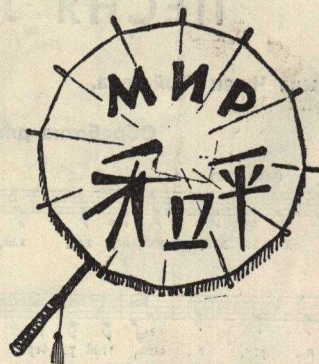

тонким кружевом во всех случаях не стоит гнаться. Их всегда можно заменить простыми, перекрашенными тканями, как поступают в театре. Карнавальный костюм ценен не богатством, а характерностью.

Нарядную вышивку, например, можно просто нарисовать красками, но узор должен быть характерным именно для этого народа. На болгарских костюмах, о которых мы говорили, в узорах вышивки встречаются и простые геометрические узоры и яркие крупные цветы: розы, тюльпаны, гвоздики; в польских, в словацких костюмах преобладают геометрические орнаменты. У каждого народа свой излюбленный узор, любимые цвета и линии покроя, и всё это не случайно: вкус народа связан с его культурой, с условиями жизни, с природой страны... И мы бы советовали вам, приступая к шитью костюма, почитать книжки о стране, которую вы выбрали, расспросить бывалых людей. Неплохо заглянуть и в музей. Всё это пригодится вам не только для шитья костюма... Но об этом поговорим потом.

ПУБЛИКА ВХОДИТ В ЗАЛ

Карнавал «Дружба народов» можно провести по-разному. В одной школе решили позвать на вечер студентов, приехавших к нам учиться из других стран.

Словами «мир» и «дружба», написанными на разных языках, можно украсить стены зала, и цветные фонарики, и веера — вот так, как этот зонтик наверху. А ниже вы видите чуан хуа, так называют в Китае вырезанные из бумаги украшения для стен и оконных стёкол.

Каждый из них расскажет ребятам о своей родине.

Пионеры другой школы задумали свой вечер в виде путешествий. Каждый отряд выбирает себе страну и рассказывает друг-другу о своём «путешествии» по ней, то есть о том, что ребята успели прочитать в книгах, в журналах.

А московская школа № 529 девиз избрала такой: «Ребята всех стран любят сказки».

Вот как представляется пионерам этой школы будущий карнавал. В толпе рядом с маленькими китайцами и немцами мелькают такие милые и знакомые персонажи, как Жёлтый Аист, Мальчик с Пальчик, Щелкунчик, и сказка встречает гостя уже на пороге зала. Гирлянда бумажных фонариков, лёгких и пёстрых, бумажные вырезки на стёклах, рисованные панно с цветами и птицами, похожими на иероглифы, и с иероглифами, летящими как птицы, напоминают об изящной и умной китайской сказке. Орнамент из красных и синих цветов на белом фоне и лукавая рожица куклы Гурwineка говорят о весёлой фантазии народов Чехословакии.

Здесь нашла себе место и Лампа Алладина из волшебной арабской сказки и пряничный домик ведьмы из старой немецкой сказки.

Навстречу гостям выходит Иван-Царевич; стучит деревянными башмачками, сабо, ма-

ОТЧЕГО НА ЛУНЕ ПЯТНА

КИТАЙСКАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

Перевели И. Загута и В. Кашников.

Давным-давно, много лет назад, луна была совсем не такая, какой мы привыкли её видеть. Лунные лучи, как огненные стрелы, сжигали молодые входы риса, и люди не могли уснуть от невыносимой жары.

В те времена, у подножия большой горы жил молодой охотник Я Лу со своей женой Ни Э. Однажды Ни Э сказала мужу:

— Я Лу, ты лучший стрелок в Поднебесной. Сбей стрелой эту злую луну. Спаси людей.

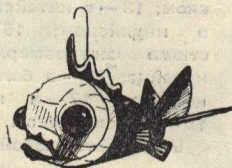
Я Лу взял лук и стрелы, взобрался на самую вершину горы, натянул изо всех сил тетиву, прицелился и выстрелил. Но только полпути пролетела стрела и упала на землю. Все сто стрел выпустил Я Лу, и все сто упали на землю, не долетев до цели. Посмотрел Я Лу вверх и увидел раскалённую луну, посмотрел вниз и увидел вы-

жженные поля и жёлтых худых людей. Тяжело вздохнул молодой охотник. Вдруг позади раздался тихий звон. Огромный камень сдвинулся с места, из горы вышел старичок с длинной бородой.

— Из хвоста тигра сделай лук.

Из его жил тетиву.
Из рогов оленя сделай стрелу.
Только тогда поразить луну.

Сказал он и исчез.

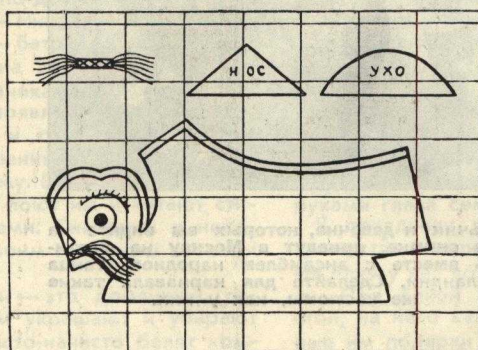
Сделайте такие китайские фонарики.

ленькая француженка — Красная Шапочка, которая давным-давно акклиматизировалась у нас, придя к нам из сказки Перро... И даже сверкающая, разукрашенная ёлка покажется в этом зале уже не просто ёлкой, а персонажем из андерсеновской сказки.

Звучит тихая музыка, поднимается занавес. И вот в зрительный зал летят огромные оранжевые, жёлтые, лиловые бабочки: их пускают со сцены танцоры во вьетнамских костюмах. Шевеля резиновыми усиками, бабочки опускаются на плечи девочек в индийских сари, на шотландскую шапочку и на широкополое сомбреро мексиканца. Потом на сцене разыгрывается мудрая индийская сказка «Купец и жестянщик». Сказку сменяет китайская песенка, песенку — русская пляска. А осветитель, вертя большой фонарь, обтянутый разноцветной бумагой, бросает на сцену и в зрительный зал снопы голубых, красных, зелёных и жёлтых лучей.

ЕСЛИ ТВОЙ НОМЕР НЕ ПРОШЁЛ

Концерт не может быть слишком длинным, и на сцену, естественно, попадают только самые луч-

Сделайте китайскую шляпу и туфли.

шие номера. Нам рассказывали, что в одной из школ, как перед настоящим фестивалем, желающие выступать проходили три тура. И, конечно, многие на этих турах «отсеялись». Были тут и обиды и слёзы...

Но нужно ли горевать, если твой номер не прошёл на сцену? Значит ли это, что из действующего лица ты превращаешься в безучастного зрителя карнавала?

Нет, тысячу раз нет! Тем и хорош карнавал, что в нём нет бездействующих, пассивных, безмолвных... Ты не попал на сцену? Что ж! Каждый уголок зала или коридора может стать для тебя сценой, где ты веселишься и веселишь других.

Ты ведь не просто надел на себя костюм — ты взял на себя роль. Если на тебе индийские одежды, — держи себя так, как подобает жителям Индии. Индийцы — живой и общительный народ, но они никогда не бывают слишком шумливыми, не суетятся, не толкаются. Да дело не только в поведении. Если на тебе костюм китайца, ты можешь рассказать собравшимся коротенькую китайскую сказку или даже разыграть её с приятелями. Это будет вполне в духе китайского театра, который доверяет фантазии зрителя и может обходиться без декорации.

Но стрелы не пробивали шкуры тигра и оленя, и Я Лу пошёл посоветоваться с женой.

— Мы сплетём сеть из моих волос, — сказала Ни Э и дотронулась до своих длинных волос.

Её волосы обладали чудесным свойством: сколько бы их ни обрезали, они вырастали вновь и тянулись бесконечно, точно нитка шелкопряда. Тридцать дней и тридцать ночей плели они сеть. И охота их была удачной. Из хвоста тигра Я Лу сделал лук, из его жил — тетиву, а из рогов оленя — стрелу. Он снова вошёл на вершину горы и выстрелил в луну. Бум!.. Стрела ударилась о луну, и по всему небу рассыпались яркие искры. Эти искры теперь мы называем звёздами. А стрела вернулась обратно прямо в руки Я Лу. Сто раз выстрелил Я Лу, и каждый раз стрела отбивала острые края луны, а звёзд становилось всё больше и больше. Наконец луна стала совсем круглой, как колесо. Однако от неё попрежнему шли палящие лучи, попрежнему выгорали поля и страдали люди. Я Лу взял лук и, повесив голову, печально спустился вниз.

Ни Э ткала большой ковёр. На нём уже были вытканы их домик, цветы, трава, овцы и сама Ни Э под развесистым деревом. Ни Э собиралась выткать и Я Лу на ковре, но не успела.

— Возьми ковёр, — сказала она, — привяжи к стреле и выстрели в небо.

Ещё раз просвистела стрела, и ковёр покрыл

луну. С тех пор луна больше не шлёт жгучих лучей, а светит спокойным, прохладным светом.

Я Лу стоял на горе и с улыбкой смотрел на луну. Вдруг он увидел, что вышитые на ковре бараны, дерево и Ни Э ожили. Ни Э с луны поманила рукой, и настоящая Ни Э, стоявшая на пороге дома, плавно поднялась в воздух. Подлетев к луне, она слилась с той, которая была на ковре.

У Я Лу от волнения и горя подкосились ноги, он опустился на камень. Но когда луна проплывала над вершиной горы, Ни Э спустила свою длинную косу вниз. Я Лу ухватился за неё и быстро взобрался на луну.

С тех пор Ни Э всегда сидит под развесистым деревом, вышивая парчу, а Я Лу присматривает за овцами. И живут они очень счастливо. Приглядитесь к тёмным пятнам на луне, вы увидите, что это Я Лу и Ни Э.

Правда, хорошая сказочка? Можно рассказать её ребятам во время карнавала. Хорошо также разучить и спеть китайскую песенку, вы найдёте её на стр. 33.

А если ты умеешь жонглировать,— тем лучше... Китайские жонглёры достигают в своём деле высокого мастерства.

«Индиец» может показать несколько фокусов. Даже самые незамысловатые будут иметь успех в обстановке карнавала. «Индийские» девочки и мальчики могут также спеть песенку — одну из тех, которые поют маленькие жители Бенгалии...

Вот и выходит, что костюм нужно выбирать в зависимости от своих способностей. Если ты умеешь петь, ты можешь одеться в костюм «шансонье» — бродячего французского певца. Играешь на гитаре, — стань испанцем или цыганом. Скрипка — любимый инструмент румын и чехов. В Чехословакии даже существует поговорка: «Чех родился со скрипкой».

«Чехи» могут организовать игру в духе той, которые сопровождают в Чехословакии весёлый народный праздник сбора винограда.

Сделайте виноградную лозу с гроздьями, конечно, искусственную. Задача играющих — отвлечь внимание «сторожа» и похитить гроздь. Если похитителя схватят на месте преступления, на него налагается штраф: он должен станцевать или спеть.

Для мальчика в моравском костюме (Чехословакия) есть великолепная роль — народного рассказчика. Без таких «сатириков» не обходится ни один

Мальчик и девочка, которых вы видите на этом снимке, придут в Москву на фестиваль вместе с ансамблем народного танца Шотландии. Сделайте для карнавала такие же костюмы, как у них.

моравский праздник. Придумайте любую забавную историю на злободневную школьную тему и расскажите её публике. Костюм народного рассказчика прост: вышитая рубашка, широкие шаровары, на голове шляпа с полями, украшенная пером.

Девочка в голландском костюме — ушастом чепчике и клонпах, деревянных башмаках, — может разносить в корзинке цветы: ведь Голландия славится своими гиацинтами и тюльпанами. Неплохо устроить «аукцион цветов» — такой обычай есть в Голландии. Только на карнавальном аукционе цветок должен доставаться не тому, кто больше заплатит, а тем, кто лучше споёт, прочитает стихотворение или разгадает загадку...

Мало ли таких аттракционов можно придумать!

Здесь всё зависит от изобретательности и от знаний о стране, которые вы успели приобрести из книг и бесед. Хорошо было бы также запомнить поговорки той или другой страны и даже выучить несколько слов или хотя бы одно слово на её языке.

Эти сведения ещё сослужат вам службу... Кто знает, может быть, в вашем городе в этом году побывают во время фестиваля молодые вьетнамцы, исландцы, индийцы, чехи!.. И вам приятно будет сказать им на их языке хотя бы одно слово — МИР.

Воробей

ПОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Слова Люцины Кржеменецкой.
Музыка Витольда Литославского.

Милый воробей,
Нет тебя верней.
Мчатся ласточки за море,
С нами радость, с нами горе
Делит воробей —
Друга нет верней!

Бьёт зима в лицо,
Замела крыльцо.
День со дня погода хуже,
И дрожит, дрожит от стужи
Птичка воробей...
Друга нет верней!

Слышишь лёгкий стук?
Слышишь: тук-тук-тук.
Воробей стучит в окошко:
— Дайте крошек хоть
немножко,
Киньте на порог,
Очень я продрог.

Милый воробей,
Песни нет родней.
О воробушке хохлатом
Пропоём другим
ребятам.
Славься, воробей!
Друга нет верней!

ЕЛКА У НЕМЕЦКИХ РЕБЯТ

ПРИСЛАНО ИЗ ГДР ПО НАШЕЙ ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИЕЙ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА
«ШУЛЬПОСТ»

В Германии с праздником ёлки связано много старинных обычаев и обрядов.

По всей стране принято перед ёлкой устраивать весёлые ярмарки. О первых таких ярмарках мы находим упоминания в рукописях семнадцатого столетия.

На ярмарке есть всё что угодно: горячие сосиски, печенья, жареные цыплята, куклы, сладости, безделушки для подарков. Там можно покататься на гигантском колесе, испытывать свою силу у Геркулеса или показать в тире свою меткость. Вся ярмарка освещается сиянием огромной ёлки, украшенной бесчисленными электрическими лампочками.

Ну, и, конечно, возле неё обязательно появляется одетый во всё белое дед, вроде русского Деда Мороза. Только называется он по-другому — Вайнахтсман, а в Южной Германии — Николаус или Пельцникель, в других местах — батрак Рупрехт или Санкт Мартин. У Вайнахтсмана за спиной мешок с золой, а карманы набиты пряниками.

В местечке Нейруппин он появляется в сопровождении всадника на лошади и группы переодетых девушками парней с раскрашенными лицами. С музыкой идут они от дома к дому. Всадник и Вайнахтсман слушают ребят, которые поют им и читают стихи, одаривают ребят пряниками. Скверных и непослушных детей они пугают своим страшным мешком с золой.

Праздник ёлки в Германии — это домашний, семейный праздник. Перед ним украшают и убирают дом, в горных местностях чисто-начисто белят комнаты. Снаружи домов и во дворе часто развешивают

гирлянды фонариков, золочёных бус. Такие украшения — предмет особой гордости их владельцев.

В некоторых районах Германии существует очень красивый обычай: за две — три недели до ёлки ставить в комнате срезанные вишнёвые или яблоневые ветки. Они оживают и расцветают в тепле. Этими свежими ветвями украшают комнату, в которой зажигается ёлка.

В Эрцгебирге за несколько дней до праздника зажигают курильницы. Они сделаны в виде смешных человечков с трубками во рту, душистый дым которых стелется по всему дому. Особенно славится изготовлением ароматичных курений горное селение Гроттендорф.

В некоторых местностях Германии вместо ёлки украшают пирамиду. Её делают очень яркой, красивой, внутрь ставят разные фигурки. Иногда эти фигурки делают даже двигающимися. На верху пирамиды укрепляют большую вертушку, которая приводится в действие тёплым воздухом, поднимающимся от горящих свечей. Такую пирамиду вы видите на снимке.

Пирамиду каждый год надстраивают, она становится всё больше и наряднее. Всё это делает своими руками глава семьи. Таков уж обычай.

К празднику готовят специальные традиционные лакомства, например, имбирные и медовые пряники. На ёлку у нас во всех семьях принято дарить подарки. Под ёлкой заранее устанавливается нарядный стол, на него каждый кладёт любовно приготовленные им подарки для других членов семьи.

Ребята очень любят ёлку и с нетерпением ждут её.

Елочка

НЕМЕЦКАЯ ПЕСНЯ

Слова Эрики Энгель.

Музыка Хорста Мюллера.

Умеренно

Больше вьюги и метели
Ёлку не страшат,
Мы не зря её одели
В праздничный наряд.

И горит, горит, мерца,
Столько огоньков,
Будто к ней слетелась стая
Ярких светлячков.

И стоит она, сверкая,
Ждёт к себе гостей.
И такая золотая
Звёздочка на ней!

Их не сдует зимний ветер:
Ёлка ждёт ребят,
Показать мечтает детям
Яркий свой наряд.

БЕМБИ

(Окончание)

Юрий Нагибин

По одноимённой повести Ф. Зальтена

Бемби искал старого вождя. И в ночную пору, и в предрассветные часы, и на утренних зорях блуждал он нехоженными тропами один, без Фалины.

Порой его ещё тянуло к Фалине, и он с прежним удовольствием гулял с ней, слушая её болтовню, обедал с ней на поляне или на лесной опушке, но это уже не захватывало его целиком.

Раньше, поглощённый близостью Фалины, он лишь очень редко, мельком, думал о встрече со старым вождём. Сейчас, разыскивая его по всему лесу, он почти не вспоминал о Фалине.

Слово, которое старый вождь сказал Гобо, неотвязно звучало в ушах Бемби. С самого своего возвращения Гобо причинял Бемби острое беспокойство. Было что-то жалкое и мучительное в его облике. Бемби ни на миг не оставляла боязнь за Гобо, перед которым он испытывал странное и необъяснимое чувство стыда.

Когда ему доводилось теперь бывать в обществе Гобо, простодушного, самодовольного, наивно высокомерного Гобо, в уме его неотступно звенело слово: «Несчастный!» Он не мог выкинуть это слово из головы.

Однажды тёмной ночью Бемби был остановлен пронзительным вскриком своего старого приятеля — сыча. Разыграв по обыкновению испуг, Бемби вдруг смекнул, что ночной летун может быть полезен ему в его поисках.

— Не знаете ли вы случайно, где сейчас старый вождь? — спросил он сыча.

Сыч проворчал, что не имеет об этом ни малейшего понятия, но Бемби показалось, что голос его звучит неискренне.

— Нет, — сказал он, — я вам не верю. Вы так умны, вам известно всё, что творится в лесу. Можете ли вы не знать, где находится старый вождь?

Сыч, крайне польщённый, тесно прижал пёрышки к телу и стал совсем крошечным и гладким.

— Само собой разумеется, мне это известно, — проговорил он тихо и важно, — но я не смею разглашать тайну...

Бемби принялся упрашивать: — Я не выдам вас, да и могу ли я при моём глубоком к вам уважении...

Сыч, снова превратившийся в пушистый, мягкий, серо-коричневый шарик, поворачивал своими умными большими глазами, как и всегда, когда ему приходилось что-либо по душе, и сказал:

Рисунки В. Ватагина.

— Так-так, значит, вы меня уважаете. А за что, позвольте спросить?

— За вашу мудрость, — искренне сказал Бемби, — кроме того, за вашу всегдашнюю весёлость и приветливость и ещё за то, что вы так искусно умеете пугать окружающих. Это так умно, необыкновенно умно! Если бы я обладал вашим талантом, это принесло бы мне большую пользу.

Сыч глубоко погрузил клюв в грудное оперение — он был счастлив.

— Ну, — сказал он, — мне известно, что старый очень расположен к вам.

— Почему вы так думаете? — спросил Бемби, и сердце его радостно забилося.

— Я совершенно уверен в этом, — ответил сыч. — Он от души расположен к вам, и я полагаю, это даёт мне право открыть вам его местонахождение.

Он снова притянул свои пёрышки к телу, словно ожидая, что его в благодарность погладят.

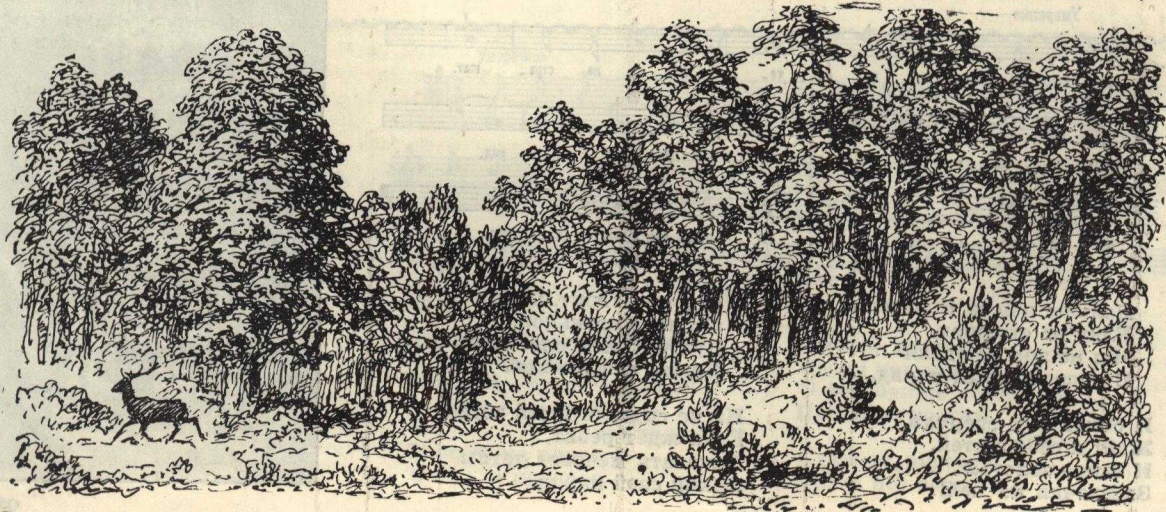
— Знаете ли вы ров, заросший ивами?

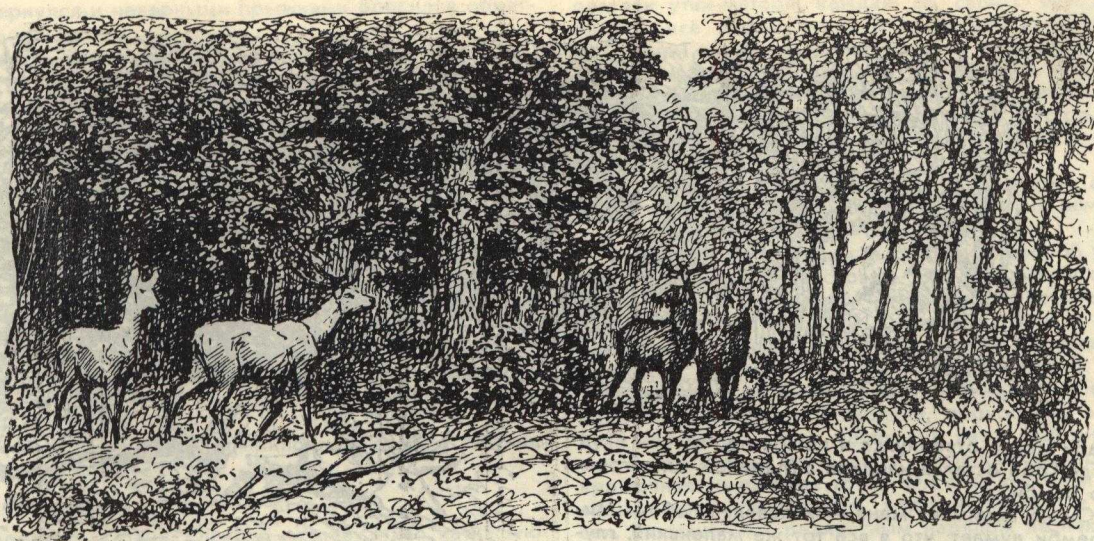
— Да, — кивнул Бемби.

— А знаком ли вам молодой дубняк по ту сторону рва?

— Нет, — признался Бемби, — я ещё не бывал на той стороне.

— Тогда слушайте внимательно, — прошептал сыч. — По ту сторону рва растёт дубняк. За дубняком раскинулся кустарник, много-много кустарника: орешник, серебристый тополь, боярышник и бирю-

чина. А посреди лежит старый, поверженный ветром бук. Там вы и должны искать. Но смотрите, не выдавайте меня!

— Под стволом?... — ошеломлённо повторил Бемби.

— Ну да! — засмеялся сыч. — Ведь ствол лежит поперёк глубокой ямы. Там вы и найдёте старого вожака.

— Спасибо вам! — сказал Бемби от всего сердца. — Не знаю, сумею ли я отыскать его по этим приметам, но тысячу раз благодарю вас.

И он быстро побежал прочь.

Сыч бесшумно следовал за ним и вдруг заорал над самым его ухом:

— У-ик! У-ик! У-ик!

Бемби всего передёрнуло.

— Вы испугались? — осведомился сыч. — Я напугал вас?

— Да, — пролепетал Бемби, и на этот раз он сказал правду.

Сыч заворковал, очень довольный.

— Я только хотел ещё раз напомнить вам — не выдавайте меня.

Но Бемби уже бежал дальше.

Когда он достиг края рва, из тёмной, мрачной глубины неожиданно и бесшумно вырос перед ним старый вождь.

— Меня уже нет там, куда ты стремишься, — сказал он. — Что тебе нужно от меня?

— Ничего... — пробормотал Бемби, охваченный внезапной робостью. — О... ничего особенного...

После короткого молчания старый сказал мягким голосом:

— Но ты ищешь меня не первый день. Вчера ты дважды прошёл совсем близко от меня, а сегодня ты едва не задел меня, пробираясь через валежник у лисей норы.

— Почему... — Бемби собрал всё своё мужество, — почему вы так сказали тогда о Гобо?..

— Ты что же, думаешь, я не прав?

— Нет, я чувствую, что это правда!.. — страстно воскликнул Бемби.

Старый вождь чуть приметно кивнул. Глаза его ещё никогда не глядели на Бемби так благосклонно, и Бемби, осмелев, повторил:

— Но почему? Вот чего я не могу понять!

— Довольно и того, что ты чувствуешь это. Придёт время, и ты всё поймёшь. Прощай.

Вскоре уже все обитатели леса стали замечать странное и опасное поведение Гобо.

Ночью, когда все бодрствовали и бродили по лесу, Гобо спал. Зато днём, когда каждое разумное существо ищет укрытия, чтобы выспаться и отдохнуть, Гобо без малейшей опаски выходил из чащи и стоял посреди поляны в ярком свете солнца, сохраняя полное душевное спокойствие.

Бемби не мог больше терпеть подобного безрассудства.

— Ты что же, совсем не думаешь об опасности? — спросил он Гобо.

— Нет, — отвечал Гобо, — для меня её просто не существует.

— Ты забываешь, дорогой Бемби... — вмешалась тётя Энна. — Ты забываешь, что Он — лучший друг моего Гобо. Вот почему Гобо может позволить себе гораздо больше, чем ты или кто другой. — И тётя Энна победоносно огляделась.

Однажды Гобо сказал ему доверительно:

— Станные порядки у вас тут в лесу: каждый кормится когда попало и где попало.

— А как же может быть иначе? — не понял Бемби.

— Что касается меня, — самодовольно сказал Гобо, — то я привык, чтобы еду мне приносили в положенное время и приглашали меня откусать.

Бемби с состраданием взглянул на Гобо. Затем он перевёл взгляд на тётю Энну, Фалину и Марену, но те лишь посмеивались, восхищённые словами Гобо.

— Мне кажется, — сказала Фалина, — тебе будет особенно трудно привыкнуть к зиме, Гобо. У нас тут зимой не водится ни свежего сена, ни картофеля, ни репы.

— А ведь верно, — задумчиво произнёс Гобо. — Мне это как-то не приходило в голову. Я даже представить себе не могу, каково это будет зимой. Должно быть, ужасно!..

— Не надо преувеличивать, — спокойно сказал Бемби. — Иной раз, правда, приходится трудно, но ничего ужасного в этом нет.

— Ну, — высокомерно сказал Гобо, — если мне будет трудно, я просто-напросто опять отправлюсь к Нему. Почему я должен голодать? Это не в моих привычках.

Бемби молча отвернулся и пошёл прочь.

Когда Гобо остался наедине с Мареной, он заговорил о Бемби.

— Он не понимает меня,— жаловался Гобо.— Милый Бемби думает, что я всё тот же маленький, глупый Гобо, каким он меня знал когда-то. Он никак не может взять в толк, что из меня вышло нечто не совсем обычное, что я не такой, как все. Далась ему эта опасность! Он, конечно, говорит из добрых побуждений, но пусть он раз и навсегда усвоит, что опасность существует только для него и ему подобных, но не для меня.

Марена во всём соглашалась с Гобо, она любила его, и Гобо любил её, они были очень счастливы друг с другом.

— Видишь ли,— продолжал Гобо,— никто не понимает меня так хорошо, как ты. Конечно, мне не на что жаловаться, меня уважают и чтут повсеместно. Но ты, ты понимаешь меня лучше всех. Сколько ни рассказываю я другим о Его доброте, они всё равно остаются при своём...

— А я всегда верила в Него! — мечтательно сказала Марена.— Разве ты не помнишь, как мы говорили о Нём незадолго до твоего исчезновения? И я сказала тогда, что настанет время, и Он придёт к нам в лес и будет играть с нами...

— Не-е-т,— протянул Гобо,— этого я не помню...

Минуло несколько недель. Раннее утро застало Бемби и Фалину, Гобо и Марену в родном орешнике, неподалёку от поляны. Бемби и Фалина только что вернулись с прогулки; миновав старый дуб, они стали подыскивать себе место для отдыха, как вдруг столкнулись с Гобо и Мареной. Гобо держал путь на поляну.

— Оставайся-ка лучше с нами,— сказал Бемби.— Скоро взойдёт солнце, сейчас никто не выходит на волю.

— Вот как! — усмехнулся Гобо.— Но я уж не раз говорил тебе, что другие мне не указка.

Он двинулся своей дорогой, Марена последовала за ним.

— Пусть делает, что ему угодно! — в сердцах сказал Бемби Фалине.— Пойдём!..

Но не успели они и шага шагнуть, как с другой стороны поляны послышался пронзительный, предостерегающий крик сойки.

Бемби вмиг повернулся и кинулся вслед за Гобо. Он настиг его и Марену почти у самого дуба.

— Слышишь? — крикнул Бемби.

— Ты о чём? — озадаченно спросил Гобо.

Снова пронзительно закричала сойка.

— Неужели ты не слышишь? — повторил Бемби.

— Ах, ты о сойке!.. — спокойно сказал Гобо.— Но какое мне до неё дело?

— Это опасность! — пытался внушить ему Бемби.— Пойми ты, опасность!

Но вот затрещала сорока, за ней вторая, а вскоре и третья вплела свой стрекот в их тревожный переключ. Ещё раз прокричала сойка, а высоко в воздухе подала свой сигнал ворона.

Теперь и Фалина принялась уговаривать брата:

— Не выходи, Гобо! Это опасно!

— Остайся здесь, Гобо! Ну, будь таким милым! Остайся сегодня с нами... Ведь там опасность!..

Но Гобо только посмеивался:

— Опасность, опасность!.. Какое мне дело до вашей опасности?

И тут Фалине пришла хорошая мысль:

— Пусть тогда один из нас выйдет первым, чтобы мы хоть знали...

Не успела Фалина договорить, как Марена одним прыжком выскочила из укрытия.

Все трое стояли и смотрели ей вслед: Бемби и Фалина — затаив дыхание, Гобо — с нарочито покорным видом.

Они видели, как Марена медленной, колеблющейся походкой, шаг за шагом, продвигалась к поляне. Высоко подняв голову, она во все стороны обнюхивала воздух.

Внезапно — молниеносный поворот, высокий прыжок, и словно мощным порывом ветра её внесло обратно в чащу.

— Он!.. Он!.. Он там! — лепетала она прерывающимся от ужаса голосом.— Я... я видела Его... Он там, по ту сторону, у ольхи...

— Надо бежать! — вскричал Бемби.

— Бежим, Гобо! — взмолилась Фалина.

А Марена беззвучно шептала:

— Прошу тебя, Гобо, бежим отсюда... я прошу тебя...

Но Гобо оставался невозмутим.

— Бегите, кто вас держит! А я пойду к Нему навстречу, чтобы приветствовать Его!

И он тут же, без колебаний, двинулся вперёд.

Охваченные страхом, за Гобо, они остались стоять и видели, как уверенно и неторопливо вышел он на поляну.

Спокойно стоя посреди поляны, Гобо взглядом отыскивал ольху. Вот он радостно вскинул голову, видимо, приветствуя своего друга, и тут грянул гром. Гобо подкинуло в воздух, он стремительно

повернулся и неверными прыжками бросился обратно в чащу.

Бемби, Фалина и Марена всё ещё стояли, оцепенев от ужаса, когда мимо них промчался Гобо. Они услышали его свистящее дыхание, враз повернулись, нагнали Гобо и, заключив его в середину, понеслись дальше.

У старого дуба Гобо упал.

Они сразу остановились: Марена — рядом с Гобо, Бемби и Фалина — немного поодаль.

Гобо лежал с развороченным боком. Слабым, неверным движением приподнял он голову.

— Марена! — проговорил он с трудом. — Марена...

Он не узнал меня. Он принял меня за чужого! — Голос его прервался.

Буйно и грозно зашумели кусты на краю поляны.

Марена наклонилась к Гобо.

— Он идёт, Гобо, Он идёт... Вставай же, ты должен встать!

Гобо ещё раз попытался приподнять голову, засучил ногами и сник.

Бемби был один. Он шёл на реку, тихо катившую свои воды между густыми тростниками и старыми вётвами. С тех пор, как Бемби избрал одинокую дорогу, он всё чаще и чаще приходил сюда. Здесь не было проторённых троп и ему не грозила встреча с кем-либо из родичей. Он очень изменился за последнее время: посуровел и погрузнел. Жизнь представлялась ему безнадежно мрачной. Он и сам не понимал, что с ним происходит, да и не пытался разобраться в этом. В голове его бродили какие-то смутные, сбивчивые мысли, но раздумье приносило лишь усталость.

Бемби имел обыкновение подолгу стоять на речном берегу. Ему нравилось наблюдать течение воды на излучине; прохладное дыхание волн несло с собой незнакомый, горьковатый аромат, успокаивающий и освежающий душу. Бемби стоял и смотрел на уток, которых тут было множество — настоящее утиное царство! Они беспрерывно переговаривались друг с дружкой, всегда любезно, умно и серьёзно. У берега

плавали утки-матери, каждая со своим выводком. Матери всё время учили и воспитывали малышей, без усталости сообщая им всё новые и новые полезные сведения. Порой то одна, то другая мать подавала сигнал опасности. Утята, не мешкая, кидались врассыпную, совершенно беззвучно и очень быстро.

Как-то раз после очередной тревоги Бемби спросил почтенную утку-мать:

— А чем была вызвана тревога? Я смотрел очень внимательно, но ровным счётом ничего не заметил.

— Ничего и не было, — ответила утка.

Но Бемби был слишком высокого мнения об утках, чтобы поверить этим словам. Он понимал, что они более чутки и бдительны, чем он, у них острее слух и зорче взгляд. Когда он находился рядом с ними, его немного отпускало то постоянное, трудное напряжение, в котором он жил последнее время.

Несколько раз Бемби видел, как вдоль берега, подобно многоцветной молнии, пронёсился в воздухе неизвестный ему маленький летун. «Ш-р-р!» — тихонько, словно про себя, верещал зимородок, крошечная жужжащая точка. Он сиял голубым и зелёным, искрился красным, вдруг вспыхивал и исчезал. Восхищённый редкостным нарядом незнакомца, Бемби не раз окликал его, но тщетно.

— Напрасно вы стараетесь, — слышался из густого камыша голос водяной курочки, — он всё равно не ответит.

— Где вы? — спросил Бемби, отыскивая её взглядом в камыше.

— Я здесь! — слышался из ситника смешок водяной курочки. — Этот мрачный тип, которого вы только что звали, ни с кем не общается. Так что не трудитесь понапрасну.

— Он такой красивый! — сказал Бемби.

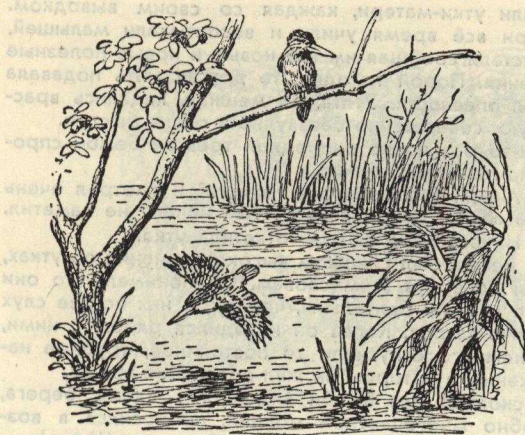
— Но скверный! — заключила водяная курочка, успевшая опять переменить место.

— Почему вы так думаете? — поинтересовался Бемби.

Совсем с другой стороны, из сухого, жёлтого тростника, прозвучал ответ водяной курочки:

— Его ничто и никто не интересует. Пусть хоть весь мир пойдёт прахом. Он ни с кем не здоро-

ается и не отвечает на приветствия. Он никогда не даст знать, что опасность близка. Он ещё ни с кем не перемолвился словом.

— Бедняга... — сказал Бемби.

Водяная курочка продолжала; теперь её весёлый голосок звучал среди широких, тёмных листьев кувшинок:

— Он думает, что его две — три красочки вызывают зависть, и не хочет, чтобы кто-нибудь разглагольствовал его получше.

— Но вы тоже не даёте на себя взглянуть, — заметил Бемби.

Тотчас водяная курочка предстала перед ним. Ростом невеличка, в тёмном, простеньком, блестящем от воды наряде, появилась она перед Бемби, подвижная, живая, забавная. И вмиг скрылась под водой.

— Не понимаю, неужели можно так долго оставаться на одном месте?! — крикнула она и добавила уже из отдаления: — Это скучно и опасно!

И ещё раз прозвучал её голосок, но совсем в другой стороне:

— Больше двигаться!

Снова переменяя место, водяная курочка весело заключила:

— Если хочешь долго жить и быть всегда сытым, нужно двигаться!..

Лёгкое покачивание былинок заставило Бемби насторожиться. Он пригляделся. На береговом откосе мелькнула чья-то рыжая шубка и скрылась в тростнике. И сразу почуял он горячий, острый запах ли-

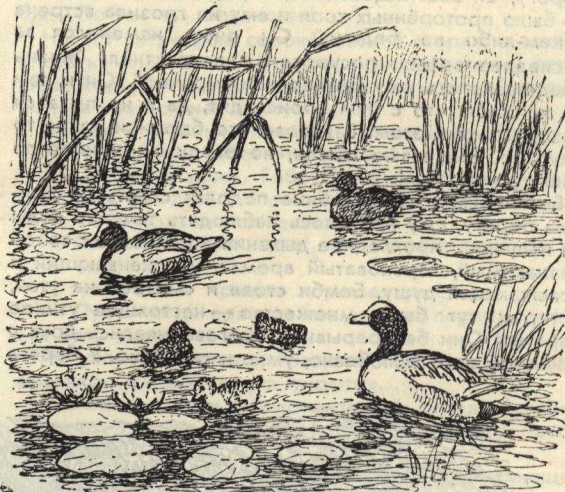

сицы. Бемби хотел крикнуть, предупреждая стукнуть оземь копытом, но не успел. Зашуршали камыши, что-то бултыхнулось, и жалобно закричала утка. Бемби услышал её отчаянное трепыхание, на миг утка возникла над травой, и Бемби увидел, что она изо всех сил хлещет лисицу крыльями по щекам. Затем борющиеся скрылись за береговым откосом. Но вот снова появилась лисица с добычей в зубах. Голова утки бессильно поникла, её крылья слегка трепыхались, но это нисколько не заботило лисицу. Искося, насмешливо глянула она на Бемби и скрылась в чаще.

Бемби стоял неподвижно. С громким криканьем поднялись на воздух две старые утки. Водяная курочка изо всех сил подавала запоздалый сигнал тревоги; казалось, её голосок звучит одновременно в нескольких местах. Синицы на кустах взволнованно попискивали. В камыше потерянно шныряли утята. Над берегом, сверкая и переливаясь, летел зимородок.

— Простите! — вскричали утята. — Вы не видели нашу маму?

— Ш-р-р! — просвиристал зимородок. — Мне нет до неё дела! — И, вспыхнув пунцовым пламенем, исчез.

Бемби повернулся и пошёл прочь. Он пересёк пустырь, заросший рутей, миновал высокий смешанный кустарник, долго шёл ореховой порослью, пока не оказался на краю глубокого оврага. Бемби перебрался через овраг и стал искать старого вожда. Давно уже, с самой гибели Гобо, не виделись они. Наконец Бемби увидел старого и со всех ног кинулся ему навстречу.

Некоторое время они молча шли бок о бок. Затем старый спросил:

— Ну... часто среди ваших вспоминают о нём?

Бемби догадался, что тот имеет в виду Гобо.

— Не знаю... Я почти всё время один... И нерешительно добавил: — Но я... я часто думаю о нём.

— Значит, ты теперь один?

— Да, — сказал Бемби и выжидательно посмотрел на старого. Но старый молчал. Они пошли дальше. Внезапно старый остановился.

— Ты ничего не слышишь?

Бемби прислушался. Нет, он ничего не слышит.

— Идём! — воскликнул старый и поспешно зашагал вперёд. Бемби следовал за ним.

И снова старый остановился.

— Ты всё ещё ничего не слышишь?

На этот раз Бемби уловил какой-то невнятный шорох. Похоже было, что где-то пригнулись и резко распрямились ветви. При этом что-то глухо и мягко ударились о землю.

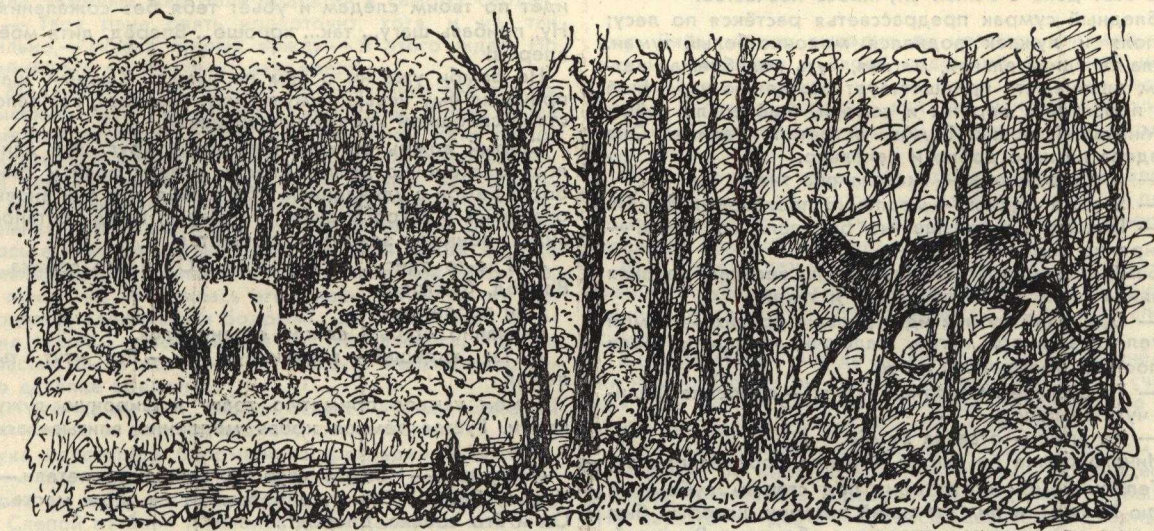
Бемби приготовился к бегству.

— Идём туда! — приказал старый и, повернувшись на шум, устремился вперёд.

— А там не опасно? — спросил на бегу Бемби.

— Как же!.. — мрачно отозвался старый. — Там большая опасность!

Вскоре они увидели рослый куст черёмухи; её ветки порывисто раскачивались вверх и вниз, словно их кто-то дёргал и тряс. Подбежав ближе, они обнаружили, что здесь пролегает небольшая просека.

И в самом начале просеки на земле простёрся друг-приятель заяц. Он то метался в разные стороны, то вдруг замирал, то снова начинал метаться, причём каждое его движение отзывалось на ветвях черёмухи.

Бемби заметил тонкую нить, похожую на побег или усик растения. Туго натянутая, нить спускалась с ветки, другим концом захлестнув шею зайца.

Верно, друг-приятель заяц услышал, что кто-то идёт. Он подскочил, упал, снова вскочил, порываясь бежать, но тут же кувырком полетел в траву и беспомощно забарахтался.

— Спокойно, друг заяц! Спокойно, это я! — сказал старый вождь мягким, исполненным сострадания голосом, пронявшим Бемби до самого сердца. — Только не двигайся! Главное, не двигайся!

Заяц послушался. Теперь он лежал совсем тихо, лишь из груди его вырывалось сдавленное, хриплое дыхание.

Старый взял губами ветку черёмухи, пригнул куст и наступил на её конец. Плотно придавив ветку копытом, он одним ударом рогов переломил её.

Затем повернулся к зайцу:

— Крепись, как бы больно тебе ни было.

Склонив голову набок, он прижал один из рогов короны к затылку зайца, глубоко просунул его за ушами-ложками в мех и стал нащупывать петлю. Короткая судорога пронизала тело зайца. Старый тотчас его отпустил.

— Спокойно! — сказал он. — Дело идёт о жизни!

Старый продолжал работать медленно, осторожно, сосредоточенно. Внезапно петля со свистом скольз-

нула прочь, в первое мгновение заяц даже не заметил, что оказался на свободе. Затем он вскочил, сделал шаг и ошеломлённо припал к земле. Но вот он прыгнул, ещё раз и ещё: вначале робко, затем всё смелее и вдруг припустил со всех ног.

— Даже не поблагодарил! — возмущённо воскликнул Бемби.

— Он ещё не пришёл в себя, — мягко сказал старый вождь.

Петля лежала на земле, на вид такая мирная и неопасная. Бемби тихонечко дотронулся до неё копытом. Она тонко зашипела, и Бемби испуганно отдернул ногу. Этот звук не принадлежал к знакомым ему лесным шумам.

— Он? — тихо спросил Бемби.

Старый вождь кивнул.

Не спеша двинулись они прочь.

— Запомни этот урок, — говорил старый вождь. — Когда идёшь по просеке, всегда проверяй ветки. Выставляй вперёд рога и води ими вверх и вниз, и, если услышишь такой вот свист, поворачивай назад. Будь вдвойне внимателен и осторожен в то время, когда ты не носишь корону. Я в эту пору вообще не хожу по просекам.

Бемби молчал, погружённый в свои думы.

— Так Его самого здесь нет... — прошептал он наконец в глубоком удивлении.

— Нет, сейчас Его нет в лесу, — подтвердил старый вождь.

— И всё-таки Он есть! — горько сказал Бемби.
Старый вождь пристально взглянул на Бемби.
— Как это говорил ваш Гобо? Кажется, бедняга называл Его всемогущим и всемилостивейшим?
— А разве Он не всемогущий? — прошептал Бемби.

— Так же, как и не всемилостивейший! — гневно сказал старый вождь.

— А как же с Гобо? — робко пробормотал Бемби. — С Гобо он был добр...

Старый остановился.

— Ты так думаешь, Бемби? — спросил он печально. Впервые назвал он Бемби по имени.

— Не знаю! — воскликнул Бемби томительно. — Я ничего не знаю!

Старый вождь проговорил медленно:

— Что же, учись жизни и будь настороже.

В этот день с Бемби случилось несчастье.

Бледный сумрак предрассветя растёкся по лесу; с поля и лужаек поднялся молочно-белый туман. Была та удивительная, мягкая, чуть колеблемая ветром тишина, что предшествует рождению утра. Ещё не проснулись вороны и сороки, ещё спала сойка.

Минувшей ночью Бемби встретил Фалину. Она глядела на него робко и печально.

— Я так одинока! — сказала она тихо.

— Я тоже одинок, — медленно проговорил Бемби.

— Почему ты больше не бываешь со мной? — смиренно спросила Фалина.

Бемби испытал мгновенную боль: весёлая, дерзкая Фалина стала такой покорной и тихой.

— Одиноким путник идёт дальше других! — Бемби хотел сказать это мягко, жалеючи, но против воли голос его прозвучал сурово.

— Ты больше не любишь меня? — спросила Фалина чуть слышно.

— Не знаю, — ответил Бемби.

Ничего более не сказав, Фалина побрела прочь...

Теперь Бемби стоял один под старым дубом, на краю поляны, и пил утренний ветерок, который был так чист, что ничем не тревожил обоняние. Влажный, бодрящий ветерок, приятно и свежо пахнущий землёй, травой и сырым деревом.

Бемби всей грудью вобрал воздух. Ему вдруг стало так легко на душе, как давно уже не было. Весело вышел он на поляну, окутанную бледным туманом.

И тут ударил гром.

Страшный толчок заставил Бемби покачнуться, осесть на задние ноги. В неистовом ужасе прыгнул он назад в чащу и бросился бежать. Он не понимал, что случилось, он не мог сосредоточиться ни на одной мысли, он только бежал, бежал. Страх с такой силой сдавил ему сердце, что трудно было дышать. Внезапно он почувствовал острую, колющую боль, правое бедро обилилось нестерпимым жаром. Он невольно сдержал бег, затем перешёл с бега на шаг. Задние ноги налились тяжестью, и Бемби показалось, что у него сломан крестец. Он опустил-ся на землю.

Какое наслаждение тихо лежать и не думать ни о чём!..

— Вставай, Бемби! Вставай!

Он почувствовал, что кто-то толкает его в плечо. Он приоткрыл глаза и увидел старого вождя.

— Я не могу... — Бемби и сам не знал, произнёс ли он это вслух или только подумал.

— Вставай, Бемби, вставай! — В голосе старого вождя было столько властного напора и вместе нежности, что даже боль, переполнявшая Бемби, на мгновение стихла.

— Вставай! Ну, вставай же!.. — Глубокий, мощный

голос впервые дрогнул испугом. — Надо бежать, дитя моё!..

«Дитя моё!» — эти слова непроизвольно вырвались из сердца старого вождя, и вмиг Бемби стал на ноги.

— Вот так! — кивнул старый вождь, тяжело дыша. — Сейчас ты пойдёшь со мной... Теперь ты всегда будешь со мной!..

Он быстро зашагал вперёд. Бемби побрёл за ним, но его томило желание опуститься на землю, смежить веки и потерять себя в не ведающем боли забытии.

Старый вождь догадывался о том, что происходит с Бемби.

— Сейчас ты должен стерпеть любую боль, ты не смеешь думать о покое!.. Думай только о спасении и ни о чём больше... Ты слышишь меня, Бемби? Беги... иначе ты погиб... Думай о том, что Он идёт по твоим следам и убьёт тебя без сожаления. Ну, прибавь шагу... так... хорошо... Вперёд, дитя моё, вперёд!

Но Бемби уже ни о чём не думал. Каждый шаг причинял ему невыносимую муку, казалось, всё тело стало сплошной кровоточащей раной.

Старый вождь описывал широкий круг. Это длилось бесконечно долго. Сквозь пелену боли и слабости Бемби с удивлением обнаружил, что они вновь оказались у старого дуба. Тут старый вождь остановился, обнюхал землю и прошептал:

— Где-то здесь... поблизости... Он и Его собака... Вперёд, быстрее!

Они побежали.

Внезапно старый вождь остановился.

— Ты видишь? — воскликнул он. — Вот тут ты лежал.

Бемби увидел примятую траву и широкую лужу крови. Густая тёмная кровь медленно впитывалась в землю.

— Чуешь? — Ноздри старого вождя трепетали. — Чуешь, Бемби? Они уже побывали на этом месте... Он и Его собака. Вперёд!..

Они двинулись дальше. Бемби увидел кровавые капли на листьях кустов и стеблях трав. «Мы уже проходили тут...» — хотел он сказать и не мог.

— Ну, вот... — с глубоким удовлетворением проговорил наконец старый вождь. — Сейчас мы зашли им в спину.

Ещё некоторое время вёл он Бемби по прежнему следу, затем сделал петлю и принялся описывать новый круг.

Бемби следовал за ним в полузабытии.

Вторично, но уже с другой стороны вышли они к дубу, вторично прошли место, где упал Бемби, затем вожак вновь круто изменил направление.

— Ешь вот это! — Старый вождь остановился и указал Бемби на крохотные темнозелёные жирные и курчавые листочки, росшие у самой земли.

Бемби повиновался. Вкус листочков был горек и невообразимо противен.

Через некоторое время старый вождь спросил:

— Ну, как теперь?

— Лучше, — ответил Бемби. К нему внезапно вернулся дар речи, сознание прояснилось, и усталость как рукой сняло.

— Теперь ты пойдёшь впереди, — приказал старый вождь.

Долго шёл он позади Бемби, пока не остановил его вдруг радостным возгласом:

— Наконец-то!..

Бемби недоуменно оглянулся.

— Твои раны больше не кровоточат, — пояснил старый вождь. — Кровь перестала капать на кусты и

травы и уже не указывает Ему и Его собаке дорогу к твоей жизни!

Старый вождь казался усталым, измученным, но голос его вновь был полон бодрой силы.

— Идём же,— сказал он,— теперь тебе нужен покой.

Они подошли к широкому рву. Старый вождь спустился вниз, затем в несколько могучих прыжков одолел крутой подъём. Бемби последовал за ним, но ему никак не удавалось взобраться на другую сторону. Боль снова проснулась в нём; он спотыкался, падал, вставал, карабкался дальше и вновь скользил назад.

— Я ничем не могу помочь тебе,— говорил сверху старый вождь,— но ты должен, слышишь меня, Бемби, должен взобраться сюда.

И мучительным, неистовым усилием Бемби одолел кручу. Он чувствовал, как стремительно тает в нём сила, тяжёлый жар боли подкатил к самому сердцу.

— Твоя рана опять кровоточит, хотя и не так сильно,— сказал старый вождь.— Я этого ждал. Но сейчас это не причинит нам вреда...

Медленно, шаг за шагом, продвигались они сквозь высокий, чуть не до неба, кустарник. Почва была твёрдой и гладкой. Ноги разъезжались, идти становилось всё труднее. Бемби снова захотелось лечь на землю, закрыть глаза и ни о чём не думать. У него начиналась лихорадка, голова раскалывалась, тёмная пелена застилала зрение. И ничего не осталось в нём, кроме желания отдыха и покоя да ещё равнодушного удивления перед тем, как внезапно, в один миг, изменилась его жизнь. Неужели он был когда-то здоровым и бодрым?.. Да, был... ещё сего дня утром... совсем недавно... Но казалось, что это счастье было пережито в какие-то неправдоподобно далёкие времена...

И всё же он шёл. Позади остался дубняк, молодой ольшаник, и вот громадный, потрескавшийся ствол бука в густотище боярышника преградил им путь.

— Мы пришли...— Как сквозь сон, где-то в стороне от себя, услышал Бемби голос старого вождя.

Слепой от боли и усталости, он двинулся на голос и вдруг провалился в какую-то яму.

— Вот так! — спокойно сказал старый вождь.— Теперь продвинулся немного вперёд и ложись.

Яма, в которую упал Бемби, уходила под ствол бука, там она углублялась и расширялась наподобие пещеры. Боярышник и дрок сомкнулись над входом, укрыв Бемби от всего света.

— Здесь ты будешь в безопасности,— донёсся сверху голос старого вождя.

Шли дни.

Бемби лежал в тёплом лоне земли, над головой — гнилая кора поверженного дерева. Он прислушивался к своей боли, которая вначале всё росла и ширилась в его теле, затем словно сжалась, стянулась в малый очажок, всё ещё оставаясь острой, и вдруг начала быстро, день ото дня, слабеть, утихать.

Изредка Бемби выбирался наружу. Вначале он мог только стоять на своих ослабевших ногах, но вскоре отважился сделать два — три шага, неверных шага. Теперь он мог добывать себе пищу.

Бемби выбирал такие травы, на которые никогда бы не польстился прежде, даже в зимнюю бескормицу. Но сейчас они манили, притягивали его своим ароматом редкой, влекущей остроты. То, чем он прежде брезговал, что выплёвывал обратно, случайно прихватив вместе с хорошей, сладкой травой, казалось теперь удивительно вкусным, пряным яством. Некоторые травы и сейчас были противны ему, но он заставлял себя есть их, чувствуя их целебную силу. И раны его быстро затягивались.

Бемби был почти здоров, но всё ещё не покидал

яму. Лишь ночью выходил он немного размяться, а день проводил в своей надёжной земляной постели. Только сейчас, когда боль отпустила его, Бемби впервые осознал, как бы наново пережил всё, что произошло с ним, и великий ужас потряс его душу.

Он выздоровел телом, но ещё долго не мог вернуть себе свою прежнюю, несмятенную душу и потому не решался выйти в большой мир, зажить прежней вольной жизнью.

Дни, недели лежал он в яме под стволом поверженного бука, испытывая то страх, то стыд, то удивление, то глубокую благодарность к своему спасителю.

Вначале старый вождь не покидал Бемби ни днём, ни ночью. Потом он стал ненадолго отлучаться, считая, что Бемби полезно одинокое раздумье. Но и тогда он держался поблизости от пещеры.

Однажды вечером разразился ливень с громом и молниями. А небо, озарённое лучами заходящего солнца, оставалось прозрачным, чистым, голубым. На верхушках деревьев вовсю заливались чёрные дрозды, били зяблики. В кустах свистели синицы; в траве, у подножий деревьев, фазаны рвали глотку металлическими короткими воплями; дятел звеняще подхихатывал, и задумчиво ворковали голуби в своём неизменном любовном согласии.

Бемби покинул пещеру. Жизнь была прекрасна. Неподалёку, словно поджидая его, стоял старый вождь, и они тихо пошли рядом.

В одну из ночей, напоённую шорохом осенних листьев, на верхушке ясеня пронзительно закричал сыч. Затем он немного выждал и закричал снова.

Но Бемби давно заметил его сквозь поредевший убор ветвей и остался спокоен. Сыч слетел вниз и закричал ещё пронзительней. И снова подождал. Но Бемби и на этот раз не оценил его стараний. Больше сыч не мог выдержать.

— Вы не испугались? — спросил он недовольно.

— Нет, почему же,— мягко ответил Бемби,— немножко испугался.

— Так, так,— огорчённо проворчал сыч.— Всего лишь немножко? А раньше вы ужасно пугались. Было поистине наслаждением смотреть, как вы пугались. Отчего же всё-таки вы сегодня так мало испугались? — И он сердито передразнил: — «Немножко!.. Немножко!..»

Сыч состарился и стал ещё тщеславнее, чем прежде.

Бемби хотелось ответить: «Я и прежде никогда не пугался, просто я лгал, чтобы доставить вам удовольствие».

Но он сохранил это признание про себя: ему было

жалко доброго старого сыча, который сидел на своей ветке, такой сердитый и огорчённый.

— Видите ли,— снова солгал Бемби,— это случилось, наверное, потому, что в ту минуту я как раз думал о вас.

— Что? — Сыч немного приободрился. — Что? Вы думали обо мне?

— Да,— ответил Бемби. — Как раз, когда вы закричали. Иначе я, без сомнения, испугался бы так же сильно, как и всегда.

— В самом деле? — проворковал сыч.

Бемби готов был подтвердить всё, что угодно, ведь ему не было от этого никакого вреда: пусть порадуетса маленький старый мальчик.

— В самом деле! — сказал он убеждённо. — У меня всякий раз подгибаются ноги, когда я слышу ваш ни с чем не сравнимый голос.

Сыч раздул перья и превратился в мягкий коричнево-серый пушистый шарик. Он был счастлив.

— Это очень мило, что вы думали обо мне... очень мило... — проворковал он нежно. — Давненько мы с вами не виделись.

— Очень давно, — сказал Бемби.

— Вы больше не ходите старыми дорогами? — поинтересовался сыч.

— Нет... — медленно ответил Бемби, — старыми дорогами я больше не хожу.

— Я тоже теперь шире охватываю мир, — величественно сказал сыч, умолчав о том, что его просто-напросто согнал со старого места бесцеремонный юнец. — Нельзя же всё время оставаться на одном месте, — добавил он и стал ждать ответа.

Но Бемби уже ушёл. Он научился удивительному искусству старого вождя исчезать внезапно и бесшумно.

— Это бессовестно! — вознегодовал сыч.

Он встряхнулся, погрузил клюв в грудные пёрышки и принялся философствовать сам с собой:

— Верь после этого дружбе знатных господ!.. Даже когда они так любезны... В один прекрасный день они теряют всякую совесть, и тогда ты чувствуешь себя столь же глупо, как вот я сейчас...

Внезапно он камнем упал вниз. Он высмотрел мышь, и вот она уже попискивает у него в когтях. Вымещая свою злобу, сыч безжалостно разорвал её и, хоть не был голоден, быстро, жадно поклевал маленькие кусочки. Затем он полетел прочь.

«Какое мне в конце концов дело до Бемби? — думал он. — Какое мне дело до всей этой достойной компании? Они несколько мне не нужны!»

И он принялся кричать, непрерывно и так пронзительно, что спавшая на дереве чета витютней в испуге проснулась и взлетела, громко треща крыльями.

Много дней кряду свирепствовал холодный осенний ветер. Он начисто ободрал деревья, не оставив ни одного листочка на чёрных влажных ветвях. Лес стоял сквозной и прозрачный.

На утреннем знойком рассвете Бемби направлялся к оврагу, где отдыхал обычно со старым вождём на ворохе опавшей листвы. Кто-то окликнул его тоненьким голоском. Бемби остановился. словно молния, мелькнула в головокружительном прыжке с верхушки дерева белочка и вмиг оказалась на земле.

— Так это действительно вы? — проговорила она с благоговейным изумлением. — Я узнала вас, едва вы показали, но я не могла поверить, что это вы.

— Как вы сюда попали? — спросил Бемби.

Маленькая задорная мордочка, только что глядевшая на него так весело, стала печальной.

— Нет больше нашего дуба!.. — запричитала белочка. — Нашего прекрасного старого дуба... О, это было ужасно! Он опрокинул наше дорогое дерево. Бемби понурил голову. Ему от души было жаль чудесный старый дуб.

— Это произошло так неожиданно! — рассказывала белочка. — Правда, все мы, жившие на дубе, успели удрать и смотрели издали, как Он перекусил наш дуб гигантским сверкающим зубом. Дерево страшно кричало своей открытой раной, и зуб кричал, просто невыносимо было слушать. А затем бедное прекрасное дерево рухнуло на поляну. Все мы так плакали!..

Бемби молчал.

— Да... — вздохнула белочка. — Для Него нет невозможного. Он всемогущ.

Она посмотрела на Бемби большими глазами и навестила уши, но Бемби молчал.

— Вот мы и остались бесприютными, — продолжала белочка. — Не знаю, куда разбрелись остальные, я же пришла сюда... Но разве найдёшь другое такое дерево!..

— Старый дуб... — задумчиво проговорил Бемби.

— Значит, это действительно вы! — Белочка была очень довольна. — А все думают, что вас давно нет на свете. Правда, иногда проходит слух, что вы живы... Порой рассказывают, будто вас кто-то видел: Но этим слухам дают мало веры. — Белочка пылливо посмотрела на Бемби. — Это же так понятно, раз вы не вернулись к своим...

Нетрудно было заметить, с каким нетерпением ждала она ответа Бемби. Но Бемби молчал. В нём самом шевельнулось слабое, боязливое любопытство. Ему хотелось спросить о Фалине, о тёте Энне, о Ронно и Карусе, о всех спутниках своей далёкой юности. Но он молчал.

Белочка всё ещё сидела, поглядывая на Бемби.

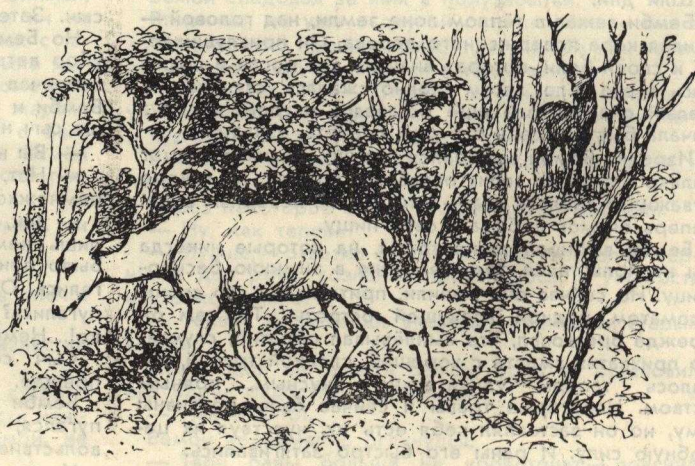
— Какая у вас удивительная корона! — изумлённо произнесла она. — Чудо-корона! Ни у кого в целом лесу, кроме старого вожака, нет подобной короны!

В прежние времена такая похвала порадовала бы Бемби, но сейчас он только сказал:

— Вот как? Возможно...

Белочка прижала к груди передние лапки.

— Что я вижу! — воскликнула она. — Вы начинаете сидеть!..

Бемби ничего не ответил и двинулся своей дорогой. Белочка поняла, что разговор окончен.

— Доброе утро! — крикнула она вдогонку Бемби. — Будьте здоровы! Вы меня так порадовали! Если я встречу наших общих знакомых, я расскажу им, что вы живы. Все будут очень рады!..

Бемби слышал её слова, и что-то вновь шевельнулось в его сердце. Но он и тут ничего не сказал. Надо быть одному — учил его старый вождь, когда Бемби был ещё ребёнком. Как-то раз, когда он горестно призывал свою мать, приблизился к нему старый вождь и сказал:

— Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!..

Снега вновь укутали землю, и сонно затих лес под толстым белым покровом. Редко-редко слышался вороний карк, озабоченный таратор сороки, слабый, боязливый цирк синиц. Затем круто завернул мороз, и всё умолкло, лишь звенел от стужи воздух.

Но внезапно в зиме словно наступил перерыв. Земля жадными глотками пила подтаявший снег и вскоре покрылась тёмными плешинами. Чёрные дрозды, правда, ещё не пели, но, подымаясь с земли, где отыскивали червяков, или перелетая с дерева на дерево, они издавали долгие радостные ноты, под стать весеннему пению. Послышался и хохоток дятла, разговорчивее стали вороны и сороки, безумно болтали между собой синицы, а фазаны, слетая с деревьев, на которых они зимовали, подолгу, как в добрую летнюю пору, оставались на земле, чтобы почистить пёрышки и приветствовать восход солнца металлическими, надсадными воплями.

Однажды Бемби забрёл дальше, чем обычно, и на утреннем рассвете добрался до оврага. На той стороне, где он некогда жил, мелькала чья-то красная шубка. Схоронившись в чепыжнике, Бемби стал наблюдать. Да, там действительно расхаживал кто-то из его племени и, выискивая свободные от снега местечки, лакомился молодой, едва пробившейся травкой.

Бемби хотел уже повернуть назад, как вдруг узнал Фалину. Первым его движением было броситься к ней, но он остался стоять, словно ноги его приросли к земле. Сердце его горячо билось. Он так давно не видел Фалину! Поступь её была медленной, затруднённой, то ли от усталости, то ли от печали. Она стала очень похожа на свою мать. «Точь-в-точь тётя Энна!» — с грустным удивлением отметил Бемби. Фалина подняла голову и поискала глазами, будто почувствовав его близость...

Снова Бемби неудержимо потянуло к ней, но он и на этот раз остался недвижим. Бедная Фалина, как поседела и постарела она! Весёлая, дерзкая маленькая Фалина, думал он, какой красивой, ловкой и беспечной была ты когда-то! Вся его юность трепетно всколыхнулась в нём. Он вспомнил поляну, дороги, которыми водила его мать, весёлые игры с Гобо и Фалиной, славного кузнечика, изящного мотылька, битвы с Карусом и Ронно, в которых он завоевал Фалину...

А там, вдалеке, медленно, устало и печально, опустив голову, удалялась Фалина. Бемби любил её в эту минуту так, как никогда не любил её молодой, он любил её последней, нежной, грустной и безнадежной любовью. Ему хотелось перескочить ров, так долго отделявший его от Фалины и от других близких, хотелось догнать её и говорить с ней о вместе проведённой юности, обо всём дорогом и милом, что было у них в жизни. Но старый вождь сказал ему: «Ты пойдёшь к своим, когда получишь от меня всё, что я могу дать тебе», — и Бемби знал, что урок жизни ещё не кончен. Он остался не-

движим, и Фалина скрылась в голом чёрном кустарнике...

Долго стоял Бемби на краю оврага, неотрывно глядя вдаль.

И вдруг ударил гром.

Бемби весь подобрался. Гром прогремел по эту сторону оврага, не очень близко, но и не очень далеко. Затем — ещё и ещё.

В несколько скачков Бемби достиг чащи и прислушался. Тишина. Тогда он осторожно двинулся к дому. Старый поджидал его возле ствола поверженного бука.

— Ты слышал? — спросил старый вождь.

— Да, — ответил Бемби, — трижды гремел гром. Он в лесу.

— Он в лесу, — с каким-то странным выражением повторил старый вождь. — И мы должны идти...

— Куда? — вырвалось у Бемби. Он не представлял себе лучшего укрытия, чем глубокая пещера под стволом поверженного бука.

— Туда, — сказал старый вождь тяжёлым голосом. — Туда, где находится Он.

Бемби вздрогнул.

— Не бойся, — продолжал старый вождь, — сейчас ты можешь идти к Нему без опаски. Я рад, что могу повести тебя туда, прежде... — Голос его будто споткнулся, но он овладел собой и твёрдо закончил: — Прежде, чем мы расстанемся навсегда.

И тут Бемби словно впервые увидел, как одряхлел старый вождь. Он исхудал, голова его стала более снега; в прекрасных больших глазах погас глубокий блеск: они приобрели усталый, зеленоватый оттенок.

Они отошли совсем недалеко от своего убежища, когда в ноздри им ударил знакомый едкий запах — вечная угроза, вечный ужас.

Бемби остановился, но старый вождь шёл дальше, навстречу запаху, и Бемби нерешительно последовал за ним.

Всё более тяжкими волнами набегал этот возбуждающий, раздражающий запах; он заглушил все остальные запахи леса, он закладывал нос и глотку, так что нельзя было продохнуть. Необоримый позыв к бегству засосал под сердцем у Бемби, голова затуманилась, все жилы напряглись, и, не надеясь на себя, Бемби теснее прижался к старому вождю. Но тот безостановочно шёл вперёд.

— Здесь! — сказал старый вождь и ступил в сторону.

В поломанном кустарнике, на взрыхлённом снегу, навзничь простёрся Он. Страх, перед которым меркли все иные, когда-либо испытанные страхи, охватил Бемби. Давно подавляемое стремление к бегству рванулось наружу стремительным скачком.

— Стой! — услышал он грозный оклик, оглянулся и увидел, что старый вождь спокойно стоит подле Него, попрежнему простёртого на земле. Вне себя от изумления, Бемби замер, затем, охваченный безграничным любопытством и ожиданием чего-то необыкновенного, медленно приблизился к старому вождю.

Он лежал, обратив к небу бледное голое лицо, его шляпа валялась поодаль на снегу, и Бемби, не имевший понятия о том, что такое шляпа, решил, что Его страшная голова раскололась надвое.

На обнажённой шее браконьера зияла рана, напоминавшая маленький красный рот. Кровь ещё стекала из раны в тёмную жижу подтаявшего снега.

— Вот мы стоим здесь, — тихо сказал старый вождь, — стоим рядом с Ним... Где же его хвалёное всемогущество?

Бемби смотрел на лежавшего, чей стан, чьи члены, чья кожа казались ему загадочными и неуязви-

мыми, смотрел на Его потухшие глаза и не понимал ничего.

— Бемби, — сказал старый вождь. — Помнишь ли ты, что говорил о Нём Гобо и чему слепо верят все обитатели леса... помнишь ли ты?

— Да... — чуть слышно прошептал Бемби.

— Теперь ты видишь, Бемби, — продолжал старый вождь, — видишь собственными глазами, что Он вовсе не всемогущ, как утверждают лесные братья. Он такой же, как и мы. Он знает и страх, и нужду, и страдание, и смерть. Грозный и неустрашимый, идёт Он против нас, и Он же, бездыханный, лежит на земле... Так почему же трепещут все перед Ним? У Него нет таких сильных ног, как у нас, у Него нет крыльев сокола, ни ловкости ласки, ни зубов лисички, и всё же Он стал самым сильным из всех. Ибо Он — великий борец! Мы, олени, никого не убиваем, но мы должны сравняться с Ним в силе и упорстве жизни. Мы должны жить, сколько бы ни насылал Он на нас смерть. Мы должны множить, охранять, длить наш кроткий и упрямый род, должны защищать свою жизнь и жизнь своих близких, помогать друг другу и лесным братьям нашим против Него. Мы должны быть чуткими, бдительными, осторожными, ловкими, находчивыми, неуловимыми, но никогда — трусливыми. Таков великий закон жизни. Понял ли ты меня, дитя моё?..

— Да, — тихо ответил Бемби. — Закон жизни — это борьба.

Старый наклонил седую голову, и взгляд его в последний раз сверкнул былым тёмным огнём.

— Тогда я покину тебя со спокойной душой...

Медленно побрели они вспять. У высокого ясеня старый вождь остановился.

— Не ходи за мной дальше, Бемби! — сказал он спокойно и властно. — Мои дни сочтены, мне осталось лишь подыскать место, где я встречу свой конец.

— Позволь мне!.. — дрогнувшим голосом начал Бемби, но старый вождь прервал его.

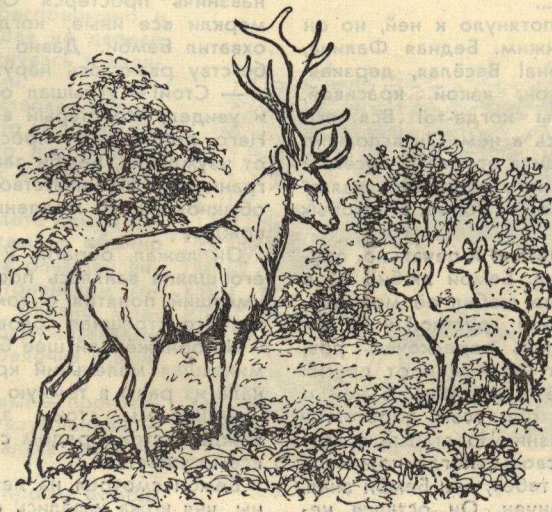
— Нет, — сказал он твёрдо, — здесь мы расстанемся. Каждый должен в одиночестве встречать свой последний час. Прощай, мой сын... Я очень любил тебя.

* * *

Этот летний день родился прямо с рассветом, не было ни утренних сумерек, ни утренней прохлады, ни тихого ветерка. Казалось, солнце поторопилось с восходом; едва погасли ночные светила, оно разожгло свой гигантский костёр, жарким пламенем охвативший всё небо.

Туман, устилавший поляну, запутавшийся в ветвях кустарников, испарился в единый миг, земля лежала сухая, пыля из трещин золотистым прахом. Но в лесу по раннему часу ещё царила тишина. Лишь слышался хохоток дятла да неумолчно ворковали неутомимые в своей нежности голуби.

Бемби стоял на маленькой открытой лужайке, выкроившей себе местечко в непроходимой, глухой чаще. Над его головой в луче солнца плясал и кружился комариный рой.

Тихое жужжание донеслось из листвы орешника, приблизилось, и рядом с Бемби пролетел большой майский жук. Пронизав комариный рой, он поднялся всё выше и выше к маковкам деревьев, где он привык отсыпаться до самого вечера. Его роговицы остренько торчали, его крылышки звенели. Раздавшийся комариный рой вновь сомкнулся за ним. Но ещё некоторое время в перехвате солнечного луча сверкало его золотисто-коричневое тельце, опутанное стеклянным сверком крылышек.

Проводив взглядом весёлого майского жука, Бемби двинулся дальше.

— Вы знаете, кто это, знаете? — взволнованно гудели комары, роясь почти над самой его короной.

— Это старый вождь, — говорили одни.

А другие добавляли:

— Все его родичи давно умерли, а он всё живёт и живёт.

— Сколько же ему лет? — полюбопытствовал крошечный комарик.

— Это трудно сказать, — ответил взрослый комар. — Олени живут долго, чуть не целый век. Возможно, они тридцать, сорок раз видят солнце... Наша жизнь тоже длится немало, но мы видим день лишь однажды или дважды.

— А старый вождь? — спросил комарик.

— Он пережил всех своих; вероятно, он стар, как мир... Он столько видел, столько испытал, что это невозможно представить себе.

«Комариные песни, — подумал Бемби, — комариные сказки».

Нежный, боязливый клич достиг его уха.

Бемби прислушался и пошёл напролом сквозь густую заросль, совсем тихо, совсем беззвучно — это давно уже стало его привычкой.

Снова прозвучал зов, настойчивый, жалостный, в два голоса, и эти голоса напомнили Бемби его былой, детский голос.

— Мама! Мама!..

На прогалинке, тесно прижавшись друг к другу, стояли два малыша в красных шубках, брат и сестра, покинутые и унылые.

— Мама! Мама!..

Ещё не замер их горестный крик, когда перед ними предстал Бемби.

Робко усталились малыши на прищельца.

— У матери нет сейчас времени для вас! — строго сказал Бемби.

Он заглянул в глаза маленькому.

— Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!

Малыш и его сестрёнка испуганно молчали.

Бемби повернулся и исчез в густых зарослях орешника.

«Малыш нравится мне, — думал он с нежностью, бесшумно скользя сквозь рослые травы, кустарник и бурулю. — Мы ещё встретимся с ним, когда он подрастёт... И маленькая тоже очень мила, она похожа на Фалину, когда та была девочкой...»

Он шёл всё дальше и дальше, пока, сумеречная, глубина леса не поглотила его.

В ЦИРКЕ. Маргарет Чоут, 11 лет.

ПОРТРЕТ. Диан Уилкинсон, 12 лет.

ЯЩИКИ С РЫБОЙ.

Эрик Дельф, 15 лет.

СЕВЕРНАЯ УЛИЦА.

Ияя Бурт, 15 лет

НА ДАЛЬНОЙ ОКРАИНЕ КИЕВА

Е. Гарина

У входа на завод «Красный экскаватор», возле окошечка, где старичок выписывает пропуски, толпятся люди.

Все они за пропуском, и все к одному человеку — к Семиному.

Старичок не удивляется: он каждый день исписывает чуть не целую книжечку пропусков к Семиному.

Я тоже иду к нему.

Отыскав механосборочный цех, я вижу там людей, которые передо мной получали пропуска. Они стоят тесной кучкой возле человека в опрятной спецовке. Сдвинув со лба старенькую кепку, он что-то объясняет им, то запуская, то останавливая станок. Это и есть Семинский...

Он показывает свои новые приспособления к токарному станку, которые помогают ему выполнять норму на тысячу процентов и даже больше.

На тысячу процентов! Стоит приехать за сотни километров, чтобы посмотреть, как это делается.

*Недоступные
чудеса*

Очень давно — тридцать три года назад — на этот завод пришёл наниматься семнадцатилетний паренёк. Роста он был небольшого, но крепкий, и руки у него были крупные, натруженные, как у мужчины, который уже много поработал на своём веку.

— Что ты умеешь делать? — спросили у него.

— Да что нужно, то и буду. Я работы не боюсь. Торф резал, пни выкорчёвывал, грузчиком был.

— В школе учился?

— Нет. Читать и писать умею. Таблицу умножения знаю.

— Как тебя зовут?

— Семинский, Виталий.

РИСУНКИ АНГЛИЙСКИХ ДЕТЕЙ

Любили ли вы в детстве рисовать? Если спросите об этом взрослых, почти каждый ответит утвердительно. Трудно встретить человека, который в пору своего детства не любил бы рисовать. К сожалению, с возрастом эта склонность у многих ослабевает или совсем теряется, и среди взрослых гораздо меньше художников, чем среди детей.

У нас, в Советском Союзе, с большим вниманием и любовью относятся к работам юных художников.

Ежегодно устраиваются выставки детского художественного творчества, на которых можно видеть лучшие рисунки и картины маленьких украинцев, узбеков, русских, белорусов, грузин, молдаван, ненцев, якутов, чувашей, таджиков, — словом, детей всех народов, населяющих Советскую страну.

Лучшие рисунки выставляются не только у нас, на Всесоюзной выставке в Москве, — они путешествуют и в другие страны. Работы советских детей были показаны на международной выставке детского творчества в Индии, а в прошлом году поехали на выставку в Лондон.

Устраиваются выставки рисунков детей других стран и у нас. Тысячи людей — и взрослых и ребят — смотрят их с большим интересом. Совсем недавно в Москве были показаны триста рисунков маленьких англичан.

Некоторые из них мы печатаем. Посмотрите их здесь, на цветной вклейке.

Ведь тем из вас, кто не смог побывать на выставке, тоже хочется узнать, о чём рассказывают кисть и карандаш юных художников из другой страны.

— Так вот, Виталий, возьмём тебя подсобником.

Так начал работать Семинский на заводе, на дальней окраине Киева, где между каштановыми деревьями и зарослями сирени стояли приземистые хатки рабочих. К городу отсюда бегал старенький трамвай, по призрачной булыжной мостовой бродили утки...

— ...Эй, Виталий, неси заготовку для вала!

— Виталий, в сборочном ждут!

Притащит Виталий к токарю тяжёлую болванку, поможет укрепить её на станке, а токарь уже снова его торопит:

— Давай, давай, отнеси продукцию!

Но иногда всё-таки урвёт Семинский минутку, чтобы посмотреть, как чёрная грубая заготовка превращается под резцом в сияющую деталь для какой-нибудь машины. Хорошо бы стать токарем! Но где ему, малограмотному: токарь посмотрит на чертёж и сразу понимает, что надо делать с болванкой. Этому долго учиться, а где время взять? У Виталия семья: мать, сёстры, братья. Надо зарабатывать деньги. Если пойти в ученики, заработок будет маленький.

И налюбовавшись на чудеса, которые творит за станком токарь, Виталий снова берётся за ящик или тележку с грузами и спешит в сборочный, на склад.

.. Однажды его остановил начальник цеха.

— Слушай, парень, пойди-ка поработай на гайкорезе! Там один рабочий заболел.

— А я сумею? — усомнился Виталий.

— Покажут. Там ничего мудрёного нет, голько сноровка нужна.

И вот Виталий сам изготавливает гайки.

Работает час, другой и удивляется: разве это работа? Это же отдых! Он привык к тяжёлому труду, а здесь сиди и двигай руками. Раз-раз — и кучка готовых гаек так и растёт! А нельзя ли делать ещё более точные движения, чтобы гаяк получалось ещё больше?

Виталий сосредоточенно нахмурился. Вот такой нужен ритм. взял заготовку — сбросил гайку... взял заготовку — сбросил гайку...

Тут очень важно правильно работать левой рукой, которой берёшь заготовку. Можно ведь взять заготовку неловко, подставить её под метчик небрежно, а потом ещё несколько секунд поправлять, чтобы отверстие получилось там, где надо. А можно сразу поставить быстро и точно на место, тогда гайки прямо-таки сыплются из-под метчика! Он стал следить за своими движениями, и движения становились всё точнее, всё быстрее. Руки у него хоть и огрубевшие, а

чувствуют тонко. Должно быть, не случайно он уже прославился как самый меткий «гаильщик» в волейбольной команде.

Рабочий, вместо которого он сел за гайкорез, заболел серьёзно, и на другой день Виталий снова пришёл к станку. Оказывается, очень интересно работать, сосредоточив все мысли на том, что делаешь!

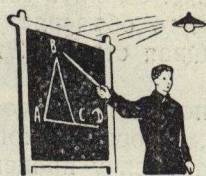
Полмесяца нарезал Виталий гайки. Пришло время получать заработную плату.

Он скромно встал в очередь у кассы. И когда припал в окошечко деньги, то очень удивился: ему выдали вдвое больше, чем другим!

— Здесь какая-то ошибка, — осторожно сказал он кассиру.

Кассир выглянул в окошечко и рассмеялся:

— Иди, не задерживай. Сколько заработал, столько и выдали!

На помощь —
механика
и геометрия

Старенький трамвай с лязгом и звоном бежит с окраины к центру. Далеко это — десять километров. В трамвае у окна каждый вечер сидит паренёк с книжками. Падают перед вагоном осенние листья каштанов, метёт снег, льют весенние дожди, расцветают над булыжниками белые акации... Но и осенью и весной повторяет свой ежедневный путь этот пассажир.

Это Виталий Семинский ездит в город учиться.

Он всё-таки твёрдо решил стать токарем. Ему пришлось начать издали, поступить в школу малограмотных. Два года учился Виталий, работая, как прежде, подсобником. А когда закончил школу, один из токарей стал обучать его работе на токарном станке. Каждый вечер после работы оставались они в цехе. Скоро Виталия поставили токарем.

И тут он понял, что хорошо бы знать что-то ещё... Он даже не знал, как называются науки, которых ему недостаёт, но чувствовал, что без них он безоружен. В голове у него роились идеи, но он не мог доказать их правильность, не мог объяснить другим свою мысль.

— Ты чертёж давай, тогда всё ясно будет! — говорили ему токари.

К Виталию Куприяновичу Семинскому приезжают учиться люди со всех концов страны.

— Да что я, знаю, как его делают, этот чертёж? — с досадой пожимал плечами Виталий.

Вот тогда он решил, что надо учиться дальше, и стал ездить в город на рабфак.

Каждый день после смены, скинув спецовку и наскоро отмыв руки, бежал он прямо из цеха к трамвайной остановке. Даже спортом, который он очень любил, заниматься ему стало некогда, только дома ранним утром он неизменно проделывал упражнения с гириями и на турнике. Без этого он не мог обходиться, чувствовал, что натренированному, сильному человеку легче даётся любое дело, яснее работает голова.

В трамвае он, чтобы не терять времени, открывал учебник. Каждый день два часа в трамвае — за учебный год получается четырёхста пятьдесят часов!

Теперь он уже знал, что науки, которые ему необходимы, называются геометрия, механика, алгебра.

В заводское бюро рабочего изобретательства то и дело поступали предложения Семинского. За несколько лет он сделал больше двадцати усовершенствований в токарном деле.

Но не только в токарном. Он любил завод, его волновал и беспокоил всякий неполадок, и он непрестанно думал о том, что здесь ещё можно улучшить.

Вот он ходит возле открытого склада, где лежат громадными штабелями полуразвалившиеся ящики с толстыми, тяжёлыми оружейными пружинами. Эти ящики лежат здесь очень, очень давно: с того времени, как кончилась первая мировая война. Никому не нужны теперь эти пружины.

А сделаны они из превосходной стали! Выпрямить бы да пустить в дело. Сколько вышло бы хорошего инструмента! Можно, конечно, просто отослать пружины в переплавку, но тогда сталь потеряет свои высокие качества.

Семинский приподнял пружину за один конец: тяжела!

Размышляя, он пошёл в цех, где стоял волочильный станок, и вернулся к пружинам с рабочим-волочильщиком.

Тот с сомнением покачал головой:

— Что ты, друг, это опасная затея...

— Ничего... Давай попробуем.

Они потащили пружину в кузнечный цех. Рабочий день уже кончился, в цехе было пусто. В нефтяной печи докрасна разогрели пружину и, подхватив её щипцами, закрепили на волочильном станке.

— Хорошо, что никто не видит, — сказал волочильщик. — Подняли бы на смех...

— Ничего, ничего. Включай...

Станок заработал. Семинский, готовый ко всяким неожиданностям, напряжённо смотрел

рел на конец пружины. Багровая полоса зашевелилась... Вот распрямился один виток. Вот движение передалось другому. И вдруг словно выстрел расколол тишину цеха.

Семинский едва успел наклониться. Посыпались куски штукатурки с потолка, зазвенели стёкла. И в пустом цехе снова всё стихло, только одиноко гудел волочильный станок...

— Говорил я тебе! — крикнул волочильщик откуда-то из-за станка.

Семинский поднялся.

— Лопнула... Наверно, мало нагрели. А гляди: один виток всё-таки выпрямился.

На другое утро рабочие кузнечного цеха удивились: кто это произвёл здесь такие разрушения? Одно из окон было без стёкол, а на потолке темнели глубокие щербинки. Волочильщик объяснил начальнику цеха, как было дело, но товарищам ничего не сказал, боялся, что засмеют. Начальник покачал головой:

— Бросьте это дело! Искалечитесь.

Но после смены Семинский опять пришёл к волочильщику. Пружину нагрели уже не до красного, а до соломенно-жёлтого цвета. Для безопасности Семинский установил перед волочильным станком толстый металлический щит и из-за него наблюдал.

Выпрямилась половина витков... А потом опять загрохотало... Пружина лопнула и взвилась к потолку.

Но ведь половина всё же выпрямилась! Надо ещё и ещё подумать: до какой же температуры разогревать металл? Как быстро он остывает, когда наступает угроза разрыва? Все эти задачи можно решить — это же просто физика...

Прошло ещё несколько вечеров в терпеливых и опасных опытах — и вот первая длинная полоса! Вся пружина растянулась. Лежит на полу и остывает ценнейшая сталь, так необходимая заводу. Завтра её возьмут инструментальщики.

Скоро склад с ящиками опустел: все пружины были выпрямлены.

Семинскому перевалило уже за сорок, но он продолжал учиться. Как начал он когда-то мальчишкой думать и искать, работая на простеньком гайкорезе, так думал и искал

теперь, хотя перед ним вставали всё более и более сложные технические задачи. Над чем же он теперь думал?

Да над всем, чего требовала жизнь.

А жизнь теперь требовала, чтобы токари работали быстрее. На разных заводах, в разных городах токари стали думать, как быстрее изготавливать детали. И решили, что надо ускорить резание — увеличить количество оборотов на станке. Ленинградец Борткевич, москвич Быков и многие другие токари предложили и разработали способы скоростного резания.

Можно представить себе такую фантастическую картинку: старый станок снимает с заготовки стружку, а кто-то подхватил её за конец и не торопясь пошёл с ней по цеху. Предположим, что стружка не обрывается и человек всё тянет и тянет её за собой. Но она прибавляется так медленно, что человек пройдёт с ней только три километра в час.

А вот скоростное резание: если подцепить конец стружки к мчащемуся курьерскому поезду, стружка и за ним успеет!

А вот картинка ещё невероятнее: стружку прицепили к хвосту пассажирского самолёта... Станок на земле работает с такой скоростью, что снимает в час триста километров стружки!

Конечно, всё это можно только вообразить себе. Но именно так за последние годы ускорился процесс резания.

Однако в работе токаря есть процессы, которые скорость резания никак не ускоряет.

Скажем, нужно сделать ступенчатый вал. Он называется «ступенчатым», потому что постепенно, ступеньками, утолщается. Эти валы бывают разной величины: они нужны и для самолётов, и для автомобилей, и для велосипедов, и для швейных машин. И каждая ступенька должна быть строго определённой длины, точной до десятых долей миллиметра. Обработав одну ступеньку, токарь должен очень тщательно наметить, где сделать следующую. Работа эта кропотливая, и как же много на неё уходит времени!

Вот над тем, как сократить эти промежуточные операции, и стал думать Виталий Куприянович Семинский. Он хотел, чтобы резец сам знал, где надо сделать следующую ступеньку. Тогда поставь заготовку, пусти станок — и через несколько секунд, без остановок, снимай готовый вал; потом опять поставь заготовку — и опять через несколько секунд вал...

Но каким образом заставить резец так работать?

Виталий Куприянович ночами сидел за

столом, набрасывал схемы, делал расчёты, чертежи...

Он рассудил так: чтобы заставить резец самостоятельно сделать ступеньку, надо другой, укрепленный его конец как бы во-время подтолкнуть. И именно там подтолкнуть, где по точнейшим измерениям должна быть ступенька.

А как это сделать?

Да, пожалуй, так: пусть тыльный конец резца движется по копиру — металлической пластине с такими же точно ступеньками, какие нужны на валу. И пусть для каждого вида валов будет свой копир. Надо только сконструировать особое устройство, в котором будет копир, управляющий резцом.

Рассчитав всё, он перенёс свою работу на завод. Он собрал все детали в один механизм, имеющий вид металлической коробки с отверстиями для укрепления резца и других частей.

День прошёл в опытах, другой... Дни шли за днями... В эти полмесяца он не заработал ничего, хотя почти не уходил с завода...

И вот наконец он укрепил своё устройство на станке. Поставил заготовку для ступенчатого вала, включил мотор. Взвилась синяя стружка, на конце заготовки засверкал обточенный цилиндр, затем что-то щёлкнуло — резец отскочил, и за ним осталась ступенька. Ещё несколько секунд — и резец снова отскочил: ещё одна ступенька готова. И не за четверть часа, как прежде, а всего за пятьдесят секунд он сделал весь ступенчатый вал!

В этот день Виталий Куприянович выполнил норму на две тысячи процентов! Он один сделал работу двухсот токарей.

*Одна голова
хорошо —
а сто еще лучше*

Новому часто приходится преодолевать недоверие. Некоторые токари, соседи Семинского по станкам, хмурились:

— Опять этот Семинский... Ему что: он премию получит, а ты тут ковыряйся с его приспособлением...

— Наверно, нормы повысят...

— Опять переучивайся!

Семинский слышал эти разговоры, и ему было очень горько. Но он думал, пересиливая свою горечь: новое всегда вызывает возражения, и это, пожалуй, понятно. Новое не проверено, кажется фантастическим. А пройдёт немного времени, и оно станет привычным, обыкновенным. И люди поймут, что так лучше.

Передовые рабочие горячо поддержали Семинского. О нём узнали и на других заводах. Токари-новаторы стали писать Виталию Куприяновичу, просить у него чертежи. Ведь сокращение вспомогательных операций — именно тот путь, по которому теперь надо идти рационализаторам!

На станкостроительных заводах уже давно выпускают великолепные автоматические станки со сложными универсальными устройствами, но пока таких станков ещё немного. А приспособления Семинского, которые во многом заменяют эти универсальные устройства, могут все токари применять уже теперь. Их легко изготовить и можно употребить в работе на самом обычном станке.

И токари с разных заводов, из разных концов Советского Союза поехали в Киев к Семинскому, чтобы посмотреть его приспособления.

Солнце бьёт в широкие окна цеха, в его лучах сверкают кудрявые стружки. Седой рабочий из Харькова тронул Семинского за плечо.

— А знаешь, Виталий Куприянович, мне кажется, что схему этого приспособления можно улучшить.

Семинский живо остановил станок и с интересом спросил:

— Да? А как?

— Показывай дальше. Сейчас посоветуемся.

— Давайте, давайте, товарищи, вместе думать! Одна голова хорошо, а сто ещё лучше! — весело сказал Виталий Куприянович, опять запуская станок.

...А старичок в проходной будке тем временем снова и снова выписывал пропуска в цех к Семинскому.

Это идут к нему учёные, рабочие, инженеры, конструкторы.

Мысль рабочего становится всенародным достоянием.

Голубой Спрелор

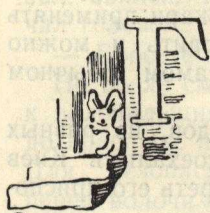
Джанни Родари

Рисунки А. Брея.

(Окончание)

Глава XX

Франческо едет в коляске

А где же мы оставили других героев нашей истории?

Кнопка, бедный, верный щенок, всё ещё сидел на пороге пустого дома, откуда исчез Франческо. Было холодно, хотя снег уже перестал падать. Хвост у Кнопки замёрз и стал как сосулька, но он не уходил со своего поста.

А Франческо? Франческо всё ещё сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Неважная подушка — кирпичная стена! Но Франческо всё-таки уснул, да так крепко, что ничего не видел во сне.

Бедная старушка Фея всё ещё разносила подарки. Руки у неё замёрзли, но она не могла, конечно, оставить свою работу. Старая служанка была с ней: в полночь Фея на минутку вернулась домой выпить чашку кофе и нашла там верную Терезу.

Кто знает, может быть, мы ещё встретимся с ними, прежде чем кончится наша история. А сейчас давайте отыщем ночного сторожа. Того самого сторожа, который подобрал и починил канарейку.

Клетка с канарейкой висела на руле его велосипеда, и когда ему нужно было поворачивать, вместо резкого звонка раздавалась нежная трель канарейки. Но вот сторож остановился и прислонил велосипед к стенке магазинчика Феи, а сам стал ходить взад-вперёд, топя ногами, чтобы согреться. Нам ничего не остаётся делать, как влезть в его голову и посмотреть, что он думает.

«Надеюсь, что синьора скоро придёт, — думал ночной сторож, — а то у меня отмёрзнут ноги».

Итак, ночной сторож ожидал Фею. Может быть, он хотел вернуть ей канарейку? Нет, нет, дело касалось не канарейки, а Франческо.

Видите ли, ночной сторож был знаком с Франческо. Много раз он встречал его, когда мальчик возвращался со своей работы из кинотеатра, и немного провожал его домой.

— Почему ты не едешь на трамвае? — спрашивал ночной сторож.

— Потому что это очень дорого, — отвечал Франческо.

— Да-а, — соглашался сторож, почёсывая затылок.

— Мне нужно приносить домой все деньги, которые я зарабатываю; их и так очень мало...

— Да-а, — бормотал ночной сторож. — Невесело работать в твои годы, не так ли?

— Я не жалуясь, — отвечал Франческо, — я даже доволен этим. Ведь я уже работаю, как большой. Правда, у меня нет времени поиграть, да и игрушек у меня нет и никогда не было...

— Конечно, — говорил ночной сторож, — конечно.

Мальчик болтал, мужчина слушал. Он любил этого мальчика, который уже работал, как взрослый, и один ночью ходил пешком через весь город, зажав в кулачке свой жалкий заработок.

Ночной сторож видел, как арестовали воров, и, к своему удивлению, увидел среди них Франческо, на которого тоже надели наручники и, как преступника, отвезли в полицию.

«Я не верю этому, — сразу же подумал ночной сторож, — этот мальчик не может быть вором. Я знаю его, как своего сына».

Он побежал в полицию, но его выгнали оттуда.

— Думай о своей работе, — сказали ему полицейские, — а о ворах позаботимся мы. Иди-ка лучше сторожить, не то, пока ты болтаешь тут, вору успеют ограбить все магазины города. Этот мальчик твой родственник?

— Нет, он мне не родственник, но...

— Тогда не мешай. Мы сами разберёмся. Знаем мы этих воришек.

Огорчённый ночной сторож вернулся к своей работе. Внезапно ему пришла в голову мысль, что в этом деле может помочь хозяйка магазина.

«Синьора, — скажет он ей, — в полиции меня не хотят слушать. В самую новогоднюю ночь бедного мальчика бросили в тюрьму, как вора. Почему бы вам не пойти вместе со мной в полицию и не освободить его? Достаточно будет, если вы скажете, что ничего не украдено, что знаете этого мальчика. Сделайте что-нибудь для него. Может быть, с вами полиция согласится».

Погружённый в свои мысли, сторож не заметил Фею и её служанку, которые верхом на метле свернули в ворота и через окошко проникли в магазин. На мгновение из-под шторы показалась полоса света, и сторож понял, что внутри кто-то есть.

Он подошёл ближе и осторожно постучал.

— Кто там? — спросил голос служанки. — Что вы хотите в такое время?

— Я ночной сторож, мне нужно поговорить с вами по неотложному делу.

— Сейчас мы ложимся спать. Приходи попозже.

— Но я вам говорю, что дело срочное.

— Когда хочется спать, самое срочное дело — это лечь в кровать.

Послышался другой голос — голос Феи, который что-то спрашивал.

— Ничего, синьора баронесса, это всего-навсего сторож.

«Наверно, это хозяйка», — подумал сторож и позвал:

— Синьора баронесса! Синьора баронесса!

Услышав слово «баронесса», Фея смягчилась.

— Одну минутку. Сейчас я прикажу поднять штору. Входите, пожалуйста. Чем я могу быть вам полезна?

В двух словах сторож рассказал о случившемся. Фея без труда вспомнила Франческо.

— Я помню этого мальчика, — сказала она. — Он бедняк и, к сожалению, не числится в списках моих клиентов. Я никогда ничего не могла подарить ему. И мне было очень жаль мальчика, уверяю вас. Мне хотелось бы, чтобы все дети были довольны. Я очень устала, но я пойду с вами в полицию. Вы довольны?

Через десять минут Фея и ночной сторож предстали перед дежурным полицейским.

— Мы хотим говорить с начальником, — сказала Фея.

— В такое время? Да вы ещё не проснулись, что ли? Начальник придёт в девять часов.

— Позовите его сейчас же!

— Позвать его? Да вы с ума сошли!

Фея разошлась:

— Я сошла с ума? Думай, что говоришь! К твоему сведению, я почти баронесса. И если ты немедленно не вызовешь начальника, будешь раскаиваться в этом всю свою жизнь!

Словом, она совсем запугала дежурного. Буднично вызвал начальника, бросая грозные взгля-

ды на сторожа, который исподтишка потирал руки от удовольствия.

Приехал заспанный начальник. Фея и его отругала.

Что за темперамент, друзья мои! Эта сердитая старушка умела держать людей в руках!

— Хорош начальник! Почему вы позволяете держать целую ночь под арестом бедного мальчика?

— Но я никого не держу. Он остался здесь в ожидании допроса.

— А, так?! Ну что ж, допрашивайте его. И быстрее, у меня дома уже вскипел кофе.

Полицейский разбудил Франческо. Мальчик едва стоял на ногах от усталости. Холодок пробежал по его спине, когда он узнал Фею.

Конечно, она пришла обвинять его! Ведь она столько раз видела его у своего магазина. Может быть, Фея думает, что это он подготовил налёт на её магазин?

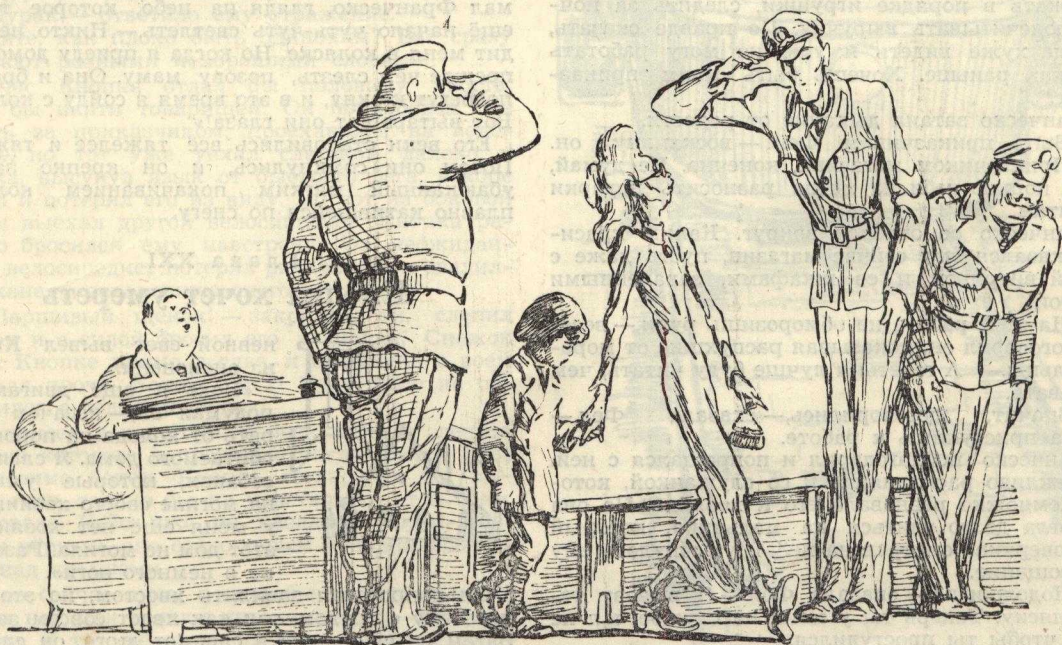
— Синьора, я ничего не взял, — прошептал мальчик, — это я поднял тревогу и позвал полицейских.

— Именно так и было, — энергично сказала Фея, — а теперь, когда всё выяснилось, пойдём.

— Минутку, — всполошился начальник, — откуда вы знаете, что дело было именно так? Этот мальчик мог солгать. Мы захватили его в компании двух опасных воров.

— Солгать? Неужели я стала так стара, что не могу понять, когда мальчик говорит правду, а когда врёт? Этот мальчик спас мой магазин, а вы посадили его в тюрьму вместо того, чтобы наградить. Где же справедливость? Но я сама позабочусь о том, чтобы отблагодарить его. Пойдём!..

Начальник развёл руками. С этой грозной старушкой ничего нельзя было сделать. Она взяла Франческо за руку, бросила сердитый взгляд на полицейских и направилась к двери. Часовые отдали ей честь, как генералу, и уверяю вас, что в этот момент походка Феи была более величественна, чем походка самых великих генералов истории.

Ночной сторож от радости не рассчитал разбер и вместо того, чтобы прыгнуть в седло велосипеда, перемахнул через него и свалился в снег.

— Не ушиблишься? — спросила Фея.

— Чепуха, я чертовски рад за мальчика! — ответил сторож. Он дружески попрощался с Франческо, поцеловал ручку Феи и удалился.

— Симпатичный парень, — заметила Фея, смотря на руку, которую он поцеловал. — Знает, как вести себя с настоящей синьорой.

Другой рукой она держала вспотевшую от волнения руку Франческо.

Фея была не такая уж плохая: это она освободила его, а сейчас держала за руку и вела по тёмному городу, как старая храбрая бабушка.

Служанка не поверила своим глазам, когда увидела их обоих. Она сразу же приготовила третью чашку кофе и вынула из шкафа стеклянную вазу со старыми, засохшими пирожными. Пирожные были крепкие, как цемент, но зубы Франческо были ещё крепче; он жевал до тех пор, пока ваза не опустела.

— Смотрю я, как ты перемалываешь эти пирожные, и завидую. Мне бы такие крепкие зубы, — говорила Фея.

Франческо, улыбаясь, смотрел на неё. Потом он встал:

— Мне нужно вернуться домой, а то мама уже, наверно, беспокоится.

Фея почесала за ухом.

— Я хотела подарить тебе что-нибудь, — сказала она. — Но в эту ночь я опустошила весь магазин, в нём остались одни только мыши. Я знаю, тебе нравится этот чудесный электрический поезд Голубая Стрела, но я не знаю, куда он делся.

— Неважно, — улыбаясь, ответил Франческо. — Тем более, что у меня даже нет времени играть. Вы же знаете, мне приходится работать. В полдень я продаю газеты, а вечером продаю карамели в кинотеатре.

— Послушай, — сказала вдруг Фея, которую ослепила какая-то идея. — Я уже давно собираюсь взять себе в магазин приказчика. Он должен содержать в порядке игрушки, следить за почтой, подсчитывать выручку. По правде сказать, я стала хуже видеть и уже не могу работать так, как раньше. Хочешь быть моим приказчиком?

Франческо затаил дыхание от радости.

— Быть приказчиком Феи! — воскликнул он.

— Приказчиком магазина, конечно. Не думай, что я пошлю тебя на метле разносить подарки клиентам.

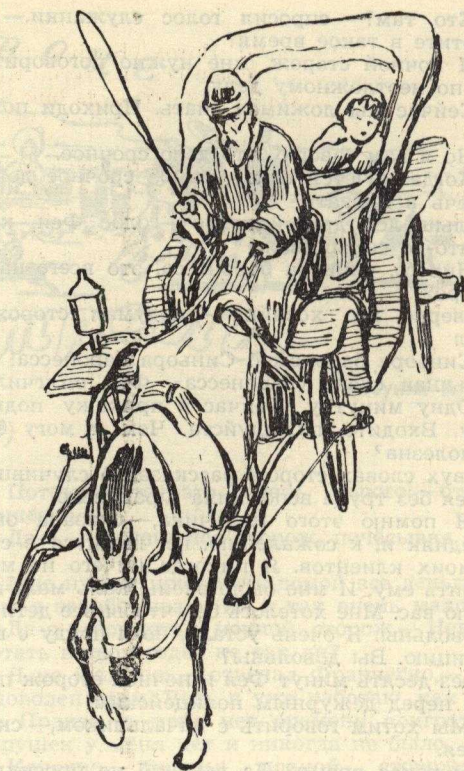
Франческо осмотрелся вокруг. Каким красивым казался ему сейчас магазин, пусть даже с пустой витриной и со шкафами, заваленными бумагой!

— На этой работе не обморозишь руки, — весело проговорил он, показывая распухшие от мороза пальцы. — А газеты я лучше буду читать, чем продавать.

— Значит, договорились, — сказала Фея. — Завтра приступишь к работе.

Франческо поблагодарил и попрощался с ней. Он вежливо раскланялся и со служанкой, которая немножко ревновала его к хозяйке. Но она не могла долго злиться на мальчика, который так доверчиво смотрел на неё, и улыбнулась ему на прощание.

— Подожди-ка, — сказала Фея. — Я вызову тебя коляску. Теперь ты у меня на службе, и я не хочу, чтобы ты простудился.

Коляску! До этого дня Франческо несколько раз ездил на коляске, прицепившись сзади, где обычно шалуны прячутся от кучера и его кнута.

Теперь же он забрался на кожаное сиденье, кучер покрыл ему ноги чудесным жёлтым ковриком, влез на козлы и щёлкнул кнутом.

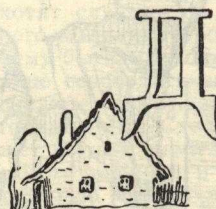
Лошадь тронулась мелкой рысцой.

«Как жаль, что никого ещё нет на улице, — думал Франческо, глядя на небо, которое только ещё начало чуть-чуть светлеть. — Никто не увидит меня в коляске. Но когда я приеду домой, то, прежде чем слезть, позову маму. Она и братики подбегут к окну, и в это время я сойду с коляски. Вот вытаращат они глаза!»

Его веки становились всё тяжелее и тяжелее. Потом они сомкнулись, и он крепко заснул, убаюканный мягким покачиванием коляски, плавно катившейся по снегу.

Глава XXI

Кнопка хочет умереть

Дневной свет вывел Кнопку из оцепенения.

«Пока я ещё двигаюсь, — подумал он, — незачем умирать от холода на пороге необитаемого дома. Я слышал о собаках, которые умирают на могилах своего хозяина, но у меня ещё нет хозяина, а этот дом не могила. Разомну-ка я немного ноги».

Он попробовал завилать хвостом, но это удалось ему с трудом, так как хвост совсем замёрз. Затем он сунул нос в снег (от этого, он слышал,

согревается кончик носа). Потом Кнопка стряхнул снег со спины и отправился в путь. Куда? Неважно. Не всегда собаки знают, куда они идут. А это ведь настоящие собаки, так что же вы хотите от игрушечного щенка?

Кнопка бродил по городу, увёртываясь от бесчисленных трамваев и проваливаясь в лужи.

Один раз в витрине он увидел своё отражение. «Странно,— подумал он,— по-моему, я стал больше. Очень странно: за целый год в витрине Феи я не вырос ни на сантиметр».

Он прошёл мимо бронзового памятника патриота на лошади и окликнул его. Памятник не шевельнулся и не ответил.

Выпало много снега, и борода патриота стала совсем белой, а лошадь покрылась толстым холодным покрывалом. Кнопка несколько минут смотрел на него. Затем вздохнул и побежал прочь, потому что большой ком снега сорвался с гривы лошади и устроил щенку хороший душ, в котором он совсем не нуждался.

Внезапно раздался звонок. Кнопка обернулся и увидел ехавшего на велосипеде приказчика с большой корзиной за плечами. Щенок скрылся в подъезде и подождал, пока тот проедет. Он не очень доверял людям. В конце концов это был дикий пёс, почти волк.

Правда, волк не лесной, а витринный.

Кнопку тяготило одиночество. Он так хотел бы поболтать с кем-нибудь. Разве можно жить без друзей, товарищей?

Он попробовал говорить с самим собой. Пристроился около лужи и стал разговаривать со своим отражением в воде.

— Куда ты идёшь, бедный, маленький, заблудившийся и замёрзший щенок? — спросил он.

— Куда ты идёшь, бедный, маленький, заблудившийся и замёрзший щенок? — ответила ему лужа.

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай?

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай? — ответило отражение.

— Дурак! — разозлился Кнопка.

— Дурак! — ответило ему отражение.

Видите, как плохо быть одиноким? Вас сразу обзывают разными нехорошими словами.

Сейчас Кнопка отдал бы половину хвоста, лишь бы найти товарищей. Он попробовал побежать за приказчиком, проехавшим на велосипеде, но тот уже уехал слишком далеко, и Кнопка, высунув язык от быстрого бега, вскоре отстал и потерял его из виду. Но вот из боковой улицы выехал другой велосипедист. Кнопка радостно бросился ему навстречу. От неожиданности велосипедист потерял равновесие и свалился в канаву, заваленную снегом.

— Паршивый щенок! — закричал он, слепил снежок и с силой бросил его в щенка. Снежок попал Кнопке прямо в глаз, и бедняжка с воем побежал прочь. Какой успех! Чуть было не подругился с велосипедистом!

Он присел у какого-то дерева и стал лечить глаз, из которого непрерывно текли слёзы. Глаз невыносимо болел. Кнопка согласился бы вырвать глаз, только бы не чувствовать этой боли.

Рассвело. Небо уже не казалось таким низким и чёрным, оно стало серым и поднялось высоко над крышами.

«Будь сейчас луна, я смог бы повить и полаять на неё, как делают другие собаки,— подумал Кнопка. И тут же возразил себе: — Другие собаки, но не ты, не умеющий лаять».

Над этим вопросом Кнопка размышлял долго. Почему он не умеет лаять? Может быть, он ещё маленький? Может быть, он мало упражнялся?

И вот он стал учиться лаять. Раздались жалкие и пронзительные вопли, от которых прослезилась бы камни. Но у камней нет ушей, а у горожан есть. Одно, два, три окна распахнулись над головой Кнопки.

Несколько тазов холодной воды окатило Кнопку с ног до головы. С жалобным воплем он убежал прочь.

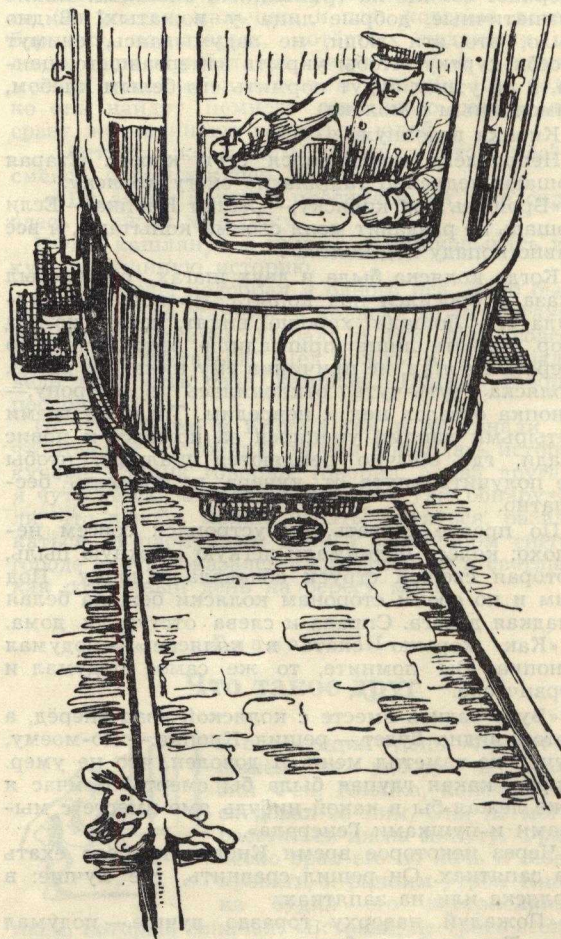
«Хороший результат! — думал Кнопка вне себя от отчаяния и смущения. — Ещё один такой душ, и я перейду в другой мир, так и не научившись лаять».

Бедняга совсем отчаялся:

«Лучше бы я пошёл с моими товарищами. Теперь они сидят в тёплой комнате. Скоро пронутся дети и так обрадуются им! А чего я достиг своей преданностью Франческо? Щенок не должен позволять себе роскошь — думать. Что мне теперь делать? Куда идти? Мне ничего не остаётся, как умереть».

Решив умереть, он растянулся на трамвайной линии. Первые трамваи уже счистили снег со стальных рельсов, и они отливали голубым светом в бледных лучах восходящего солнца. Но вот рельсы слегка задрожали.

...Приближался трамвай. Пора. Прощай, Кноп-

ка, тебе не повезло в жизни. Так встретить же смерть смело, как встретил её Генерал. Бродячие собаки на твоём примере поймут, что нельзя оставаться в мире одиноким.

Трамвай быстро приближался, но в нескольких шагах от Кнопки резко затормозил. Вожатый спрыгнул на землю.

— Смотрите, щенок! Щенок, который хочет умереть!.. Видали вы когда-нибудь такую картину?

Кнопка вскочил и, поджав хвост от смущения, побежал прочь. Даже умереть ему не давали спокойно.

— Эй, ты! — звал его вожатый. — Верный, Верный, иди сюда!

Он называл много имён, но Кнопка не ответил ни на одно, хотя прекрасно понимал, что у вожатого не было плохих намерений. Вернее, именно поэтому он и не отзывался. Он так отчаялся, что не желал больше ничьей дружбы. Ему хотелось только одного: умереть.

— Верный, Тузик, Ральф, Щенок, Послушный, иди сюда!

Кнопка даже не повернулся. Вожатый сел в трамвай, включил мотор и поехал дальше, сигналя и внимательно смотря на рельсы.

Кнопка спрятался за уличной тумбой. Трамваи с грохотом проходили в десяти шагах от него, но он не осмеливался выйти из своего укрытия. А как они весело сигналят, эти трамваи! Как сверкает солнце на трамвайных окошках! Какие симпатичные, добрые лица у вожатых! Видно было, что эти люди, не задумываясь, снимут с себя куртку, чтобы укрыть замерзавшего щенка, а по утрам будут кормить его белым хлебом, намоченным в молоке.

Кнопка вздохнул.

Неподалёку послышался стук копыт. Старая лошадь медленно тащила по снегу коляску.

«Брошусь под коляску», — решил Кнопка. — Если лошадь не раздавит меня своими копытами, я всё равно попаду под колёса».

Когда коляска была в двух шагах, он закрыл глаза и бросился под копыта. Но лошадь заметила его. Лошади хорошо видят, даже из-под шор. Копыта лишь пригладили взлохмаченную шерсть Кнопки, не причинив ему никакого вреда. Коляска чуть-чуть отклонилась в сторону, — Кнопка остался цел и невредим. Тогда он всеми четырьмя лапами уцепился за коляску и повис сзади, где обычно цепляются шалуны, чтобы не получить кнута от кучера и проехать бесplatно.

По правде сказать, он устроился совсем неплохо: колёса поднимали лёгкую снежную пыль, которая свежей струёй обдавала Кнопку. Под ним и по обеим сторонам коляски бежала белая гладкая дорога. Справа и слева отступали дома.

«Как хорошо ехать в коляске!» — подумал Кнопка. Вы помните, то же самое подумал и Франческо.

«Буду ездить вместе с коляской взад-вперёд, а потом видно будет», — решил Кнопка. — По-моему, кучер не заметил меня. Я доволен, что не умер. Бррр... какая глупая была бы смерть! Сейчас я уже лежал бы в какой-нибудь яме вместе с мышами и пушками Генерала».

Через некоторое время Кнопке надоело ехать на запятках. Он решил сравнить, где лучше: в коляске или на запятках.

«Пожалуй, наверху гораздо лучше», — подумал он. — Там должны быть красивые сиденья, как в

купе первого класса Голубой Стрелы. Ручаюсь, что на сиденье можно вытянуться во всю длину и ещё для хвоста место останется. Попробую-ка я подняться наверх».

Пустив в ход зубы, лапы и хвост, Кнопка забрался в коляску. Внутри было тепло. Щенок почувствовал под ногами нежный, мягкий бархат.

«Немного темновато, — подумал он, — но даже лучше, чем в Голубой Стреле. Боюсь, что намочу подушку моими мокрыми лапами. Хотя не всё ли мне равно? Я еду в коляске впервые в жизни и хочу как следует насладиться поездкой. Сейчас я растянусь на сиденье и посплю немножко».

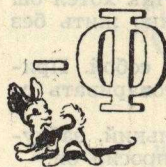
Он вытянулся... но неожиданно стукнулся головой обо что-то, вернее, об кого-то.

«Кто же сидит в коляске?» — испуганно подумал Кнопка. Он открыл свои маленькие серенькие глазки, и вдруг сердце бешено забило у него в груди.

Прислонившись к спинке сиденья, подложив под голову руку, в коляске спокойно спал какой-то мальчик.

Глава XXII

Кнопка учится лаять

Франческо, — затаив дыхание, пробормотал Кнопка.

Франческо пошевелился во сне и улыбнулся. Наверно, хороший сон видела сейчас эта каштановая головка с большим чубом, спускавшимся, как обычно, на лоб.

Кнопка лизнул ему руку. Впервые в жизни он лизнул руку своему другу, и это показалось ему самой приятной вещью в мире.

«А я бросался под трамвай», — думал он. — Я чуть не погиб под коляской Франческо. Какая ужасная была бы смерть».

От счастья он закрыл глаза, но сразу же снова открыл их, боясь хоть на минуту потерять из виду спящего мальчика. Хвост Кнопки тихо постукивал по бархату сиденья. Он бросил рассеянный взгляд на хвост и удивился, как тогда, когда он увидел в луже своё отражение.

«Странно, этот хвост не похож на тот, который был раньше. Не пришли же мне новый!»

Это замечание Кнопки относилось к одному эпизоду в его жизни, о котором я вам не успел рассказать. Когда он ещё жил в магазине, мыши однажды отгрызли ему хвост.

Но Фей, осматривая как-то магазин, заметила это, и пришла ему новый.

«Этот мой хвост не похож на те, которые можно отрезать и пришивать», — думал Кнопка. — Это не тряпичный хвост».

Он попробовал ухватить хвост передними лапами, но это ему не удалось. Увлечшись, он несколько раз кувырнулся на сиденье и в конце концов свалился прямо на Франческо, который поморщился во сне.

«Как хорошо! Не хватало ещё, чтобы я сделал мальчику больно! Пропаций я совсем пёс! — упрекал сам себя Кнопка, а потом стал оправдываться: — В конце концов рано или поздно он всё равно должен проснуться».

Франческо спал теперь не так крепко. Он поворачивался, двигал руками, открывал рот, как бы желая что-то сказать. Может быть, он

подымался на поверхность из сна, глубокого, как море.

— Проснись,— попросил Кнопка,— проснись, Франческо. Я уже давно здесь, а ты ни разу не взглянул на меня. Проснись, уже пора!

Франческо открыл глаза и сразу же зажмурился: утренний свет хлынул ему в глаза серебряной струей.

Он никак не мог вспомнить, что с ним случилось, и с удивлением спросил:

— Где я?

Но стук лошадиных копыт, ставший внезапно более громким (коляска проходила как раз по той части города, где снег уже счистили), напомнил ему все события этой удивительной ночи. Он открыл глаза и увидел пса, который вилял хвостом, смотрел на него и, казалось, по первому знаку готов был броситься к нему в объятия.

— Пёсик!— весело воскликнул Франческо.— Откуда ты взялся?

Он сел поближе, но ещё не осмеливался протянуть руку и погладить щенка.

— Может быть, мне его подарила Фея? Может быть, это мой новогодний подарок?

Но потом засмеялся. Фея дарила игрушки, а не настоящих псов с ласковыми, преданными глазами, с настоящим хвостом, который плясал в воздухе, как маленький флажок под порывом ветра. Вы, наверно, уже сами догадались, что Кнопка не был больше игрушкой. Он стал настоящим псом.

Франческо ласково погладил его по спине, сначала робко, одной рукой, потом смелее, обеими руками. Кнопка только и ждал этого приглашения; проворный, как ящерица, он вскочил на колени к мальчику и весело залаял.

Да, вы правильно меня поняли: именно залаял. Впервые в жизни Кнопка услышал, как из его горла вылетают сильные, энергичные звуки, так не похожие на его обычный визг; эти звуки казались ему песней и отдавались в голове, как колокол.

«Я лаю»,— только и успел подумать он и сразу же перестал думать. Зато теперь он стал наслаждаться этим новым, неиспытанным чувством. Он лаил так громко, что Франческо рассмеялся:

— Похоже, что ты лаешь впервые в жизни. Но голос у тебя неплохой.

Кнопка перестал быть игрушкой из папье-

маше и тряпок; он чувствовал, как в груди его бьётся настоящее, живое сердце. Когда его гладили, он не оставался теперь холодным и безразличным, как игрушка, а весь был тёплый, живой и дрожал, как птица.

Это произошло потому, что он нашёл себе настоящего друга и не был больше одиноким.

Услышав этот лай, удивлённый кучер обернулся. Он увидел мальчика и пса, которые весело боролись на старых, потёртых подушках сиденья: псы и ребята не видят особой разницы между лужайкой и сиденьем коляски. Как только они найдут немного свободного места, так сразу же начинают вертеться юлой.

— Откуда же к нам прыгнул этот пёс?— смеясь, спросил кучер.

— Не знаю. Когда я проснулся, он уже сидел здесь и лизал мне руку.

Кучер кашлянул и принялся рассказывать какую-то длинную историю.

— Однажды подобрал я одного пса. Дело было так: ехал я со станции; в коляске лежал багаж и сидели пассажиры. Лошадь в тот день совсем не хотела двигаться. Шёл дождь, а у лошадей ведь тоже есть свои капризы. Правду говорит пословица...

Но Франческо и Кнопка так и не узнали ни что говорит пословица, ни чем кончилась история кучера. Старик говорил, говорил, а два друга — я чуть не сказал два мальчика — уже обнаружили, что вдвоём можно играть, смеяться, развлекаться. И пасмурный день в занесённом снегом городе вдруг показался им радостным и светлым, как солнечный день на берегу моря.

Глава XXIII

Что такое друг

На следующий день Франческо пошёл на работу в магазин Феи. Кнопка, конечно, последовал за ним. Они не могли расстаться ни на минуту. Франческо брал его на ночь к себе в кровать, и ранним утром Кнопка будил его нетерпеливым лаем, который означал: «Вставай, не трать столько времени на сон. У нас ещё тысячи дел. Нам

нужно повалиться в снег, сбежать наперегонки до стены фабрики, проверить, кто дальше прыгает. Вставай, вставай скорее!»

Всю дорогу они продолжали играть.

Фея, по правде сказать, сморщила нос при виде пса.

— Пёс? Ты хочешь держать его в магазине?

— Если вы разрешите, синьора.

— Гм... Нет ли у него случайно блох?

— Нет, синьора. Это чистый пёс.

— Да, да... Мне кажется, что я где-то его уже видела. Тереза, взгляни-ка на этого пса! Ты помнишь, где мы его видели?

— Нет, синьора баронесса. Впрочем... Подождите-ка... Знаете, на кого он похож? На щенка, который сидел у нас в витрине на прошлой неделе. Посмотрите, у него хвост светлее, чем остальная шерсть.

— Ты права, он очень похож на нашего щенка. Правда, тот был поменьше.

— Да, синьора баронесса, наш был немного поменьше.

Кнопка залаял, чтобы они вспомнили его. Но Фея сказала, смеясь:

— А кроме того, тот не лалял.

— Да, синьора баронесса, он не лалял.

Франческо разрешили держать пса, но только с условием, что тот не будет сорить и ломать игрушки.

За один день Кнопка научился предупреждать лаем о приходе покупателя. Научился смирно сидеть на задних лапах, держа во рту кружку, куда покупатели бросали чаевые для Франческо. Научился развлекать маленьких ребятишек, пока их мамы беседовали о том, о сем с синьорой Феей.

В свободное время, когда покупателей не было, Франческо и Кнопка играли вместе новыми игрушками, которые Фея привезла к следующему Новому году. Это был всё новый народ, незнакомый Кнопке: реактивные самолёты, ружья, стреляющие сжатым воздухом, огромные океанские пароходы с сотнями пассажиров.

«Бедняжка Полубородый», — думал Кнопка, — каким жалким казался бы его парусник рядом с этими гигантами!»

Со всем этим народом Кнопка не разговаривал. Все они были молчаливые и неподвижные и не желали вступать в разговор.

Может быть, между собой они и беседовали, как это раньше делал Кнопка со своими друзьями. Но теперь Кнопка не был одним из них: он принадлежал к миру настоящих людей с настоящими, а не нарисованными, как у трёх Марионеток, сердцами.

Франческо тоже почти не играл с игрушками. Он предпочитал целыми часами бороться и кувыркаться с Кнопкой.

— Все игрушки мира не стоят одного друга, — говорил Франческо на ухо Кнопке.

И Кнопка лалял:

— Да! Да!

— Мы всегда будем друзьями! Не расстанемся никогда!

— Никогда! Никогда! — лалял Кнопка.

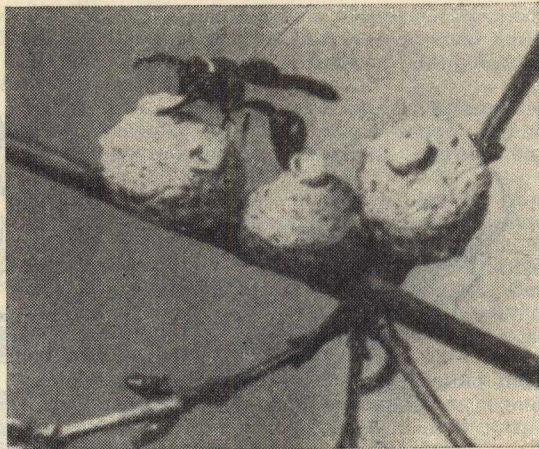
Фея выглядывала из двери магазина и, глядя поверх очков, спрашивала:

— Что он так лает, этот демон?

— Он доволен, синьора. Он рад, что живёт в этом мире.

И Кнопка лалял:

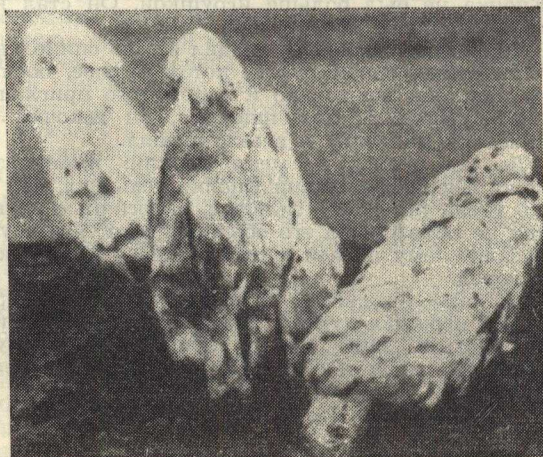
— Да! Да!

Кто мог так аккуратно слепить эти крошечные кувшинчики, да не просто слепить, а и прочно прикрепить их к веткам кустов и стеблям трав? Такие кувшинчики-гнезда строит оса-гончар. С какого-нибудь глинистого обрыва или речной отмели мать-оса притаскивает сотни крошечных комочков глины и лепит гнездо. Вот оно готово, теперь надо позаботиться о пище для малыша. Оса ловит паучков и складывает их на дно кувшинчика. Паучки живые, но не могут двигаться, — они парализованы: метким укусом оса поразила нервные центры каждого из них. Поверх заготовленных впрок паучков оса откладывает одно яйцо, затем закупоривает сверху отверстие кувшинчика и улетает. Больше ей уже не придётся хлопотать о потомстве. Когда из яйца выйдет личинка, она найдёт в своей «детской» достаточный запас паучков и проживёт на этих «консервах» до тех пор, пока не превратится во взрослую осу. А тогда она прогрызёт стенку гнезда и выйдет на волю.

Грибы обычно любят сырость. В нашем представлении грибы — обитатели тенистых сырых лесов и полей. Но, оказывается, есть грибы, которые растут в самых сухих и жарких местах земного шара. Косматые, похожие на каких-то растрёпанных белых птиц грибы подаксисы, которые вы видите на нижнем снимке, растут в пустынях тропиков между сороковыми параллелями к югу и к северу от экватора. Подаксис растёт в очень засушливых местах, но немного влаги и ему всё же нужно. В пустынях бывают годы совсем без дождя, и тогда подаксисы не растут, зато стоит пройти полосе дождей, и земля покрывается как бы огромными хлопьями ваты. Иногда грибы растут так густо, что пустыня кажется занесённой снегом.

На дорогах, пересекающих пустыни, эти грибы порой взламывают трёхдюймовый слой асфальта.

ШЕСТЬДЕСЯТ ТОВАРИЩЕЙ

Л. Фридман

МАМУ УГОВОРИЛИ

— Лилия, поедешь с нами в туристский лагерь?
— Нет, наверное. Меня мама непустит. Если бы на денёк — на два, а то на все каникулы...

Вечером Светлана и Ина пришли к Лилиной маме. Мама почему-то всё время ахала и хваталась за голову:

- Где вы будете там спать?
- В колхозной школе. Мы уже договорились.
- Но там же нет кроватей!
- А мы на полу. Тюфяки с собой берём.
- А кто вам будет еду готовить?
- Самы. По очереди.
- Но Лилечка не умеет даже яйцо сварить!

— А мы яиц не берём. Ну их, ещё побьются в дороге. Мы будем варить кашу, суп, кисель. И Лилию научим.

— Но она же у меня абсолютно не приспособлена к жизни!

— Ничего, она приспособится. Вот увидите.

Трудно сказать, что действовало на маму: спокойный, уверенный тон подруг, Лилины умоляющие взгляды или, может, мама в глубине души сознавала, что Лилия уже не маленькая, что не так-то хорошо человеку быть не приспособленным к жизни.

— У неё и лыж нет, — сказала мама уже так, на всякий случай.

— Достанем. В школе лыжи есть. И рюкзак достанем тоже. До свидания!..

Этот разговор происходил в прошлом году, перед зимними каникулами.

ДВА ЗАПРЕТНЫХ СЛОВА

Школьные парты сдвинуты к стене, на чисто вымытых полах разостланы тюфяки, за окном шумит бор. Весело потрескивают дрова в печи.

Для всех это просто тепло, уют. Для Юры весёлый огонь, пляшущий за полуоткрытой дверцей, угольки, падающие сквозь решётку колосника вниз, на тёплую золу, сердитое шипение и треск поленьев — напоминание о сегодняшней маленькой победе.

Это произошло утром, когда туристский лагерь был похож на шумный, суетливый улей.

Ведь туристское утро всегда наполнено множеством дел. Дел, от которых никуда не уйдёшь, которые нельзя отложить ни на завтра, ни на после обеда, ни на вечер. Нельзя отложить, потому что каждый делает их не для себя одного, а для всех. Надо завтрак приготовить, надо постели убрать, надо вымыть полы, воды натаскать, дров наколоть на весь день.

Дров наколоть — это было поручено Юре. Но тут же оказалось, что он не умеет колоть дрова.

— Не умею, — сказал Юра.

Но командир отряда, девятиклассник Илья Михайлов, насмешливо прищурившись, переспросил:

— Не умеешь? Ну что же, учись. — И решительным жестом протянул Юре топор.

Через двор, к сараю, по скрипящему снегу они шли вместе...

Полено раскололось у Ильи, как сахар. Не то было со следующим, за которое взялся Юра. Его мучила досада. И не только потому, что полено сперва отскочило, а потом в нём завяз топор и не двигался ни туда, ни сюда, пока снова не пришёл на помощь Илья и не показал, как, ударив обухом по другому полену, исправить дело. Досадно было Юре, что у него вырвались два запретных для туриста слова: «Не умею». Ведь ещё в Москве ребята договорились исключить их из своего словаря.

В конце концов дрова были наколоты, Юра, раз-

румянившись, без шапки (жарко стало!) внёс в класс первую охапку поленьев. У порога он чуть не наткнулся на Лилу, старательно собиравшую тряпкой воду с вымытого пола.

Лили поднялась и, отстраняя волосы, упавшие на глаза, тихо спросила:

— Научился? А я научилась пол мыть.

Так дважды за один день, первый день лагерной жизни, были побеждены два запретных слова: «Не умею».

ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Бывают такие длинные-предлинные дни. И не оттого они длинные, что время тянется медленно, нет. Просто очень уж много разных впечатлений и разных дел приходится на один день, даже удивляешься, как он их вмещает.

Таких дней случалось немало в лагерной жизни. Но самым длинным был, пожалуй, первый день большого похода, в котором участвовали двадцать человек, самые сильные лыжники.

Чтобы выйти с восходом солнца, ребята поднялись, едва светало. Но поднялись не двадцать, а все шестьдесят. Двадцать — чтобы отправиться в путь, остальные — проводить товарищей, помахать им от калитки на счастье.

Провожаящие остались, чтобы, окончив хозяйственные дела, встать на лыжи и начать обычную утреннюю тренировочную прогулку.

А у двадцати, мягко скользящих друг за другом под заснеженными соснами и тихими ёлками вдоль лесной дороги, начался их длинный день. После двухчасового перехода на пути показались избы соседнего колхоза.

Там они помогли разгрести силосную яму. Потом катались с гор и, обнаружив трамплин, построенный здесь школьниками, стали учиться прыжкам.

Потом повернули к деревне, так как, по плану похода, в этот день они собирались ещё выступить со своей самостоятельностью на новогоднем утреннике в сельской школе.

Потом обед, небольшой отдых.

Можно было бы и заночевать здесь: дело ведь шло к вечеру, но хотелось выдержать намеченный график пути. И вот снова дорога. Снова заснеженный лес, сугробы, по которым так трудно прокладывать лыжню, что приходилось сменять идущего впереди чуть ли не через каждые двести метров. А рюкзаки тянут плечи: кроме обычной туристской клади, в каждом лежит по десять книг. Книжки они должны отдать в библиотеку колхоза, который у них на пути. Это поручение райкома комсомола.

Когда вышли из леса, было уже совсем темно. Мела позёмка, начиналась метель, и, что хуже всего, дороги не было видно. Её занесло снегом. В какой стороне деревня? Никто не мог сказать.

— Остановимся здесь, разожжём костёр и выйдем вперёд разведчиков, — предложила Евгения

Владимировна Шолохова, молодая учительница. Сильная лыжница, она возглавляла этот поход.

Через два часа разведчики вернулись.

— Есть деревня. И не очень далеко. Нипочём бы не найти её, если бы провода не гудели. Темь такая, что хоть глаз выколи. А тут слышим, гудят. Раз гудят провода, — значит, тут линия. А линия в какую-нибудь деревню да приведёт. И не так далеко идти пришлось.

Вскоре путники уже сидели в школе, дежурные растапливали печку, варили ужин...

Так кончился этот длинный, вместительный день. Со всеми своими удачами и неудачами, трудовыми делами, новыми встречами и неожиданными приключениями.

А впереди было ещё шесть таких же длинных, хороших дней.

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Когда люди живут дружным коллективом, все личные удачи и неудачи, пусть даже совсем незначительные, становятся общим делом. Они радуют, сердят, печалят.

Все были довольны, когда Юра научился колоть дрова, а Лили мыть пол, хотя эти события особенно не обсуждались.

Чей-то хороший прыжок с трамплина, чья-то выдержка в походе, удачно исполненный номер в концерте — всё это были общие радости.

Вот потому-то случай с Жорой Козловым так огорчил всех и оставил горький осадок в сердцах шестидесяти ребят.

Перед отъездом в лагерь Илья Михайлов, командир отряда, сказал:

— Или бросишь курить, или останешься.

Жора чувствовал испытующие взгляды всех ребят и подумал: «А что у меня силы-воли нет, что ли?»

— Брошу! — решительно сказал он.

— Ну и отлично.

И вот началась лагерная жизнь. Хозяйственные дела, работа в колхозе, концерты, походы, тренировки...

Сколько крутых спусков, трудных подъёмов, сколько километров по лесам и полям, через холмы, овраги! Со всем этим Жора, казалось, справлялся не хуже других, но часто, прокладывая лыжню, или скользя по скату, или размешивая кашу в котле, он с досадой думал:

«Дурак я, что обещал. Ох, как курить хочется!..»

В тот день, когда двадцать вернулись из своего большого похода, их встретили не сорок, а тридцать девять товарищей. У них были невесёлые лица.

— Где Жора? — спросили путешественники, едва сбросив рюкзаки. И ребята, оставшиеся в лагере, рассказали, что как раз в это утро они, проснувшись, увидели, что Жоры нет, нет и его рюкзака.

ка и его лыж. Зато они нашли записку. И ребята протянули Михайлову смятый клочок бумаги.

Он молча прочитал записку и молча передал остальным.

«Ребята, — было в записке. — Я возвращаюсь домой, в Москву. Не беспокойтесь за меня, Евгения Владимировна. Доеду благополучно. Я человек взрослый.

Жора».

В этот день не хотелось ни петь, ни шутить. А вечером, укладываясь на свой тюфяк, Юра сердито сказал:

— Взрослый... Ничего он не взрослый! Безвольная тряпка, и всё.

Никто не спорил.

ЛИЛЯ СКЛАДЫВАЕТ ПЕСНЮ

Мороз. Снег. Ветер.

Лиле эти слова всегда казались неуютными.

Только здесь, в зимнем лагере, Лили впервые поняла, какие они замечательные, и мороз, и снег, и ветер, и тёмные ёлки, потонувшие в сугробах.

Ветер, когда ты мчишься на лыжах, бьёт в лицо весело и задорно... И, как всегда бывает в таких случаях, Лили всё время удивлялась: как же она могла дожить до четырнадцати лет, не зная всего этого!

Лыжи выносят её на крутой берег реки, весь изрезанный следами чьих-то отчаянных спусков. Страх?.. Посмотрела вниз — высоко! Огляделась. Никого поблизости. Как ребята сердятся за то, что она боится гор! Сердятся и огорчаются. Сейчас она одна. Никто не увидит её отступления. Никто не засмеётся над ней, не назовёт трусихой. А всё же как не хочется поворачивать назад!

Лили подошла к самому краю. Одно движение — и лыжи заскользят вниз. Но самое трудное — преодолеть страх, который сковывает и не пускает тебя, не даёт сделать это маленькое, решающее движение.

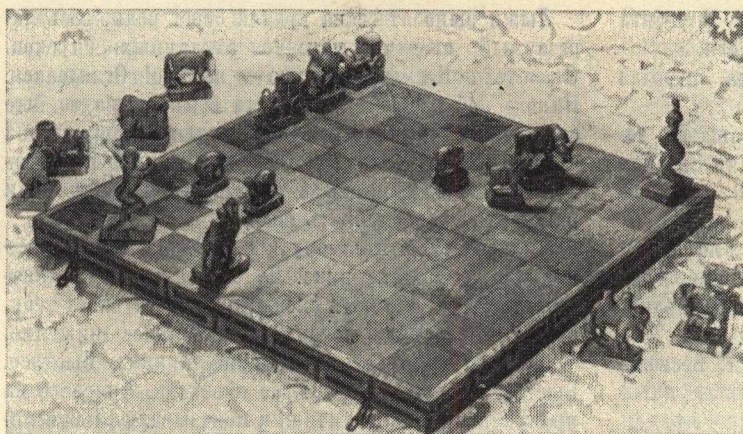
Лили оттолкнулась и скользнула вниз. Быстрее. Быстрее. Впереди куст. Надо объехать. Присесть на правую ногу, как мальчишки показывали. Лыжи послушно поворачивают направо. Потом второй поворот, левый. Страх давно прошёл. Она потеряла его где-то на середине горы. Лиле становится весело. Вот она и внизу, спуск замедляется, и лыжи плавно скользят по занесённому снегом льду. Лили поворачивает и начинает подъём наискосок, срезая склон. Карабкаясь вверх, она громко распевает победную песню собственного сочинения:

Нету слова «не умею»,
Захожу — сумею всё!

Пусть песня не очень складная, зато она рождена хоть в маленькой, а в борьбе!

Не всем легко подниматься в гору.

О ЧЁМ РАССКАЗАЛ САНЖЖАМЦА

Международный мастер
по шахматам М. Юдович

Было это почти двадцать пять лет назад. В Иркутске проводился первый турнир шахматистов Сибири и Дальнего Востока. Для участия в этом соревновании приехал из Москвы и я, тогда ещё совсем молодой мастер.

В Иркутске я узнал, что в турнире выступит зарубежный шахматист — чемпион Монгольской Народной Республики Санжжамца.

Получилось так, что в самом начале турнира мне пришлось играть с нашим гостем. После нескольких ходов стало ясно, что Санжжамца совершенно не знаком с теорией шахмат, и, признаваясь, я рассчитывал на быстрый выигрыш.

Но не тут-то было! Мой противник вёл борьбу очень изобретательно и упорно защищался. Только ценой больших усилий

мне удалось в конце концов добиться победы.

Каково же было моё изумление, когда потом, разговорившись с ним, я узнал, что Санжжамца никогда раньше не играл в шахматы по международным правилам.

— У нас в стране, — сказал Санжжамца, — играют в монгольские народные шахматы, правила игры у нас другие. Нет у нас, например, правила рокировки, пешка ходит всегда на одно поле, лат считается за выигрыш.

Много вечеров провели мы вместе. Санжжамца рассказывал о Монголии, о том, как любят шахматы степные пастухи-араты, показывал оригинальные старинные задачи.

В монгольских народных шахматах нетрудно было узнать шатрандж — одну из самых древних форм шахматной игры.

Шахматы, распространяясь по всему миру, видоизменялись в зависимости от условий жизни того народа, к которому они попадали.

Различные народы по-разному называли шахматные фигуры. У древних индусов, например, на шахматной доске действовали боевые колесницы, слоны, кони, пехота.

В России появилось название «ладья»: древние славяне путешествовали в быстроходных ладьях. А в монгольских шахматах существуют колесницы, слонов же заменили верблюды. Нет в монгольских шахматах пешек. Ведь старая монгольская армия не имела пехоты, в ней были только всадники. Пешки называются мальчиками. Иногда бывает пешкой и коза.

Недавно я побывал в Монгольской Народной Республике, был главным судьёй первого международного шахматного турнира в Улан-Баторе.

Я встречался со многими любителями шахмат в столице республики и в далёких аймаках и убедился, что шахматы в Монголии — любимая народная игра.

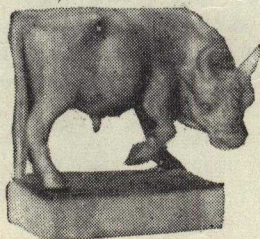
Верблюд
вместо слона.

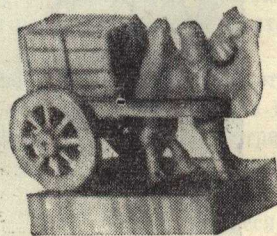
У нас в шахматах — конь, а у монголов — целых два: лошадь и жеребёнок.

Борцы пользуются в Монголии особым уважением. В шахматах короля заменяет борец.

Вместо королевы — священное животное як.

Колесница.

Сейчас и молодёжь и старики играют по современным правилам, редко-редко где встречается ещё старинный шатрандж.

В Монголии издаётся шахматный журнал, выходят книги по теории шахмат.

Конечно, мне очень хотелось познакомиться со старым шахматистом. С грустью я узнал, что его уже нет в живых. Это был человек, влюблённый в свой народ, в его древнюю культуру. В Монголии издана брошюра, в которой Санжжамца собрал старинные легенды и предания о шахматах.

С одной из этих легенд, легендой о сметливой невестке, я хочу вас познакомить. Перевёл эту легенду на русский язык известный монгольский писатель и историк Ринчен.

СМЕТЛИВАЯ НЕВЕСТКА

Старые люди рассказывают...

В давние, давние времена жили два старика-шахматиста. Один из них как-то проиграл партнёру своё стадо. Дело было ранней весной, когда зелень трав ещё не показалась из-под снега.

Решил старик отыгаться. Но счастье не улыбнулось ему в тот день, хоть и играл он белыми. Вот так стояли на доске деревянные войска, рассеивающие сон невестства.

У белых: король — на стойбище ферзевой колесницы, королевская колесница — на своём стойбище, ферзевая колесница — на третьем стойбище королевской колесницы, верблюд — на втором поле королевской колесницы, один мальчик — на шестом стойбище королевского верблюда, другой мальчик — на шестом стойбище королевского коня.

У чёрных: король — на стойбище своего коня, ферзь — на вто-

Невестка выручает старика.

ром стойбище ферзевого верблюда, верблюд — на стойбище своего короля, мальчик — на третьем стойбище ферзевого верблюда, мальчик — на третьем стойбище ферзя.

Старику грозило неминуемое поражение. Тут же в юрте была невестка старика, варившая чай в котле. Она взглянула на доску и, поразмыслив немного, сказала:

— Отец, трудная, голодная пришла весна. Оба мои сына уже подросли. Сломаем колесницы на дрова, посадим детей в корзины по обе стороны верблюда и перекочуем в горы, чтобы уйти от бескормицы.

Старик был догадлив. Он двинул колесницу с третьего стойбища королевской колесницы на стойбище королевской колесницы партнёра.

Король партнёра уничтожил колесницу. Тогда старик двинул верблюда на пятое стойбище короля и открыл своей колеснице шах. Король чёрных ушёл от шаха на стойбище своего коня.

Старик двинул свою колесницу на стойбище колесницы чужого короля. Король уничтожил колесницу.

Вот что значили слова невестки: «Сломаем колесницы на дрова»!

Затем старик двинул мальчика на седьмое стойбище королевского верблюда, и получилось так, что два мальчика очутились по обе стороны верблюда, словно собирались кочевать. А чёрному королю открылся мат от верблюда.

Так сметливая невестка помогла старику вернуть стадо.

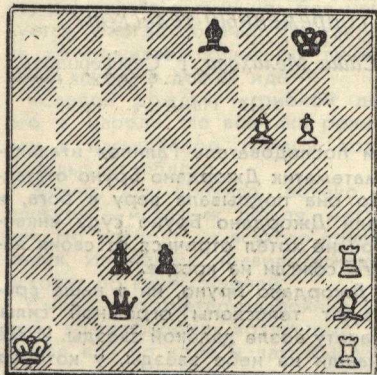

Диаграмма 1.

Пешка — коза с козлёнком.

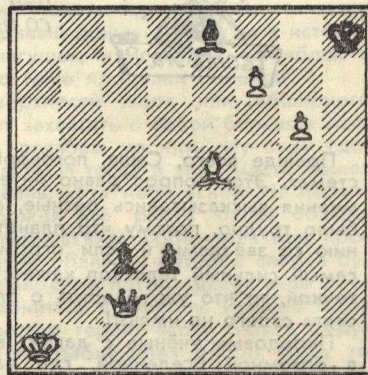

Диаграмма 2.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Весы

Дорогая редакция!
Я хочу узнать, кто и когда изобрёл весы.

Серёжа Фомичёв, г. Москва.

Дорогой Серёжа!

Один из рисунков, найденных на стене древнего египетского храма, изображает весы, очень похожие на наши: коромысло, и к нему подвешены две скалки. Рисунку этому около пяти тысяч лет. Как видишь, весы изобретены очень давно. Но именно поэтому неизвестно, кто их изобрёл.

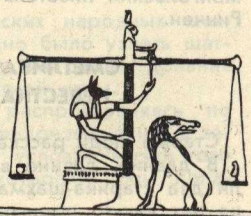
В древней Руси тоже были весы со скалками. В большом ходу был также безмен, известный и в древнем мире и позднее у арабов.

Десятичные весы были изобретены в 1818 году.

Теперь есть весы очень усовершенствованные и чувствительные. Для некоторых научных работ, где нужна величайшая точность, применяются весы, у которых точность достигает одной миллионной доли грамма. Они находятся в особом помещении с равномерной температурой и накрыты стеклянным колпаком, из-под которого выкачан воздух. Весы эти чувствительны даже к движению воздуха, а пылинки, сев на одну из чашек, может нарушить равновесие.

В то же время существуют весы, на которых взвешивают паровозы тяжёстью в две сотни тонн.

Во всех странах весы находятся под контролем государства. У нас это возложено на Государственную палату мер и весов. Там хранится эталон (образец) точнейшего килограмма. Он является постоянным, на века, хранителем точности веса. Время от времени специальная инспекция делает проверку всех весов и ставит на них клеймо.

К. Кочетков.

Глазами математики

Дорогой «Пионер»!

Меня давно интересует один вопрос: может ли быть во Вселенной ещё несколько обитаемых планет, как наша Земля, и несколько солнечных систем, которые невидимы в современный телескоп?

Саша Мелихова, г. Симферополь.

Прежде всего, Саша, поговорим о планетных системах. Этот вопрос давно интересовал учёных, но мнения высказывались разные, а доказать что-либо было трудно, потому что планеты малы по сравнению со звёздами, и если огромная звезда даже в самый сильный телескоп кажется только блестящей точкой, то что уж говорить о планетах. Они ведь и света своего не имеют!

Передовые учёные с давних времён считали, что в огромной Вселенной, где рассеяны миллиарды звёзд, обязательно должны быть другие системы, подобные солнечной, а в этих системах — обитаемые планеты, подобные нашей Земле. Ещё в сред-

ние века ученик и последователь Галилея итальянский астроном и математик Джордано Бруно отстаивал эту мысль. Но она подрывала веру в бога, и церковники предали Джордано Бруно суду инквизиции. А так как он не хотел отречься от своих научных взглядов, его сожгли на костре.

Ни во времена Джордано Бруно, ни в наше время, когда существуют телескопы огромной силы, нельзя увидеть планету возле далёкой звезды. И всё же учёные уже нашли на небе звёзды, у которых можно предположить существование планет. Как же удалось увидеть невидимое? В этом помогли две науки: математика и физика.

По законам механики, два тела, движущиеся в пространстве, влияют друг на друга, и под действием взаимного притяжения их путь становится не таким, каким бы он был, если бы они двигались в одиночку.

Солнце, например, под действием планет, которые обращаются вокруг него по своим орбитам, описывает в пространстве кривую вокруг общего с планетами центра тяжести. От этого путь Солнца в нашей звёздной системе — Галактике — имеет вид завитой линии, вроде штопора или винта.

Наблюдая звёзды, астрономы заметили, что некоторые из них тоже движутся винтообразно. Вот тут приходит на помощь математика. По отклонениям от прямого пути она позволяет вычислить, как велика сила, отклоняющая звезду, то есть какова масса того небесного тела, которое производит это действие.

Уже у семнадцати звёзд с помощью математики астрономы как бы «увидели» невидимых тёмных спутников. По вычислениям, массы этих спутников невелики: у одних в десять, у других в тысячу раз меньше, чем масса нашего Солнца.

В последние годы астроном Пулковской обсерватории А. Н. Дейч подробно изучил движение невидимого спутника звезды 61 в созвездии Лебеда, которая в телескоп разделяется на две звезды, названные буквами А и Б. Тёмный спутник движется вокруг звезды А по сильно вытянутой орбите. Его период обращения — около пяти лет. Масса этого

невидимого спутника примерно в двести сорок раз меньше, чем у нашего Солнца.

Но имей в виду, что эти теоретические расчёты показывают только самый факт наличия какой-то массы, отклоняющей звезду 61-А Лебеда. На самом деле у неё может быть не один большой спутник, а несколько спутников меньшего размера, то есть планетная система.

Известный советский астроном Б. В. Кукаркин подсчитал, что если бы с планеты, обращающейся вокруг какой-либо звезды, велись наблюдения за движением нашего Солнца, тамошние астрономы и математики могли бы сделать вывод, что Солнце не одиноко движется в пространстве, но они не смогли бы сказать, сколько планет в солнечной системе. По их вычислениям вышло бы, что у нашего Солнца есть тёмный, невидимый спутник, движущийся по сильно вытянутой орбите с периодом обращения в пятьдесят девять лет, и что масса этого спутника примерно в тысячу раз меньше массы самого Солнца.

Теперь поговорим о том, существуют ли другие обитаемые планеты в этих далёких от нас системах, например, среди спутников звезды 61-А Лебеда. Конечно, на такой вопрос прямого ответа учёные не имеют. Но раз есть спутники у других звёзд, то надо думать, что среди этих спутников тоже есть планеты, на которых условия подходят для развития жизни, а значит, и на них могла развиться жизнь.

Е. Владимирова.

С ясного неба

Здравствуй, дорогая редакция!

Прошу объяснить мне, бывает ли безоблачный дождь и почему.

Рита Саркисян,

ученица 7-го класса средней школы № 2, г. Ереван.

Ты хочешь узнать, Рита, бывает ли дождь без облаков. Мы спросили об этом учёных, работающих в Институте прогнозов и изучающих погоду, и вот что они просили передать тебе. Нет, не бывает дождя с совсем ясного неба. Хотя маленькое облако, да плывёт в вышине; без него дождь не образуется. Иногда облачко это такое лёгкое, что даже не загораживает солнечных лучей, и всё остальное небо ясное, а дождь идёт.

«Слепой дождь», «грибной дождик» — называют его в народе. Но всё-таки рождается он в облаке или в насыщенном парами воздухе, над которым проплывает облако.

Значит, как правило, облако, большое или маленькое, — источник дождя, место его возникновения. Но, говорят, из всякого правила бывают исключения. Из нашего правила исключения иногда происходят по вине смерчей.

Смерч — это ветер-разбойник. Смерч — это огромный вращающийся воздушный вихрь, бегущий по земле или по воде и захватывающий все попадающиеся по пути предметы. Известны случаи, когда смерчи поднимали на воздух даже людей и животных, сметали на своём пути постройки, вырывали

и ломали деревья. Захватив с собой кучу пыли, камней и мусора, смерч мчит по земле. Но когда он ослабевает, то всё захваченное им падает на землю, и в этом месте начинается дождь из камней, мусора и всего прочего. Однажды смерч вырыл из земли клад с серебряными монетами, и недалеко от этого места выпал серебряный дождь. Известны в истории также дожди из лягушек, из селёдок, из яблок и апельсинов. Всё это тоже проделки смерчей.

Проходя по поверхности моря или обширного озера, смерч может захватить с собой большие массы воды, а потом, ослабев, уронить эту воду где-нибудь в другом месте. И тогда в этом месте может быть настоящий ливень, хотя небо ясное. Но первопричиной такого дождя всё равно будет облако, потому что сам смерч всегда образуется под проплывающим в воздухе облаком, которое сперва будет сопутствовать смерчу, а потом может либо обогнать его, либо уклониться в сторону. Именно тогда смерч особенно быстро теряет свою силу и обрушивается на землю «награбленное» добро, будь то апельсины, рыбы или обыкновенные капли воды, захваченной им по пути.

Ю. Авалиани.

Будьте

любезны...

А. Дорохов

Разговор о разговоре

Ух, и здорово!

Недавно мой сосед по квартире, юноша лет двенадцати, вернулся из кино. Глаза его возбуждённо блестели.

— Что, хорошая была картина? — спросил я.

— Ух, и здорово! — ответил он.

— Что же здорово?

— Да понимаете, так здорово! Сначала, значит, он вдруг узнаёт, а потом, понимаете... Ну, словом, просто здорово... В общем, так сказать, он сначала не знает, и так здорово, что, понимаете, в общем, никто не знает... а потом, понимаете, он-то уж узнаёт, а они... Ну, в общем, здорово! Понимаете?

Но я не понимал. Мой приятель так и не сумел мне толком рассказать, что же так понравилось ему в картине. Для такого рассказа у него не нашлось нужных слов.

В другой раз мой сосед пришёл из школы с загадочно-важным видом и тотчас попросил большой лист бумаги. «Обязательно хорошей!» — добавил он.

— Зачем это тебе? — спросил я.

— Наш класс, понимаете, получил письмо... Ну, словом, из Румынии... Так сказать, от пионеров... Ну, словом, короче говоря, я должен писать, понимаете, ответ...

Прошло два часа. Зайдя к соседям, я увидел, что мой приятель сидит перед тем же чистым листом, на котором написаны всего два слова: «Дорогие пионеры!!!» — и поставлены три восклицательных знака. Волосы у него взъерошены, лицо красное, глаза злые.

— Что же ты не пишешь?

Он не ответил и мрачно отвернулся.

Я понял: ему опять не хватает нужных слов. Не может же он написать румынским пионерам так, как привык рассказывать: «Живём мы, понимаете, в общем, так сказать, здорово...» — и всё.

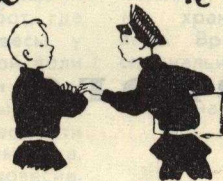
А других слов у него в запасе нет.

Надо, наоборот, учиться говорить чётко, выразительно и ясно. Уметь рассказать обо всём так, чтобы понял каждый.

Без языка

Себе на уме

Этот мальчик изъясняется примерно так, как приехавшие из деревни мужики беседовали с баринком в пьесе Льва Николаевича Толстого «Плоды просвещения».

«Уж это будь в надежде, себя заложим, а того не сделаем, чтоб как-нибудь, а скажем, как-никак, а чтобы, скажем, того... как должно...»

Думаете, эти мужики тоже не умели иначе разговаривать? Слов у них других, что ли, не было? А вы посмотрите, как толково беседуют они с буетчиком, кухаркой, горничной. И умно, и насмешливо, и с достоинством.

Но с баринком нужно хитрить. Надо нарочно прикидываться глупее, чем есть, чтобы ненароком не сболтнуть лишнего. Барин-то ведь враг. С ним необходима тонкая дипломатия: самому ничего не сказать, а барские намерения и расчёты выведать.

Но зачем же тебе, имеющему дело не с барями, а с товарищами, изъясняться так, чтобы никто толком не понял, что ты хочешь сказать?

Не могу не сказать и о таких глупых ребятах, которые высую удаль видят в том, чтобы пересыпать каждую фразу грубыми ругательствами либо нелепыми воровскими словечками. Когда слушаешь их разговор, делается противно и тошно, словно каждая фраза вывалена в грязь.

Чтобы легче было обманывать честных людей, воры и жулики придумали свой специальный жаргон. Когда они сговариваются о своих грязных делишках, нормальный человек их не поймёт.

Смысла этих словечек ребята, конечно, не понимают, но всё равно употребляют их. А зачем? К лицу ли нашим ребятам подражать жуликам? Или ругательства? Стоит ли засорять наш умный, красивый, богатый язык грубыми и корявыми выражениями, подслушанными у хулиганов?

Думается, не стоит.

Иной раз проходишь в антракте по театральному фойе и видишь: стоит школьник с девочкой, краснеет, пыхтит, потеет и никак не может начать разговор.

А почему? Потому что он так привык объясняться с товарищами на уродливом, тупом языке, что разучился разговаривать по-человечески. Но с девочкой, да ещё если она тебе нравится, так не говоришь. Вот бедняга и мучается.

Малодушная психиатрия

Есть и такие ребята, которые любят блеснуть своей образованностью без большого на то права. К месту и не к месту вставляют они в свою речь вычитанные в газете и услышанные по радио слова, по-настоящему их не понимая.

Такие любители мудрёных словечек напоминают персонажей из пьесы Антона Павловича Чехова «Свадьба» — телеграфиста Ятя и акушерку Змеюкину. Вот как они изъяснялись:

Ять. Что такое слёзы человеческие? Малодушная психиатрия и больше ничего!..

Змеюкина. Дайте мне атмосферу!..

Расширять запас слов, которыми ты пользуешься, конечно, необхо-

димо. Но делать это надо не механически, а с умом.

Самое верное средство обогатить свой язык — чтение. Чем больше книг будешь ты читать, тем больше слов отложится заметно в твоей памяти.

Ишь ты, какой умный!

И ещё одно хочется посоветовать читателям «Пионера».

В любом разговоре относись к собеседнику, как к товарищу и другу, и не унижай его своим тоном. А ведь ты иногда это делаешь, сам того не замечая.

Когда-то купцы и помещики своих собственных детей называли ласково — Мишенька, Ванюша, Машенька. А дворовых ребятшек кликали, как собачонок, — Мишка, Ванька, Манька.

Не знаю, как тебя, но меня всегда коробит, когда хорошая девочка говорит о своих подругах так унизительно и грубо, словно помещица о крепостных девушках, — Валька, Танька, Сонька.

Очень дурная манера и отвечать на вопрос вопросом. Как будто считаешь своего товарища круглым дураком. К примеру, товарищ спрашивает:

— Ты уже обедал?

А ты вместо того, чтобы просто ответить «да» или «нет», отвечаешь:

— А что мне, без обеда, что ли, сидеть?

Словно товарищ твой так уж глуп, что может предположить, будто ты никогда не обедаешь.

Некоторые ребята вообще любят бросаться грубыми поговорками, уничтожающими собеседника:

— Ишь ты, какой умный!

— Держи карман шире!

Все эти поговорки тоже остались в языке от злого прошлого, когда человек человеку был волк.

От этих грубых поговорок нашим ребятам давно уже пора отучиться.

ЗАПОМНИ!

Читая, старайся запоминать новые для тебя слова.

Когда пишешь сочинение или письмо, старайся выбирать самые точные слова, чтобы читающий ясно понял, что ты хочешь сказать.

Употребляй только те слова, смысл которых тебе совершенно ясен.

Избегай ненужных присловий: понимаете... знаете... так вот... одним словом... так сказать... значит... Они только замедляют речь.

Будь в словах так же вежлив, как и в поступках.

Уважай собеседника. Не обижай его пренебрежительным или насмешливым тоном.

Не повторяй без нужды заданного тебе вопроса.

Надя-модница

Бусы,
Ленты,
Банты,
Блёстки,
Золочёные стрекозки...
Удивляется народ:
Что за ёлка в Новый год?

Ветерок
Подул несмело —

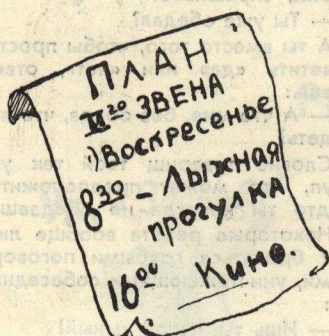
Что-то вдруг
Зашелестело,
Звякнуло,
Постукало...
Может, это пугало?

Вы ошиблись:
Это Надя
В праздничном
Своём наряде.

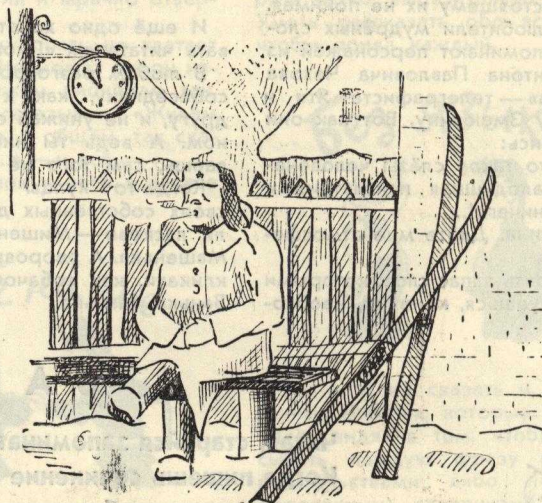

КЛЯКСЫ

А между тем...

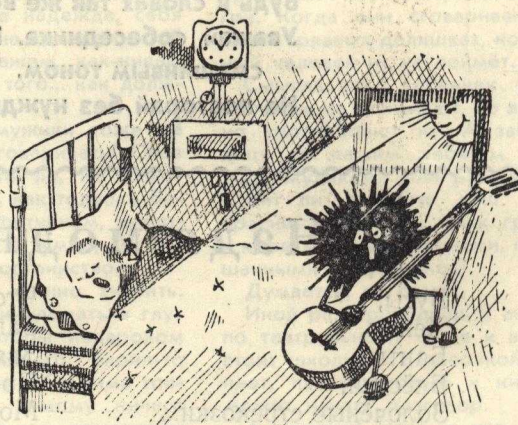
Вот план великолепный. Он
Был всеми дружно утверждён.

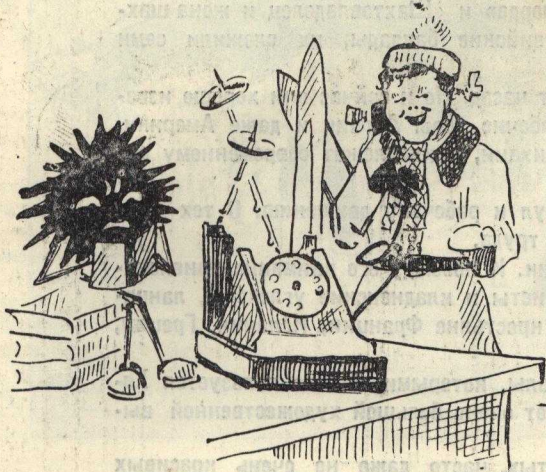
Давно пора начать поход.
Но звеньева напрасно ждёт.
Сидит он мрачен, зол и нем.
А между тем... А между тем...

А между тем Приметин Лёшка
Домой вернулся с полпути.
Мол, путь перебежала кошка,
Так лучше дальше не идти.

А между тем Засонько Тома
Лежит в постельке мягкой дома.
И снится чудный сон Тамаре,
Что ей играют на гитаре.

А между тем Пустова Катя,
Одевшись, позвонила Тате.
И длится, длится разговор
С восьми утра до этих пор.

А между тем Резвин Володя,
Три дня кричавший о походе,
Совсем к походу был готов,
Да повстречал в пути дружков,
И планы рухнули, бледнея,
Перед соблазнами хоккея.

А между тем Вадим чуть свет
Купил в кино один билет.
Прошёл сеанс, идёт другой,
Он из театра ни ногой.

Укрыться здесь не мудрено.
Весь день Вадим провёл в кино.
Смотрел сеансы три подряд
И посмотреть четвёртый рад.

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали члены изокружка Московского городского дома пионеров Лёва Баженов, Валерий Ворохов и Илья Еленский.

БАЛЛАДЫ АНГЛИЙСКИХ ШАХТЁРОВ

Эти два стихотворения — «Взрыв в Грэсфорде» и «Шахтовладелец и жена шахтёра» — написал не поэт. Это народные английские баллады, их сложили сами шахтёры.

Сложили их давно, несколько десятков лет назад. Но и сейчас они хорошо известны среди английских горняков. Их поют рабочие хоры Англии и даже Америки.

Рисунки, которые вы видите рядом со стихами, принадлежат современному английскому художнику Полю Хогарту.

Ещё в студенческие годы Хогарт примкнул к рабочему движению. С тех пор главное место в его творчестве занимают люди труда.

Во многих странах мира побывал художник. И повсюду его внимание привлекали простые труженики: манчестерские металлисты и кладненские углекопы, ланкаширские текстильщицы и силезские горняки, крестьяне Франции, Испании, Греции, Словакии, Китая.

Карандаш, уголь, тушь — вот те материалы, которыми обычно пользуется Хогарт. Совсем простыми средствами он достигает очень большой художественной выразительности.

В людях, которых он изображает, угловатых, часто даже не очень красивых внешне, он заставляет вас увидеть какие-то милые, трогательные черты. И по мере того, как вы вглядываетесь в лица этих людей, вы проникаетесь уважением к ним, начинаете испытывать к ним доброе, дружеское чувство.

Три рисунка Поля Хогарта, которые мы здесь помещаем, изображают жизнь шахтёров Ланнашира и Южного Уэльса.

Баллады перевёл Борис Слуцкий.

Взрыв в Грэсфорде

Все знают о Грэсфордском взрыве,
О гибели наших ребят.
Там двести шахтёров нашли свою смерть
И вот под землёю лежат.

Сентябрьской холодной ночью
Лежала на листьях роса.
В тот миг, когда газ нашу шахту взорвал,
Пробило как раз три часа.

Совсем незадолго до взрыва
При всех говорил Томлинсон:
«Напрасно сверлишь этот шпур, подрывник.
Грозит катастрофою он!»

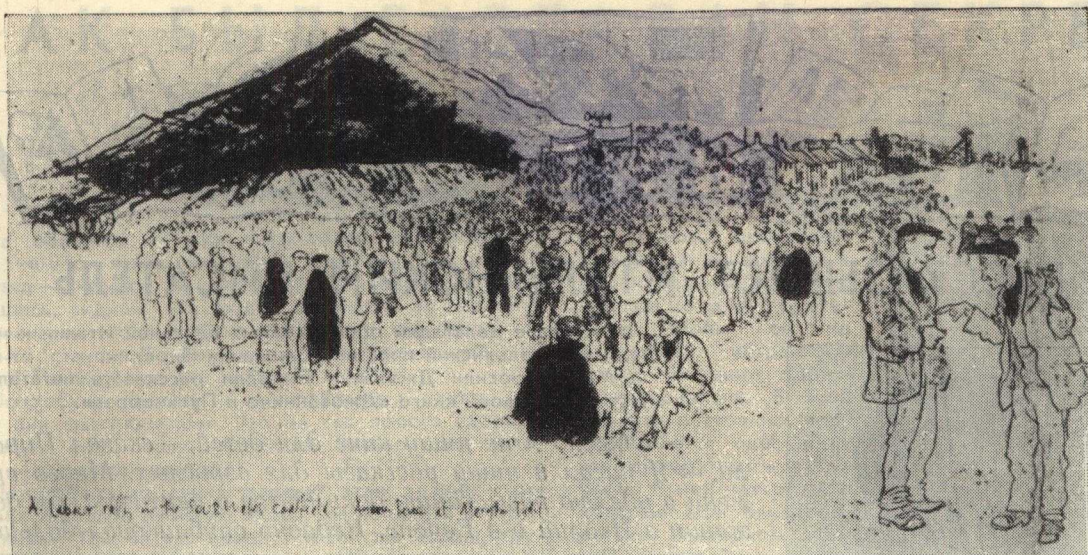
Начальство сожгло документы,
Велело пожарным молчать,
Замёл управляющий шахтой следы —
Не будет за нас отвечать.

За девять шиллингов в сутки
Внизу, в темноте, нам лежать,
Лежать, отработавши смену свою,
Второго пришествия ждать.

Лорд-мэр собирает копейки
Для вдов и сирот горняков,
И шахтовладельцы прислали свой дар —
Букетики белых цветов.

Семья английского шахтёра.

Митинг горняков в Южном Уэльсе.

Шахтовладелец и жена шахтёра

Послушайте быть о беседе смешной
Хозяина шахты с шахтёрской женой,
Как шла по дороге шахтёрка одна
И, встретивши лорда, сказала она:

— Приветствую вас, лорд Гремучий газ!
Не бойтесь меня. Не обижу я вас.
Вот если б вы там провели хоть полдня,
Тогда бы бледнели, завидя меня.

— Откуда ты! — в страхе хозяин кричит.
— Из ада! — шахтёрка ему говорит.
— Каким ты манером покинула ад!
Да разве оттуда пускают назад!!

— Пускают, пускают, почтеннейший мой!
Приказ — беднякам убираться домой,
Дать место надменным и злым богачам —
Их много теперь ожидается там.

Совет вам, хозяин, даю от души!
Шахтёры у вас получают гроши.
Прикиньте им плату за адский их труд,
Иначе, хозяин, в аду вас сожгут!

Весёлые парни, шахтёрский народ
Тугую мошну набивать вам даёт,
Как можете вы равнодушно смотреть
На бедных шахтёров голодную смерть!

— О, добрая женщина! — лорд застонал.—
Мне чудится, будто бы в ад я попал.
Мне вовсе не хочется гибнуть в аду.
Мириться с рабочими тотчас пойду.

Эй, вы, джентльмены с тугую мошной,
Примите совет всепокорнейший мой!
Не будете думать о бедных парнях —
Кипеть вам в смоле и гореть вам в печах!

Шахтёры! Внимайте советам певца:
Возьмитесь за руки и слейте сердца!
Не спустится в шахты рабочий народ —
Все шахты застынут, весь город замрёт!

Правдивую песню кончаю, друзья.
За песни с работы уволен был я.
Но выручит брата рабочий народ,
Поможет певцу, что вам правду поёт.

Горняки из Южного Ланкашира.

РАССКАЗЫВАЕТ ИТАЛЬЯНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Giovanni Pirrelli

В составе делегации общественных деятелей Италии к нам приехал итальянский писатель Джованни Пирелли.

Мы попросили Джованни Пирелли рассказать читателям журнала о своей книге «Джованнино и Пульчероза».

— Обычно я не пишу книг для детей, — сказал Пирелли. — Я писал и пишу рассказы для взрослых. Много времени я уделяю разысканию документов о партизанском движении в Италии и в Европе. Недавно опубликовал большой сборник «Письма приговорённых к смертной казни участников движения Сопротивления». Эта работа требует такого большого внимания, что порой полностью отвлекает меня от писательской деятельности.

Однако моя детская книга — рассказ об удивительных приключениях мальчика Джованнино и мудрой блохи Пульчерозы — очень увлекла меня. Я настолько полюбил своего маленького героя, что посвятил ему всё своё время. И должен сказать, что работа над книгой для детей доставила мне огромное удовольствие.

Дети всех стран во многом схожи друг с другом. Они либо слушают старших, либо капризничают, у них бывают общие увлечения и привязанности, и кое-что на свете им одинаково не нравится. И всё же детям, которые подрастают в вашей стране, нелегко будет понять судьбу героя моей книги. Многие трудности, которые возникают перед Джованнино, вы даже не можете представить себе.

Конечно, я мог бы рассказать в своей книге историю итальянского пионера, которому легче найти пути к дружбе, потому что и у нас в Италии есть дети, которые воспитываются в семьях коммунистов и социалистов, становятся пионерами. Но мне хотелось рассказать именно историю Джованнино, мальчика, который растёт в обычных для Италии условиях и сам ищет и находит пути к дружбе и солидарности между людьми. Джованнино родился в глухой деревне, расположенной на «Потерянной горе». Хотя я сам вырос в большом городе, история Джованнино — это немного и моя история, история моего детства.

Сейчас я приехал в Советский Союз и рад был узнать, что моя книжка переведена на русский язык и находится в детском издательстве. Я рад, что смог приехать в вашу страну. Уже в первые дни пребывания в Москве я повидал многих советских детей. Встречи с ними меня глубоко взволновали, но ещё больше волнует меня мысль о том, что кое-кто из вас прочтёт мою книгу. Я надеюсь, что вы станете друзьями Джованнино. И тогда, несмотря на расстояние, несмотря на разницу в языке и обычаях, у меня и у моих советских читателей будет общая привязанность — ведь я люблю своего героя и хочу верить, что он вам понравится.

В Советский Союз я приехал в составе делегации итальянского движения сторонников мира. Вместе со мной приехали и другие итальянские борцы за мир. Мы хотим, чтобы вы, чтобы дети всех стран мира никогда не знали войны, ужасы которой нам довелось испытать.

Я хочу пожелать вам, дорогие ребята, счастливой и мирной жизни.

КАК БЫЛ РАЗГАДАН СЕКРЕТ

А. Дорохов

На обложке книжки нарисованы склонившиеся над чем-то люди в белых халатах. На первый взгляд — хирурги за серьёзной операцией. Но, взглядевшись, видишь, что люди склонились не над операционным столом. Они озабоченно окружили какой-то станок. Почему же так сосредоточены их лица? Почему все они в белых халатах?

Попробуем подойти к ним поближе и узнать, что это они разглядывают. Это не так просто сделать. Пропуск сюда может подписать только один человек — директор завода.

Поднявшись на самый верхний этаж здания и отперев тяжёлую двойную дверь, вы попадёте в «пропускник». Там на вас наденут такой же белый, хрустящий халат и предупредят:

- Касаться станков руками нельзя,
- Наклоняться над рабочими местами нельзя,
- Трогать то, что здесь делают, нельзя,
- И даже дышать на те предметы, что здесь изготавливают, тоже нельзя.

Только после всего этого вас пропустят за вторые, плотно закрывающиеся двери, и вы окажетесь в большом, ярко освещённом зале. В зале царит тишина. Девушки в белых халатах сидят за какими-то сложными станками и что-то неслышно делают.

Вот одна из них надела на пальцы тонкие резиновые перчатки, загородила лицо прозрачным экраном и маленькими деревянными щипчиками взяла с площадки станка какой-то предмет. Что же это за драгоценность, на которую нельзя дажедохнуть?

Вы подходите ближе к высокой стеклянной перегородке, отгораживающей рабочие места, и видите, что девушка держит в щипчиках... стальную плитку. Простую блестящую плитку, и ничего больше!

И тут вы узнаете, что эта прямоугольная полированная плитка — инструмент величайшей точности. Самой высокой точности, какая только может быть в современной технике.

Вы знаете, что такое микрон?

Если взять толщину спички и разделить её пополам, получится миллиметр. А если миллиметр разделить ещё на тысячу частей, то одна такая тысячная частица миллиметра и будет микрон.

Микрон во много раз тоньше, чем самый тонкий волосок, тоньше, чем паутинка. Увидеть его глазом, даже через увеличительное стекло, нельзя. На ощупь его тоже не почувствуете.

Так вот, те плитки, которые делают в этом светлом зале, изготовлены с точностью до одной сотой микрона!

Плитки именно такой немислимой точности нужны для того, чтобы сравнивать с ними, проверять по ним длину, ширину или толщину некоторых деталей особо сложных и точных механизмов.

О том, как делают эти необыкновенные плитки, и рассказано в книжке, на обложке которой нарисованы люди в белых халатах. Эта книжка — повесть Юрия Вебера «Разгаданный секрет».

Возьмите эту книжку. Вы не оторвётесь от неё до тех пор, пока не прочтаете всю до конца.

Автор проведёт вас в глубокий подвал старинного здания на одном из проспектов Ленинграда. Че-

рез двойные шлюзованные двери вы войдёте в бронированную комнату, где пол не связан со стенами, чтобы он не вздрагивал, когда наверху, по улице, проезжает грузовик. В этой комнате постоянно поддерживается одна и та же температура и влажность. В ней нет окон, в которые мог бы пробраться ненароком солнечный луч.

В этой комнате вы увидите стальной несгораемый шкаф. К шкафу подойдут три хранителя и тремя разными ключами откроют три его замка. Беззвучно распахнётся тяжёлая дверца, и покажется красивый металлический ящик. Поднимите крышку ящика. В нём спрятан деревянный ларец. А в этом ларце, в мягких бархатных гнездышках, лежат такие же стальные плитки.

Так охраняются образцы тех плиток, о которых рассказано в книге Юрия Вебера.

Из этой книги вы узнаете, как необычайно трудно изготовлять сверхточные измерительные плитки.

Их вырезают из самой прочной стали. Их закаляют в бушующем пламени, а затем замораживают в холоде. Их шлифуют и полируют. Их размагничивают. И только после этого им начинают придавать нужную точность размеров.

Во всём мире эти необыкновенные плитки называют «плитками Иогансона» — по имени шведского инженера, впервые сумевшего их сделать. Но своего секрета Иогансон не открывал никому. Он основал завод, делал плитки и продавал их во все страны за очень большие деньги — на вес золота. Даже мастера его завода не знали, что делается за плотно закрытыми дверями соседнего цеха.

В книжке Юрия Вебера рассказано, как гениальный русский самоучка, простой лекальщик Ковровского оружейного завода Николай Васильевич Кушников благодаря волшебному мастерству своих талантливых рук сумел изготовить полный комплект измерительных плиток — первых в мире плиток без клейма Иогансона.

Рассказано и о том, как его сын, Леонид Кушников, с помощью учёных и инженеров после упорного труда и поисков, после долгих лет надежд и разочарований сумел-таки раскрыть тайну хитрого шведа, создать сложные станки и наладить заводское производство чудесных плиток. История этой борьбы за то, чтобы Советская страна ни в чём не зависела от капиталистического мира, волнует, как самая захватывающая повесть.

Вот почему я горячо советую каждому читателю «Пионера» прочесть эту замечательную книгу о «разгаданном секрете».

Наши зимние гости

Крайпвник.

Сойка.

Ястреб-тетеревятник.

Они прилетают к нам с далёкого севера. Каждой осенью, в октябре — ноябре, уже появляются у нас стаи хохлатых свиристелей — жителей глухих таёжных лесов.

Летом они и их птенцы питаются комарами и другими летающими насекомыми, которых так много в северных лесах, а осенью — ягодами можжевельника, рябины, бузины, калины, черёмухи и жимолости.

В поисках ягодных мест свиристели постепенно кочуют к югу. Вот почему их нередко можно видеть и в наших краях.

Свиристели очень прожорливы. Они глотают ягоды целиком. Вес ягод, съеденных за день, превышает вес самой птички.

Как только установится зима, прилетают к нам и красногрудые снегири. Они едят ягоды и разные семена, расклевывают почки на деревьях и кустах. Ягоды они не глотают, как свиристели, а раздавливают их своими широкими клювами и съедают только семена. Если под рябиной или калиной увидите раздавленные ягоды, знайте: здесь побывали снегири.

В городах снегирей можно увидеть на бульварах, особенно там, где много ясеней. Крылатые семена этих деревьев составляют почти единственную пищу для них в зимнее время.

В солнечные дни снегири распевают свою скрипучую песенку, причём у них поют не только самцы, но и самочки. Это — довольно редкое явление среди птиц.

Вместе с чижами, воробьями и щеглами в берёзовых и ольховых лесах, на огородах, среди зарослей бурьяна летают стайки подвижных чечёток. Чечётки — очень забавные и ловкие акробаты; в самых удивительных позах они привешиваются к тонким веткам, на которых есть серёжки или шишечки, и выклевывают из них семена. Миротлюбивые и доверчивые, они не боятся человека и близко подпускают его к себе.

В хвойных лесах зимой появляются клесты. Они часто висят вниз головой, прицепившись к еловым или сосновым веткам, и своими крепкими загнутыми клювами отгибают чешую на сосновых и еловых шишках и выбирают из них семена.

В местах, где большой урожай шишек, клесты держатся всю зиму и даже выводят у нас птенцов.

В зимнем лесу можно встретить и небольшие стайки щуров. Щуры — малоподвижные птицы, питаются они семенами и ягодами. Как и все северные птицы, очень доверчивы и не боятся человека.

Самая редкая из северных птиц, прилетающих к нам зимой, — пуночка. Пуночки встречаются только на открытых просторах и на полевых дорогах, где птички собирают семена сорняков и зерно. Пуночки не только хорошо летают, но и очень быстро бегают по земле.

Родина этой замечательной птички — тундра, скалистые острова Северного Ледовитого океана.

Из полярной тундры к нам залетает и белая сова, крупная, хищная птица. Размах её крыльев достигает полутора метров. У себя на родине, в тундре, белая сова охотится за грызунами — мышами и пеструшками. Только в голодное время она нападает на крупных птиц и животных, чаще всего на куропаток и зайцев. Наши совы охотятся только ночью; белая сова живёт в Заполярье, где несколько месяцев длится полярный день, поэтому она охотится и днём.

В городах, и даже в Москве, на высоких колокольнях и башнях

вы можете увидеть соколов. Чаще всех у нас встречается сокол-сапсан.

У сокола-сапсана очень острое зрение: свою жертву он видит на расстоянии километра. Охотится он на голубей и галок. Нападает стремительно, бросаясь сверху со скоростью быстроходного самолёта: он пролетает до ста метров в секунду.

Если в воздухе, над городом, слышатся тревожные крики ворон и галок, знайте: это сокол вылетел на охоту.

С севера прилетают к нам и всем известные серые вороны, сороки, сойки и многие другие птицы. Они присоединяются к нашим оседлым птицам и в поисках корма вместе с ними промышляют у жилья человека.

Сойки и сороки — осторожные птицы, только голод заставляет их прилетать на окраины сёл и городов, а серые вороны всегда промышляют в городах, вместе с нашими белоглазыми галками. Такое соседство галкам выгодно: вороны защищают их от соколов и ястребов. Весной, когда вороны улетают в леса, галки заводят дружбу с грачами.

Но есть птицы, которые никуда не улетают и встречаются у нас в течение всего года. Они называются оседлыми.

Самая крупная и сильная наша оседлая птица — ворон. Он живёт в глухих лесах, питается падалью и только в холодное время нападает на мелких животных, на слабых и больных, и особенно на зайцев. Ворон славится своим долголетием.

Не улетает от нас и ястреб-тетеревятник, дерзкий хищник, немного меньше сокола-сапсана. Зимой ястреб устраивается в глухих садах и парках близ городов и оттуда совершает разбойничьи налёты на голубей и галок, не брезгает он и зазевавшейся курицей.

В наших лесах живёт тетерев. Это очень осторожная и чуткая птица. Днём тетерев сидит, нахохлившись, на деревьях или клюёт берёзовые почки, а в морозные ночи зарывается в снег и чутко дремлет под снежным пушистым покрывалом.

В непролазном кустарнике, в зарослях молодых ёлочек можно наблюдать крохотную — с небольшое куриное яйцо — бурую, с тёмными пестринками птичку — крапивника.

Эти подвижные птички, напевая свою негромкую, но задорную песенку, обшаривают каждую норку, заглядывают в самые укромные уголки.

К оседлым птицам относятся и всем известные воробьи.

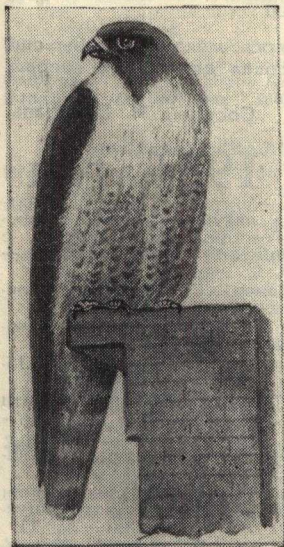
У нас живут два вида воробьёв: воробей домовый, с серой головой, житель городов, и воробей полевой, с буро-красной шапкой на голове. Он живёт в деревнях и на городских окраинах.

Кроме птиц кочующих, прилетающих к нам с севера и птиц оседлых, зимой можно встретить птиц перелётных: одиночек грачей, зябликов, реполовов, зеленушек и других птиц, которые не смогли улететь из-за болезни или из-за какого-нибудь несчастного случая. Эти птицы совсем не приспособлены к нашей суровой зиме, и они больше всех нуждаются в вашей помощи, ребята.

Помните, что почти все птицы — друзья человека.

Проявляйте заботу о птицах в зимнее время, подкармливайте их семенами, крошками и ягодами.

Устраивайте побольше кормушек, птичьих столовых.

Сокол-сапсан.

В часы ДОСУГА

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ-СКЛАДКИ

1. Известно всем: есть мыс Лопатка
На полуострове
 2. Меня в Киргизии найдёшь —
Я называюсь город
 3. Ищи меня в бассейне Дона,
Зовут меня река
- Составил М. Туровцев.

ОТВЕТЫ

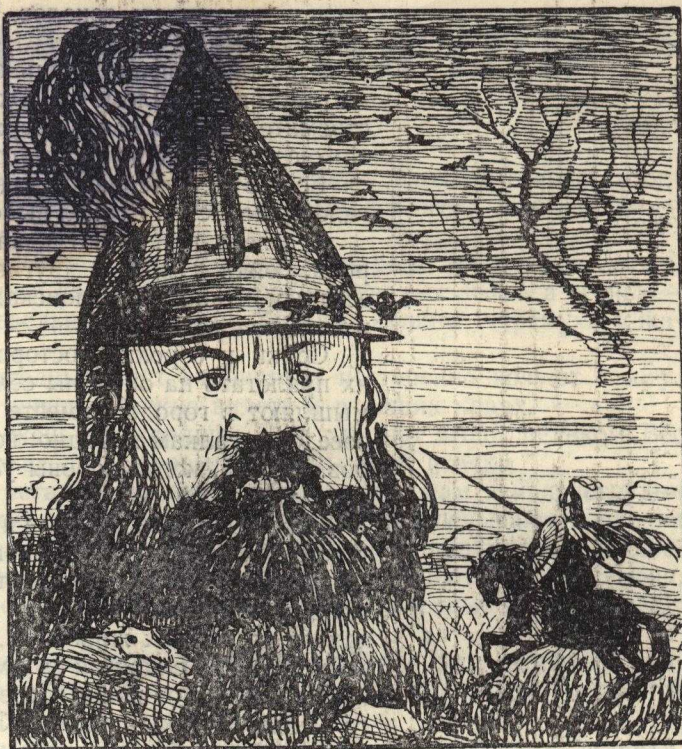
на задачи, помещённые в № 11

Задача со спичками

$$\begin{aligned} XXX - V &= XXV \\ IX - IV &= V \\ XVI - XV &= I \\ XV + V &= XX \\ XIII + IV &= XVII \end{aligned}$$

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ЧАЙНВОРД НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ

1. Слон. 2. Носорог. 3. Горилла. 4. Акула. 5. Аист. 6. Тигр. 7. Рябчик. 8. Кенгуру. 9. Удав. 10. Верблюд. 11. Дельфин. 12. Налим. 13. Морж. 14. Жирафа.

Вам, конечно, знаком сюжет этой картинки, и вы вспомните пушкинские строки:

...Смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою,
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.

Художнику одной головы показалось мало, и, чтобы ещё больше удивить Руслана, он подрисовал две другие головы. Найдите их.

Составил И. Шустваль.

Содержание журнала «Пионер» за 1956 год

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

- Федя Крешук. — Из повести Ф. Вигдоровой. — № 1.
На берегах Сакраменто. — Рассказ Джека Лондона. — № 1.
По следу. — Рассказ М. Зверева. — № 1.
Что случилось с Николенко. — Рассказ Н. Богданова. — № 1.
Абсолютный чемпион. — Рассказ Н. Горбунова. — № 1.
Петухи. — Рассказ Ю. Сотника. — № 1.
Помощники. — Рассказ Г. Дмитриева. — № 2.
Ночь в горах. — Рассказ П. Михайлова. Героя Советского Союза. — № 2.
Рыжик. — Рассказ А. Ильвеса. — № 2.
Чулочки Фламинго. — Сказка Орасьо Кирога. — Перевели с испанского С. Гилянов и В. Низский. — № 2.
Как король, который считал себя очень умным, был одурочен одним ловчаком. — Сказка Вильяма Сарояна. Перевела с английского Н. Менделсон. — № 2.
На вершине Джугджура. — Повесть Г. Федосеева. — №№ 3, 4.

- Сумка святого Луиса Гонсага. — Альваро Юнке. Перевела с испанского Инна Тынянова. — № 3.
Зонтик. — Рассказ Жоржа Коньо. Перевёл с французского А. Ладинский. — № 4.
Симпатияга. — Рассказ Николая Воронова. — № 4.
Сказка о малярной кисти. — В. Виткович, Г. Ягдфельд. — №№ 4, 5, 6.
Брат. — Рассказ А. Мошковского. — № 5.
В дождь. — Рассказ Н. Мельникова. — № 5.
Джилли и Джунни. — Рассказ Джеймса Белларда. Перевёл с английского Л. Юрьев. — № 5.
Берберийский лев. — Рассказ А. Мошковского. — № 6.
Белая собака. — Рассказ Р. Ромы. — № 6.
Рожок зовёт Богатыря. — Повесть К. Воронкова и Л. Воронковой. — №№ 7, 8, 9.
На подоконнике. — Рассказ Р. Ромы. — № 7.
Путешествие Голубой Стрелы. — Сказка Джанни Родари. Перевёл с итальянского Ю. Ермаченко. — №№ 7, 8, 9, 10, 11, 12.

- Охота на лягушек. — Рассказ Джо-на Гезерингтона. Перевёл с английского Ю. Хазанов. — № 8.
Сабля Чапая. — Сказка С. Диковского. — № 8.
Опасный сосед. — Рассказ М. Зверева. — № 9.
Приключение не удалось. — Повесть Ю. Сотника. — № 10.
Бемби (По одноимённой повести Ф. Зальтона). — Ю. Нагибин. — №№ 10, 11, 12.
Белые буруны. — Рассказ А. Мошковского. — № 11.
Один из многих. — Рассказ Эмиля Пажеса. Перевёл с французского А. Ладинский. — № 11.
Первое дело. — Рассказ Ф. Искандера. — № 11.
Как я училась писать чернилами. — Рассказ Р. Ромы. — № 11.
Гауптвахта. — Рассказ А. Мошковского. — № 12.
Всадник без головы. — Пьеса-шутка М. Львовского. — № 12.
Мурманские зуйки. — Рассказ Б. Шергина. — № 12.
«Орлёнок». — Рассказ Н. Чебаевского. — № 12.

СТИХИ

Король и я. День без голода. Стихи о Луне.— Джанни Родари. Перевёл А. Яким.— № 1. Баллада о мальчике, который спас Спартана.— Ф. Искандер.— № 2. Неволяничий корабль.— Генрих Гейне. Перевод В. Левника.— № 2. Емшан-трава (Былина).— Б. Шергин.— № 3. Улов.— Владимир Файнберг.— № 3. Лошади в океане.— Борис Слуцкий.— № 3. Мост.— Юрий Коринец.— № 4. Генерал.— К. Симонов.— № 4. О подписи.— Цветан Ангелов. Перевёл с болгарского Н. Войткевич.— № 5. Стихи поэтов Армении: Ереван.— Геворк Эмин. Перевели Елена Николаевская и Ирина Снегова; Костёр.— Рачия Ованесян. Перевела Елена Николаевская; Ласточка.— Ваагн Каренц. Перевела Ирина Снегова; Царская свинья.— Ашот Граши. Перевела Т. Спендиарова.— № 5. Прага в декабре. В Лидице.— З. Александрова.— № 6. Дерево. Топор соседа. Моё желание.— Л. Квитко. Переводы Я. Хелемского и Николая Чуковского.— № 6. Добрые соседи (Из английского юмора).— А. Шмульян.— № 6. Буйволы.— Ф. Искандер.— № 7. Ножик.— Г. Мамлин.— № 7. Притча о глупости.— Иван Франко. Перевёл с украинского С. Маршак.— № 8. Французские детские песенки.— Перевели Н. Гернёт, С. Гиппиус.— № 8. Почему иволга просит дождя.— Лев Озеров.— № 9. Мужчина. Таков наш обычай.— Цырен Бадмаев. Перевёл с бурят-монгольского В. Мартынов.— № 10. Туча и ветер.— Р. Рашидов. Перевёл с даргинского Я. Козловский.— № 10. Песня.— Владимир Файнберг.— № 11. Мой друг.— Семён Данилов.— № 12. Нофелет.— В. Берестов.— № 12. Баллады английских шахтёров.— № 12.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Кто сильнее (По мотивам вьетнамских сказок).— Р. Кушниров. Обезьяны и месяц (Тибетская сказка).— Перевела и обработала М. Моисеева.— № 1. Глупый мальчик (Индонезийская сказка).— Перевёл Р. Коригодский; Старая собака и койот (Сказка индейцев Мексики).— Перевела и обработала И. Железнова; Почему у месяца нет платья (Сербская сказка).— Перевела Е. Покрамович; Берекливая жена. Чиновник и мальчик (Китайские сказки).— Перевела Ю. Осипова.— № 5. Забытая песня. Как птицы короля выбирали (Тибетские сказки).— Собрал и обработал Мариан Великий. Перевёл с польского Я. Немчинский.— № 6. Заветы отца (Туркменская сказка).— Записал, перевёл и обработал Дурды Атаев; О мудром пастухе и злом, трусливом хане (Узбекская сказка).— Записали и обработали Е. Вислоцкая, М. Хусейн.— № 9.

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

«Унита» разговаривает с детьми.— В. Шлейфер.— № 1. Школа в Пецеле.— № 2.

Климент Ефремович Ворошилов.— Н. Богданов.— № 2. Великий план будет выполнен.— № 3. Ваша школа.— Л. Баталов.— № 3. Год в степи.— Очерк Е. Гариной.— № 3, 4. Здесь работал Ленин.— № 4. За мир и счастье народов.— Долорес Ибаррури.— № 5. Пионеры Венгрии.— Рассказы вают венгерские студенты Жьердь Секе, Марика Эрдеш, Анна Дьенеш, Эдит Бергер.— № 6. На шестом материке.— Фотоочерк.— № 6. Будущие моряки.— Фотоочерк В. Иванова и А. Старичкова.— № 7. Большой Тургай.— Очерк А. Некрасова.— № 8. О тех, кто впереди.— Фотоочерк о молодёжи, уехавшей в Норильск.— № 8. Подарок немецким друзьям.— Очерк Л. Почивалова.— № 9. Смело, товарищи, в ногу!— Рассказы о революционном прошлом старых коммунистов В. Я. Корягина, П. Т. Шеева, А. М. Тимофеева, Н. А. Соколова, И. А. Асташева.— № 11. На дальней окраине Киева.— Очерк Е. Гариной.— № 12.

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ ЛЮДЯХ

Однанды в море.— Рассказ В. Максимова и А. Некрасова.— № 1. Радист танкера «Туапсе».— Очерк А. Аграновского.— № 2. Под землёй.— Очерк М. Бужкевича.— № 9.

ИЗ ЗАПИСОК ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Огненный дождь на Киву.— Глава из книги «Африка грёз и действительности» Ирки Ганзелки и Мирослава Зикмунда.— № 1. Исследователи глубин.— Рассказы научных работников Института океанологии А. Исаевой, Н. Зенкевича, С. Сутова.— № 2. Из путевого альбома.— А. Кокорин, художник.— № 4. С фотоаппаратом по Индии.— Ю. Жуков.— № 5. Рыбы поют в Укали.— Аркадий Фидлер.— Перевели с польского И. Горбачёва и Я. Немчинский.— № 6, 7. Путешествие в «страну странных».— Очерк Р. Измайловой.— № 7. Улукиткан.— Г. Федосеев.— № 8, 9. На Енисее.— П. Кузьмичёв, художник.— № 10.

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Наша почта (Письма, стихи, заметки ребят).— №№ 1, 3, 4, 6, 7, 8, 11. Белая книга.— Очерк Ю. Новиковой.— № 1. Дружба.— Очерк Игоря Голосовского.— № 1. О славных делах пионерских.— № 2. Дерзаты.— Очерк В. Вагранова.— № 2. Кляксы (Юмористические рисунки ребят).— №№ 2, 4, 11, 12. Могусам.— Н. Андреев.— № 2. Дороги в мир.— Очерк Руд. Бершадского.— № 3. Убитое время.— Л. Кассиль.— № 3. Книга подвигов и славы (О «Книге почёта пионерской организации им. В. И. Ленина»).— № 4. Два урожая в одно лето.— Очерк В. Альтова; Мы рады таким помощникам.— Д. В. Горюнов,

кандидат сельскохозяйственных наук.— № 4. На озере Киево.— Очерк П. Петряева.— № 4. 100 окошек на 4 стороны.— Лев Кассиль.— № 5. Ещё больше цветов.— Н. Александров.— № 5. История кукурузного поля.— Очерк Е. Гариной.— № 5. Готовьтесь к Международному фестивалю молодёжи!— № 5. Благородная привычка.— Беседа старого коммуниста Г. И. Петровского.— № 6. Когда приходят волшебники.— Очерк Ю. Новиковой.— № 6. Хозяйка квартала.— Очерк С. Журбиной.— № 7. Карандаш — оружие туриста.— Дм. Соболев, Е. Рубцова.— № 7. Дорога смелых.— Очерк Ю. Новиковой.— № 8. Через границы.— Очерк Е. Евгеньевой.— № 8. Мечты и жизнь.— Очерк К. Кочеткова.— № 8. Какой будет наша школа.— В. П. Ильин, директор 12-й школы интерната города Москвы.— № 9. Задумано — сделано (Короткие очерки о хорошем опыте пионерской работы).— №№ 9, 12. Добрая память (Из дневников юных туристов).— № 9. Будьте любезны.— №№ 9, 10, 11, 12. Далёкие голоса (Письма зарубежных ребят).— № 10. Ночной разговор.— Фельетон Ю. Новиковой.— № 10. Ещё одна запись.— Очерк В. Альтова.— № 10. Выдумщики, работяги, друзья.— Очерк А. Хмелика.— № 10. Новый дом.— Фотоочерк о школах интернатах.— № 11. «С Новым годом!»— Ю. Новикова.— № 12.

МАСТЕРСКАЯ «ЗОЛОТЫЕ РУКИ»

Металлопластика.— Г. Леонов.— № 2. Школьный инкубатор.— Т. А. Асмус, преподавательница биологии.— № 3. Советы юному туристу.— Н. Звескин.— №№ 4, 5. Море цветов.— К. Кочетков.— № 4. По народным узорам.— Е. Рубцова, Дм. Соболев.— № 4. Лодка-вездеходка.— А. Веселовский, С. Захаров, сотрудник Центральной лаборатории морского моделизма.— № 5. Из проволоки.— В. Андриевич, художник.— № 5. Арбалет-пистолет.— Н. Звескин.— № 8.

СПОРТ

Зимние олимпийские игры.— Очерк В. Кречетовой.— № 1. Ученики и учителя.— Очерк В. Кречетовой.— № 2. Откуда пошли олимпийские игры.— Очерк А. Красильщикова.— № 3. Второе рождение.— Очерк А. Красильщикова.— № 4. Не бойся воды.— Д. Лобысевич, заслуженный учитель РСФСР.— № 5. Стройка в лагере.— В. Поликарпов, заслуженный мастер спорта.— № 6. Необыкновенный приз.— Очерк А. Красильщикова.— № 7. Праздник физкультурников. На тренировке чемпиона.— А. Красильщиков; Стрелой в воду.— В. Кречетова, Л. Фридман.— № 8; Первый тренер.— Очерк А. Соколовского.— № 9. Разные разности.— №№ 9, 11. Мельбурн готов к Олимпиаде.— № 10.

Поговорим о футболе.—Н. Старостин, заслуженный мастер спорта.— № 10.
 Полёт без крыльев.—Очерк В. Нагорного, заслуженного мастера спорта.— № 11.
 Шестидесят товарищей.—А. Фридман.— № 12.
 О чём рассказал Санжамца.—М. Юдович, международный мастер по шахматам.

НАУКА И ТЕХНИКА

Тайны шестого материка.—Очерк К. Андреева.— № 2.
 «Сегодня и завтра» (Краткая информация о новейшей технике).— №№ 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11.
 Могучие помощники.—Очерк А. Некрасова.— № 3.
 День в вольере.—Очерк Г. Скребицкого.— № 3.
 320 000 000 000.—Очерк Г. Остроумова.— № 4.
 Старик-паровоз и его наследники.—Очерк А. Некрасова.— № 4.
 Как рождается сталь.—Очерк Ю. Моралевича.— № 5.
 Новосёлы Московского зоопарка.—А. Коровина, заместитель директора Московского зоопарка.— № 5.
 Пчелиный «компас».—Очерк Г. Голубева.— № 6.
 Атомовоз, атомоход, атомолёт.—Очерк Ю. Моралевича.— № 6.
 Увлекательная охота.—Очерк П. Горохова, учителя 223-й московской школы.— № 7.
 Определитель бабочек.—П. Горохов.— №№ 7, 8.
 Гринклочения эфы.—Очерк О. Богданова, кандидата биологических наук.— № 8.
 Марс приближается к Земле.—Очерк В. Арсентьева, научного сотрудника Государственного астрономического института имени Штернберга.— № 9.
 Масло из камня.—Очерк Ю. Моралевича.— № 10.
 Война с улитками.—Очерк Е. Линника.— № 10.
 Победённая боль.—Очерк Бориса Володина.— № 11.
 Необыкновенный сев.—Г. Куликов.— № 11.
 Кочующие птицы.—П. Горохов.— № 11.
 Наш автомобиль.—Очерк А. Некрасова.— № 12.
 Наши зимние гости.—П. Горохов.— № 12.

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

(Ответы на вопросы читателей)
 Была ли Антарктида?—В. Беклешов; Знатные гуси.—Е. Владимиров.— № 1.
 Тихий океан.—Е. Владимиров; Народ Кении борется.—А. Данилов; Из прошлого часов.—И. Бавыкина.— № 2.
 Что такое пластмассы.—Ю. Моралевич; Дерево, на котором растёт вата.—Д. Горюнов, научный сотрудник Главного ботанического сада АН СССР; Почему шумит морская раковина.—Ф. Рабиза; Лишняя работа.—Л. Курилова, кандидат медицинских наук.— № 3.
 «Волшебное» число.—М. Да-

нилевич; Радиокомандир.—Ю. Авалиани, инженер; Живой объект.—Л. Курилова; Почему кошка видит в темноте.—Л. Курилова.— № 4.
 Как сюда попала красноперка.—К. Кочетков; Телевидение под водой.—А. Гороховская; Про муравьёв.—К. Арнольд, доктор биологических наук.— № 5.
 Поющие знаки.—М. Данилевич; Недогадливые ишаки и верблюды.—М. Рябова; Тайна куска мыла.—И. Бавыкина; Светящаяся икра.—К. Кочетков.— № 6.
 Земля и Солнце.—Беседа Н. Богуславской, кандидата физико-математических наук; Химия в карточке.—К. Кочетков; Взрыв в дереве.—И. Бавыкина.— № 7.
 Рыжик и морская свинка.—Г. Грин; Был ли всемирный потоп?—К. Кочетков.— № 8.
 Воздушные и сухопутные мотоциклы.—Н. Висоцкая; История письменности.—К. Кочетков.— № 9.
 Правая и левая.—Б. Володин, врач; Поющие куры.—К. Кочетков; Звёзды и люди.—Е. Владимиров.— № 10.
 Счёт времени.—Борис Володин; Снег летом.—И. Бавыкина.
 Самое маленькое государство.—В. Жуков.— № 11.
 Весы.—К. Кочетков; Глазами математика.—Е. Владимиров; С ясного неба.—Ю. Авалиани.— № 12.

ИСКУССТВО

Индийские куклы.—И. Малевинская.— № 1.
 Рисунки из Индии.—Кришан Чандр.— № 3.
 Волшебная кисть (К 100-летию со дня рождения Врубеля).—Е. Журавлёва.— № 3.
 Рождение музея.—Очерк М. Эпштейн.— № 5.
 Тайное звено.—Очерк Ю. Савицкой.— № 6.
 Звери, птицы, человечки.—Очерк Б. Воронова.— № 6.
 Рембрандт.—Очерк Л. Успенского и К. Шнейдер.— № 7.
 Москва в рисунках юных художников.— № 9.
 Что говорят картины.— № 11.

ОЧЕРКИ О ПИСАТЕЛЯХ

Джек Лондон.—Б. Сарнов.— № 1.
 Рыцарь свободы (О Генрихе Гейне).—Ю. Новикова.— № 2.
 Генерал Лукач (О Матэ Залка).—Б. Сарнов.— № 4.
 Иван Франко.—Александр Дейч.— № 8.
 Певец дружбы народов (Об О. Туманяне).—В. Орджоникидзе.— № 9.
 Солдат и поэт революции (Об Эжене Потье).—Б. Сарнов.— № 7.
 Всадник с красной звездой (Об А. Гайдаре).—В. Сарнов.— № 10.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Книга о большой жизни (О книге Яновского «Академик науки»).—Н. Андреев.— № 1.
 О верных и любящих сердцах

(О книге Эдмондо де Амичиса «От Апеннин до Анд»).—Е. Русакова.— № 1.
 Волшебная лупа.—А. Буквица.— №№ 1, 3, 5, 11.
 От украшения фараона до телескопа (О книге М. Свешникова «Тайны стекла»).—А. Некрасов.— № 2.
 В горах Жёлтой пустыни (О книге М. Розенфельда «Ущелье алмазов»).—Ю. Савицкая.— № 2.
 Юным рыболовам (О книге Ф. Полканова «Подводный мир в комнате»).—В. Серёжин.— № 2.
 Воскрешение умершего мира (О книге Н. Петровского и А. Белова «Страна Большого Хапи»).—Лев Успенский.— № 3.
 Книга о наших друзьях (О книге Ирки Марек «Молодые борцы»).—Е. Львова.— № 3.
 Правдивая книга (О книге Н. Дубова «Сирота»).—Ю. Новикова.— № 4.
 История одного спора (О книге Гургена Боряна «Да и Нет»).— № 4.
 Сказка джунглей (О книге Р. Киплинга «Маугли»).—Ю. Савицкая.— № 4.
 Письма к сыновьям (О книге Антонио Грамши «Ежовое дерево»).—В. Орджоникидзе.— № 5.
 Страницы из книги природы (О книге П. Марикова «Чудесная пестрокрылка»).—А. Некрасов.— № 5.
 Книга о юности большевика (О книге М. Прилежаевой «С берегов Медведицы»).—Борис Емельянов.— № 6.
 Светлана — твой друг (О книге Н. Артюховой «Светлана»).—Э. Кузьмина.— № 6.
 Журнал мичуринцев и юннатов.—Е. Катина.— № 6.
 Друзья ваших друзей (О пионерских журналах стран народной демократии).— № 6.
 Рассказы о первых подвигах (О книге Ю. Нагибина «Мальчик»).—Ю. Новикова.— № 7.
 Детство Сандора (О книге А. Талвира «У нас на Буле»).—Е. Львова.— № 7.

Новый журнал «Костёр».— № 9.

Рави и Шаши (Об одноимённой книге С. Баруздина).—Г. Скребицкий.— № 9.
 «Весёлые картинки» (Об одноимённом журнале).— № 11.
 Судьба художника (О книге О. Иваненко «Пути Тараса»).—И. Орловская.— № 11.
 Быль и небылицы (О книге Ю. Олеши «Три толстяка»).—Ю. Новикова.— № 11.
 Всегда ли гость был гостем (О книге И. Уразова «Почему мы так говорим»).—В. Орджоникидзе.— № 11.
 Для тех, кто любит мастерить (О книжках-листках «Для умелых рук»).— № 11.
 Рассказывает итальянский писатель (Джованни Пирелли).— № 12.
 Как был разгадан секрет (О книге Юрия Вебера «Разгаданный секрет»).

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Тимофеева Г. Я., Шмаинов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
 Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 13532. Подписано к печати 27/XI 1956 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 1129. Заказ № 2756.
 Форм. бум. 84 × 108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

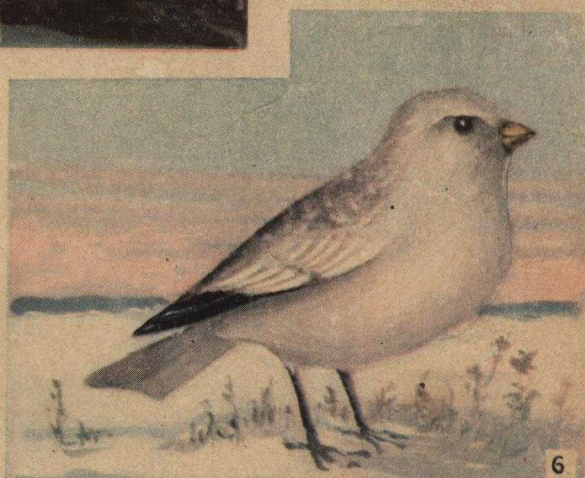
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

Будьте осторожны, катаясь по речному льду на коньках и лыжах. Во время ледостава, пока лед не окреп, кататься по нему нельзя.

Наши зимние гости

1 — снегирь и снегирка; 2 — чечётка; 3 — свиристель; 4 — клевсты; 5 — шур; 6 — подорожник снежный — пуночка; 7 — белая сова.

Подробнее об этих птицах рассказывается в этом номере.

Рисунки П. Горохова.